

Сергей КУЗИЧКИН

ПОЗЫВНЫЕ МЕРЦАНЫ

Эссе, новеллы, повести

Красноярск 2016

ББК 84(2Рос = Рус)

К 89

С. Кузичкин

Позывные Мерцаны

Эссе, новеллы, повести

Красноярск 2016 – 278 стр.

ПОЗЫВНЫЕ МЕРЦАНЫ

Эссе, новеллы, повести лирические, иронические, философские, сочинённые автором в конце XX – начале XXI вв.

ISBN 978-5-904314-95-8

© С. Кузичкин, –
Позывные Мерцаны

НАДЕЖДА НЕ ТЩЕТНА, ЕСЛИ С НЕЙ ВЕРА И ЛЮБОВЬ

Проза Сергея Кузичкина обжигает душу реалиями страшной действительности. И в подробном описании добычи алкоголя, этого «зелья», этого провинциального «радия», нет ему равных, ибо и Венечка Ерофеев, и Василий Аксёнов, и Сергей Каледин, и множество их последователей, завербованных темой московской гульбы, не знали этого подземного сибирского мира, где «пьют всё, что горит», сжигая синим пламенем собственную душу. Безысходность существования озаряется наркотическими прозрениями героев. Но вспышки эти кратковременны и непродуктивны. Главная движущая сила героев существует как бы вне кадра, где-то там, в «метафизике». Кинематографичность сюжета вопиет к продюсерам и режиссёрам: «Снимайте!». Ах, какой бы фильм вышел из пронзительной этой книги.

Язык писателя прост и ясен. Читатель почти всегда понимает главную мысль автора, и если что-то и остаётся недопонятым, то как раз те законы, по которым вообще движется вся вселенная духа. Гипотеза писателя Сергея Кузичкина, писателя сильного, писателя своеобразного и талантливого, имеет право на существование. Она подкреплена фундаментальной прозой, где иная деталь говорит больше, чем пространственные газетные рассуждения о путях русского народа и его заблуждениях. В подтексте угадываются архетипы славянской сущности с её вечной надеждой на «авось». Самое странное заключается в том, что надежда эта не тщетна, если её сопровождают вера и любовь.

Сергей КОРОТКОВ,

член Союза писателей России,

член Академии российской литературы

БЕЗУМИЕ ПИСАТЬ ВСЕРЬЁЗ...

Примечательно, что Сергей Кузичкин пришёл в литературу со своим конкретным временем, «От» и «До», со своим невыдуманым, реально живущим рядом с ним героем. Разрушалась социально-нравственная среда, разрушался идеал, рушился человек. И это трагическое состояние в обществе Кузичкин заметил ещё в начале 90-х годов, когда многие из нас ещё надеялись, что всё обойдётся, вот-вот выправится. Мужики ушли в пьянку, политики кинулись в распутство, олигархи, потеряв жизненный ориентир и генетический стержень, стаями летят в западные страны, наивно думая, что там, вдали от обворованной родины, избавятся от угрызения совести, обретут покойствие души. Всё это у Кузичкина подано с уничижительной иронией, с сарказмом, смехом, хохотом. Потому что о таком безумии всерьёз писать нельзя, сам сдвинешься с ума.

С точки зрения литературного мастерства в творчестве Кузичкина всё нормально. Форма не довлеет над содержанием, что часто бывает у молодых. Язык сочный, образный, характеры выписаны смелыми штрихами, чувствуется стихия русского таланта.

Анатолий ЗЯБРЕВ,

член Союза писателей СССР и России
Красноярск

ТАМ, ЗА ОБЛАКАМИ...

С крыльца дома тёти Веры видно неширокое пшеничное поле. Оно начинается сразу за тёткиным огородом, вернее, за узкой полевой дорогой, разделяющей огород и поле. В заброшенной, населённой только летом деревеньке такая тишина, что слышно, как шумят колосья, качаясь на ветру.

Я прохожу по огороду, срывая на ходу несколько стручков уже спелого крупного гороха, и, перемахнув через изгородь, выхожу на пыльную дорогу. Огненный шар солнца в лазури небес висит прямо над моей головой. Птичье пение то слышится, то замирает. Ветерок, едва касаясь моих волос, приятно щекочет, забираясь под ворот рубашки. Благодать! Я ощущаю физическое и душевное равновесие. Хочется кричать от восторга. Кажется, ещё немного — и я оторвусь от земли...

В эту минуту я свободен. Свободен от всего на свете. От обязанности ходить на работу, от домашних забот, от телефонных звонков друзей, свободен от дум о пропитании, от творческих и различных других планов. Но свободу эту, недолгую и во многом нереальную, уже поработщает мысль о том, что прекрасное моё ощущение промелькнёт, как мгновение, и я опять буду скован заботами и помыслами будней.

Я быстро пересекаю неширокое хлебное поле, прохожу по берёзовой роще, выхожу на свежевыкошенную опушку, разбегаюсь и, подпрыгнув, лечу в стожок ещё зелёной травы.

Недолгое чувство полёта... Земля не хочет отпускать своего пасынка, и невидимая сила её тяготения уже влечёт меня к себе. «Лишь мгновение ты наверху — и стремительно падаешь вниз...» — мыслью пролетают в голове слова любимого барда, и я падаю на сено. Свободный полёт закончен. Как будто его и не было. А действительно был ли он свободным, этот невысокий полёт? И вообще, может ли быть человек свободным на планете, имя которой — Земля? Я понимаю, что вопрос этот — риторический. На него уже даны сотни различных ответов, и

все они и правильные, и по-своему, в конечном счёте, неверны. Неверны хотя бы потому, что в физическом и бытовом отношении человек никогда не бывает свободен и целиком зависит от обстоятельств. С точки зрения морали, на него воздействуют законы и политика той страны, в которой он живёт. То же можно сказать и о творческой стороне жизни. Несвободны в своих суждениях очень многие потому, что часто заблуждаются в своих мыслях, и происходит это в основном только из-за того, что никто не знает всей правды о делах, творящихся в мире, а ещё потому, что многие зависят от суждений других. Философов, писателей, сотворённых только в своём сознании кумиров, часто давно от нас ушедших, но сказавших однажды так-то и так-то. А были ли они, эти кумиры, сами свободны, выражая, как казалось им, свои мысли и суждения?

Как говорит нам история, лозунгом Французской революции были слова: «Свобода», «Равенство», «Братство». Слова по сути неплохие, но совершенно абстрактные. И не потому, что пишу я сейчас эти строки так утвердительно, задним числом ведая, что случилось с организаторами тех переворотов власти, а потому, что дальше понятий о провозглашённых словах дело ни тогда, ни после не пошло. Да и пойти не могло.

Абсолютной свободы в мире не существует. Разве только в умах рассудок потерявших. Или, как ни парадоксально, у людей, лишённых физической свободы. Помню, однажды, оказавшись на некоторое время на ограниченном участке территории в весьма стеснённых условиях, я вдруг ощутил такой душевный творческий полёт, что за одну свою «болдинскую осень» накатал и опубликовал столько стихотворений, сколько не сочинил и не напечатал за последующие десять лет.

Подобное я могу сказать и о равенстве. Его нет и быть в обществе человеков не может. Как вы себе можете представить равенство полов? Жена, равная мужу? Или муж, стремящийся равняться на супругу? А равенство подчинённого и начальника? Родителей и детей?

«Все люди — братья!» — восторженно кричали когда-то господа революционеры, но прошло совсем короткое время по-

сле победы революции, и вчерашние единомышленники, вместе прошедшие ссылки, тюрьмы, делившиеся последним куском хлеба, не смогли поделить доставшуюся им вдруг власть и фантастические суммы денег, стали устранять друг друга. Братство, видимо, возможно только среди людей обездоленных, бескорыстно помогающих друг другу, но не среди богатых и мещан. Идеальное общество существует только в утопических романах. Это там всё по справедливости и нет никакой зависти и тщеславия. А у нас братья зачастую не могут поделить наследство родителей и становятся недоброжелателями друг другу до конца дней своих. Сестра, жена и любовница никогда не станут мне братьями. Никогда я не назову братом тестя, тещу, будущую невестку или зятя. Преступник никогда не назовёт так свою жертву, а блюститель порядка (по логике вещей) — «вора в законе». Наверное, эти лозунги были приняты и востребованы именно в своё время, теперь уже безвозвратно ушедшее. Жизнь придумала новые слова и новые песни. «Марсельезу» сменила «Таганка», где «ночи, полные огня», а теперь в России молодёжь поёт о том, что «нас не догонят...»

Я же пока ни от кого не собираюсь убежать. Лёжа здесь, на скошенной и сложенной в стожок зелёной траве, я гляжу в лазурь небес, и мысли мои и чувства, закованные в панцирь тела, но ему не принадлежащие, бьются сердечным перестуком в груди и вырываются и рвутся ввысь. Синь неба приближается. Небо входит в моё сознание, поглощает и похищает его. Вспорхнувшая мысль летит в зенит, обдуваемая ветерком, отталкивает лёгкие, едва заметные белые облачка, тщетно пытающиеся преодолеть земное тяготение, и улетает в просторы Галактики. Она ищет простора и свободы. Она хочет быть принята и понята ТАМ, как не может быть принята и понята ЗДЕСЬ.

«Там, за облаками, там, за облаками...»

А может быть, не надо взлетать так высоко? А стоит только сделать один лишь маленький шагок, и ты окажешься в другом — параллельном, астральном мире, который рядом, но для тебя пока неведом и неосязаем? Как неведом и неосязаем наш

мир для ребёнка, живущего в утробе матери — своей Вселенной.

И там, в этом неведомом пока мире, из которого (я уверен) мы были удалены за какие-то провинности, совершённые в ВЕЧНОСТИ, и куда подсознательно стремится вернуться наша душа, мы поймём, что наши помыслы были не напрасны.

А пока под коркой головного мозга живут воспоминания о будущем, всплывают дежавю и напоминают о том, что душа вечна, свободна, равна всем другим братским, созданным Всевышним, душам, и зовут туда, за облака.

17 февраля 2004 года. Москва.

ПОЗЫВНЫЕ МЕРЦАНЫ

Она подошла к нему после поэтической встречи, в лёгком воздушном платье – белом, с большими красными розами, легко-пархающая – почти летящая, радостно-сияющая.

– Мне посоветовали обратиться к вам, – сказала она, протянув ему несколько листочков со стихами.

Голос: тембр, интонация, уже зрелой женщины с молодой улыбкой и блеском в глазах, были ему знакомыми.

– Мы с вами нигде не встречались? – спросил он, взяв у неё листочки.

– Мне тоже показалось, что я вас где-то видела, – она смотрела на него ласково, даже нежно, – Вы посмотрите мои стихи?

– Позвоните мне на следующей неделе, – сказал он и подал ей свою визитку, – Вас как зовут?

– Чайка... – ещё нежнее и ласковее улыбнулась она, и у него отпали последние сомнения.

Чайка...

Конечно же, её зовут Чайка, и пришла она на эту его поэтическую встречу и подошла к нему, не случайно. Раньше или чуть позднее они всё равно бы встретились и встретились именно так или примерно так, но именно в этом городе и нигде больше. Ведь она искала его сама, пока не понимая, что ищет, что идёт на зов или вернее на позывные, посланные ей в тот день, как шли до неё к нему навстречу, в своё время Ита и Вета, что все они связаны с ним давно, ещё до их первой встречи на Земле. Связаны не только общими земными сиюминутными интересами: стихами, литературным объединением, Городом в котором они живут. Городом, пожалуй, больше, чем стихами. Город этот выбран местом их встреч, прописан в их земной судьбе, а они привязаны к нему. И сколько бы раз он не рвался покинуть Город и Сибирь, и было даже – покидал, но

всё находились причины вернуться и остаться. И он покорно возвращался и оставался, чтобы жить здесь, писать стихи, проводить поэтические встречи и ждать, когда придут они. И они пришли. Ита – вначале первой осени нового земного тысячелетия, Вета – ранней весной седьмого года от начала столетия, и вот – Чайка – во второй день восьмого месяца, восьмого года, через один год и почти пять месяцев, после Веты. Он знал, что Чайка придёт последней, что они все будут жить в этом Городе, будут встречаться на поэтических вечерах, будут находиться в поле зрения друг друга, а однажды узнают: кто они и зачем их свела судьба. А пока...

А пока он знает только, что должен сначала разгадать загадку Мерцаны и определить: кто из этих троих, похожих на земных женщин, его вторая половина, а уж потом обо всём узнают они.

Мерцана. В славянской мифологии богиня начала дня, радуги и плодородия, олицетворение красоты и живой силы природы. В книге «Славянская мифология» изданной за сто лет до его появления на Земле, он прочёл о богине Мерцане: «Под сим названием славяне разумели зарю. Следовательно, ей можем придать те же приложения, кои Гомер, списывая с природы, прилагает к своей заре; он её называет «рудо-жёлтою зарею», иногда «злато-багряною». Она у него появляется по два раза на день. Когда бог солнца выезжает на небо, Мерцана утром, поднимая мрачный покров ночи своими розовыми перстами, показывает на малое время свою злато-багряную одежду. Как же скоро Солнце въедет на небо, Мерцана снова скрывается; а в другой раз, как скоро Солнце приблизится к западным вратам своего дома, она, ему оные отворив и встретив, дожидается, пока проедет, и до тех пор её злато-багряная риза бывает видна, доколь опять не опустит она завесы ночи. Но славянская заря при отправлении сего служения Световиду выходит иногда ночью резвиться над нивами, порхая над созревающими колосьями. И тогда зовут её Зарницею. А как верили, да и теперь

ещё верят, что зарницы способствуют к большему обилию и скорейшему созреванию жатв, то она и почиталась покровительницей нив. А посеум молили её об урожае хлеба».

Когда в его жизни появился интернет, и он нашёл там доселе, казалось известную ему одну информацию: славяне называли, а некоторые называют и сейчас вторую от Солнца планету Землёй Зари Мерцаны, то понял, что он на Земле такой не один.

Самая ранняя на небе звёздочка с малых лет привлекала его. В отличие от Иты, Веты и Чайки появившихся и выросших в Городе, его детские годы прошли в небольшом посёлке, за сотни километров от предназначенного ему судьбой Города. Улицы посёлка с наступлением темноты почти не освещались и жители его, вольно-неволью, чаще горожан, поднимали глаза в звёздное небо. Впервые он отметил от других раннюю звёздочку возвышенным вечером второй половины марта. Это отрезок календарного года и это время суток в нём, он потом встречал с особенным трепетом. Выжженные на снегу неярким ещё солнцем проталинки, маленькие прихваченные ледком лужицы и темнеющее, но ещё лазурное, а потом густо-синее небо и вот она – первая звёздочка. Позже он узнал, что её называют Венерой, в честь римской богини любви, что она появляется не только вечером, но и утром и даже больше известна как Утренняя звезда. Узнал и о том, что у этой звёздочки были и есть другие названия и порой название Венеры-вечерней, отлично от Венеры-утренней. Древние греки и египтяне серьёзно считали, что вечерняя и утренняя блуждающие звёзды – это совсем разные планеты. Греки вечерней Венере дали имя Веспер, а утренней – Фосфор, египтяне: Тайоумутири – утренней Венере и Оуэйти – вечерней. Индейцы майя называли Венеру Нох Эк – «Великая звезда» или Ксукс Эк – «Звезда Осы».

Подростком он научился быстро отыскивать свою звёздочку утром – примерно за час до восхода солнца. Соорудив подзорную трубу из скрученных в трубочку листов плотной

бумаги и увеличительных стёкол, смотрел с восторгом на приближенную к нему светящуюся точку, отмечая в тетрадке как, подобные лунным, меняются фазы другой планеты: от крошечного серпика до полудиска. Весной и осенью он глядел на Венеру чаще вечером, летом больше по утрам, а зимою, бывало не получалось неделями увидеть ни одной звёзды. Большинство зимних дней небо затягивалось плотными тяжёлыми облаками, а когда выпадали редкие ясно-звёздные ночи, то стоять во дворе с трубой было холодно, а через окна дома, разрисованные морозными узорами, не было видно, что делается в ограде или на улице. И он с нетерпением ждал весны, марта, его второй половины, сине-лазурных вечеров. А ещё он любил ранние июньско-июльские рассветы, тёплые тёмные августовские звездопадные ночи и прохладные вечера в конце сентября – начале октября, когда замолкали дробь нудных серых дождей, и на багряно-золотой от листвы деревьев день, надвигался сиреневый вечер, и вспыхивала в короне бархатеющего неба ранняя Венера-Мерцана.

Теперь вспоминая того мальчика, сравнивая его с собой сегодняшним, понимая и принимая в сознание, что тот прежний, всё же он сам, ему больше и больше кажется, что всё-таки тот был другим – более земным. Да не более даже, а совсем земным. Тот прежний не знал ничего о себе. Вернее, знал другое: свой дом, свою семью – отца, мать, сестёр, друзей, одноклассников... А есть ли у него действительно родные: мать, отец, сёстры или братья? Или...

«Ты всё узнаешь, когда придёт время...», – помнил он слова Мерцаны.

Как это произошло, он не смог понять тогда и не может теперь. Сколько ему было: семнадцать, двадцать, двадцать пять земных лет? Наверное, не важно. Они поняли, что он готов и призвали его.

Той летней тёплой ночью до появления Венеры-Мерцаны оставалось больше часа, и он рассматривал другие звёзды, на-

водя свой самодельный телескоп то на одно, то на другое созвездие. Он не сразу заметил её. Звёздочка появилась неожиданно: вспыхнула и стала расти, становясь всё ярче и ярче. Он взглянул на неё в свою трубу и ахнул: знакомые очертания! Это была она – Утренняя звезда, его Венера-Мерцана. Была там, в том месте неба, где её не должно было быть. А звёздочка росла и росла. Вот она уже стала похожа на луну в её половинчатой фазе, вот уже закрыла половину неба, вот весь небосвод...

И он оказался на Мерцане и... рядом с Мерцаной. Он стоял перед ней, стоял непонятно на чём: ни внизу ни сверху ничего не было, но он чувствовал опору и видел приятное женское лицо: длинные белые волосы, синие зрачки глаз, улыбку.

– Я – Мерцана, – сказала она ему растерянному, но не чувствующавшему страха.

– А я думал, что Мерцана – это планета, – произнёс он не смело.

– Я и есть планета, – сказала она, и её улыбка, стала ещё добрее, – В нынешнем твоём мире такое сложно для понимания, но поверь, это так. Люди – лишь одно из состояний живых разумных организмов. Если они совершенствуются, то становятся асами, богами, планетами, системами, даже галактиками, не теряя способности оставаться людьми. Вот здесь на Мерцане или как называют у вас – Венере – люди немного другие, чем там, где живёшь ты.

– На Венере... На Мерцане живут люди!/? Но это не возможно! Там же разряженная атмосфера, не пригодная для жизни человека! – почти выкрикнул он.

– В одном измерении невозможно, в другом – возможно, – её глаза лучились и лучились добротой, – Жизнь состоит из многих измерений и все планеты и их спутники, по всей Вселенной, заселены так густо, что ты даже представить себе не можешь. Земля тоже на разных измерениях выглядит по-разному. Об этом ты скоро узнаешь, пока же должен знать лишь то, что родился здесь, на Мерцане и состоишь из двух половинок, двух начал. Эти оба начала, обе эти половинки самостоятельны, хотя существуют раздельно, но находятся, живут всегда

рядом, вместе. И они должны быть и жить вместе и расставаться ненадолго, только для того, чтобы перебраться на другие земли-планеты. Время в разных измерениях и на разных землях-планетах проходит по-разному и половинки, чаще всего попадают в разные его периоды, но, в конце концов, соединяются. Часто им, чтобы встретиться не хватает одной жизни или бывает так, что одна из них доживает до преклонного возраста, а другая только появляется там. Приходится ждать новой жизни, нового перевоплощения. Но для долгой, почти вечной жизни это не столь важно, как неважно и само время. Они всё равно встретятся.

Твоя вторая половинка ещё не отправилась вслед за тобой, но скоро она придёт к тебе. Ты узнаешь её. Расстояние между Землёй и Мерцаной небольшое и возрастная помеха тоже будет не большой. Вы встретитесь в течение твоей нынешней жизни. Мы создадим образ и среду обитания и к тебе, в разные сроки придут три женщины. Ты узнаешь их, но кто из них твоя половинка поймёшь не сразу. Они придут на позывные, не понятные им до времени. До поры ты ничего не будешь им говорить. Ты будешь жить рядом с ними своей жизнью, они своей. Может быть, и даже наверняка, пройдёт не один земной год, пока ты поймёшь: кто она, но ты должен будешь узнать её обязательно. Это твоя главная задача на первом этапе. На втором, вам предстоит спасти Землю. Её нужно скоро будет спасти. К вам придёт помощь. Но пока ты будешь там один и будешь ждать их. А вот и они...

Лицо Мерцаны растворилось в улыбке, а на его месте появились и пошли, полетели, поплыли к нему три женщины с лицами и улыбками похожими на лицо и улыбку Мерцаны. Они прошли, пролетели, проплыли совсем рядом с ним, и он заметил: не смотря на свою похожесть, они всё же очень разные. До него долетели слова – то ли имена, то ли позывные: Ита, Вета, Чайка...

А ещё он слышал пение и запомнил слова, мелодию, мотив.

Тебя всюду узнаю,
Тебя всюду узнаю,
На какой бы планете не жил.
Я с Мерцаной мерцаю,
Я Мерцаной мерцаю,
Чтоб мой свет до тебя доходил.

На Земле ты мечтаешь,
Ты живёшь и не знаешь,
Что ищу тебя тысячу лет.
Ты рассветы встречаешь,
Ты закат провожаешь,
Но любви у тебя моей нет.

«Я люблю тебя, слышишь,
Я люблю тебя, слышишь!», –
Через Время тебе я кричу.
Я люблю тебя, слышишь,
Я люблю тебя, слышишь!
Я к тебе через Вечность лечу!

И вот они пришли к нему и теперь едва ли не каждый месяц они видятся на поэтических встречах, которые он организует в библиотеках и Домах культуры Города. Они приносят ему новые стихи, читают их для всех на встречах, а позже, каждая из них в отдельности, рассказывает ему о своей жизни. Иногда они ему звонят. Бывает, встречаются с ним в Городе случайно но, понимая, что все случайности между ними закономерны, он не торопится с ними расстаться и выслушивает их долгие монологи.

И так продолжается и продолжается.

Пошёл уже четвёртый год с того дня как появилась последняя из них, а он ни на шаг не приблизился к разгадке. Он по-прежнему даже не догадывался: кто из них она. А они продолжают жить своими личными интересами, часто отличными от него, влюбляются, увлекаются. Впрочем, как он понимает, глядя на них, слово «влюбляются» не совсем подходит к ним, они скорее действительно увлекаются, ибо их чувства, их отно-

шения к мужчинам другой планеты, хотя внешне и похожи на земные, всё же отличаются от тех, что обычно складываются у землян. Видимо, через увлечения и влюблённость они лучше адаптируются на новой планете.

Больше других преуспела в личной жизни Ита. Она моложе его лет на шесть, и за то время, что он её знает, она успела побывать замужем за молодым врачом, родить дочку и развестись. Года два она числилась после подругой зрелого, на три десятка лет старше её, литератора, у которого была перехвачена отставным блюстителем правопорядка, более моложавым, но и более ревнивым. Если литератор любил её как женщину, не желая принимать её стихи, а тем более продвигать их в печать, то блюститель скорее видел в ней страстную партнёршу. Он яростно ходил за ней по пятам, неожиданно появлялся на поэтических вечерах и вступал в конфликты с лицами мужского пола, посмеявшимися ближе чем на полтора метра подойти к Ите. Она же изнурённая таким вниманием, бывало убегала от пылкого приятеля, пряталась у подруг и друга-литератора, но бывший блюститель всегда находил её. Не нашёл только один раз, когда взяв в очередной раз её след, уже впотьмах забрёл на стройку, где ему на голову с девятого этажа упала жестяная бадья. Как определили потом, он задел трос, к которому бадья была привязана. И хотя бадья оказалась пустой, блюститель сутки лежал без сознания, а потом ещё восемь дней в больнице, а когда выписался, его приторможенные мысли были больше направлены на укрепление собственного здоровья, чем на объект полового влечения. Может быть, интерес к Ите он и не потерял, но преследовать её перестал и на творческих встречах больше не показывался. Зато возле Иты сразу же появились странные мужчины среднего возраста, называющие себя художниками-самоучками и поэтами, пишущими для самих себя.

Анализируя поведение Иты, он сначала исключил её из претенденток, полагая, что его половина не может быть такой. Но во время бесед с ней наедине, начинал сомневаться. Ита была с ним искренней, слушала его замирая, глядя на него с любовью, готовая пойти за ним куда угодно: только позови.

Вторая – Вета почти на четырнадцать лет младше его, и, казалась, до поры, самой скромной из троих мерцаночек, как он успел их назвать. Она жила с мужем, имела двух детей и, всё вроде бы в жизни у ней было правильно, по земному. Но года через полтора после своего появления в его кругу, она вдруг призналась ему, что муж её встретил другую женщину, потерял голову и выставил её, вместе с детьми, из квартиры, потребовал развода. Целый год Вета мыкалась: снимала квартиры, соглашалась на дополнительную работу, чтобы прокормить и одеть детей. В этот трудный для неё период, они сблизились, стали встречаться и ему уже казалось, что Вета и есть его половинка, что ещё немного, и он услышит позывные Мерцаны и получит подтверждение своей догадке. Время шло, а позывных не было. Они продолжали встречаться и едва не дошли до физической близости. Но не дошли, ибо тут начались чудесные перемены в жизни Веты. Муж её в ответ на согласие развестись, оставил ей квартиру и ушёл жить к новой жене. Вета, отложив свидания с ним, перебралась в новое-старое жильё, провела там ремонт, пообещав непременно пригласить его в гости. Но в гости к ней он так и не попал. Накануне очередной поэтической встречи Вета позвонила ему, сбивчиво сказав, что к ней неожиданно приехал старый друг – её одноклассник, и она не смогла отказать ему, когда он попросился на ночлег. «Теперь он живёт у меня», – сделала признание Вета. А он расстроился и подумал: раз она вот так просто может поменять его на другого, то не должна и даже не может быть его половинкой.

Оставалась Чайка. На Земле она жила в облике женщины чуть старше его, но выглядела почти ровесницей. Именно при первой встрече с ней у него, как никогда ранее, билось в восторженном предчувствии сердце. Именно она с самого начала смотрела на него так лучезарно, как смотрела сама Мерцана. В те первые минуты их встречи он почти не сомневался, что это она. Он даже хотел, чтобы она была ею, и ничуть не удивился, когда она позвонила ему, сразу после их знакомства и предложила встретиться. Встреча, однако, вопреки его ожиданиям разочаровала и даже отдалила их на некоторое время. Чайка рас-

сказала ему то, что не каждая женщина расскажет даже близкой подруге. Она призналась, что у неё есть мужчина, которого она, точно знает, не любит, но который имеет над ней неведомую ей власть, и полностью подавляет её волю. Мужчина этот азиатской внешности смуглый, с острыми скулами и узким разрезом глаз, женат. Она встретила его на танцах несколько лет назад и, едва согласившись танцевать с ним, попала под его влияние. Он сразу повёл её с собой и взял её силой, что, как она полагает, ещё больше увеличило его влияние над ней. Она боится его, но всё время ждёт с нетерпением его прихода. Не он, а она ищет место для их тайных встреч, просит ключи от квартир у знакомых, организовывает поездки за город. Когда его долго нет, она не находит места, мечется по городу, ходит под его окнами. Когда же он решил оставить её и увлёкся молоденькой, она чуть не сошла с ума, даже ходила к его жене. Но не нашла понимания там и чуть было не наложила на себя руки, приготовив отраву. «Я не выпила её, потому, что вдруг вспомнила о вас, наши литературные встречи, – сказала она, – вспомнила и всё отлегло. А потом он снова пришёл ко мне, сказав, что поссорился с молодой подругой». Несколько недель после этого разговора они не виделись. Позже Чайка снова стала ходить на творческие вечера, читала стихи, но с ним встреч не искала. А примерно полгода спустя он встретил её с заезжим близоруким гитаристом. Гитарист этот выступал как-то на одной из их встреч, представляя соседний город. На встрече они познакомились и увлеклись друг другом. Как гитарист разбирался с азиатом и разбирался ли вообще, ему не было известно, но вскоре гитарист переехал жить к Чайке. Несколько раз он встречал их вместе. Они ходили взявшись за руки, улыбаясь друг другу, много фотографировались. Она потом дарила эти фотографии на встречах, несколько фото отдала и ему – на память. Два раза она приводила объект своего нового увлечения на их творческие встречи. Он играл на гитаре и даже пел. А потом она стала приходить, как прежде, одна. И если улыбалась, то с грустинкой. Несколько раз он видел её одинокогуляющую в парке или по улицам города. К нему она по-прежнему не под-

ходила, он тоже не стремился к ней. От литераторов он знал, что гитарист всё ещё живёт у неё, но увлечение их друг другом ослабло. Он больше лежит на диване, смотрит телевизор или бренчит на гитаре и ждёт от неё только приглашения к столу. Когда же она начинает читать ему свои новые стихи, он откровенно посмеивается и иронизирует.

Конечно же, он был не в восторге от их таких бурных контактов его мерцаночек с земными мужчинами. Конечно же, ему хотелось, чтобы предназначенная ему половинка да и он сам, были изначально непорочными и принадлежащими только друг другу, и даже здесь на Земле сохраняли чистоту отношений. Но судьба поворачивала по-своему. Здесь, на Земле, и для них, видимо были другие правила бытия. Ведь и он сам был здесь не свободен – более двадцати лет уже жил со скромной земной женщиной, часто задавая себе самому вопросы: зачем? и почему именно с ней?

«И Время, и тело – не главное для нас, – вспоминались слова Мерцаны, – и Время и тело меняются, оставляя в нас какой-то опыт прожитых жизней, остаётся неизменной только суть наша, наше Начало – тоненькая ниточка, тоньше человеческого волоса в несколько раз. Она начало новой жизни и продолжение уже идущей. Она вечно живая. Думай в первую очередь об этом. Каждый раз новая жизнь для нас начинается словно с нового листа. На котором пишется».

Сегодня он снова организует творческую встречу, на которую придут они.

А накануне...

Звонок от Иты раздался около полуночи. Он привык к её поздним звонкам и не удивился. Ита говорила долго, темпераментно признавалась, что любит его и, если бы он был чуть побогаче, она была бы рядом с ним всегда. Что она, наконец, убедилась, что лучше и честнее, чем он на Земле людей нет, поэтому она и любит только его одного.

– А я новым жанром для себя увлеклась – четверостиши-

ями, – сказала она в конце длинного монолога, – Все считают, что у меня здорово получается. Только ты один не слышал. Дашь мне возможность прочесть десять-двенадцать?

– Да, Ита, дам, – соглашается он, – С интересом сам послушаю.

Вета позвонила, как обычно звонила раньше – ближе к обеду. Звонок её был для него во многом неожиданным. Она почти год не появлялась на поэтических встречах, не звонила ему. А он ждал и вот дождался. Вета сказала, что рассталась со своим одноклассником, а тот год, что провела с ним, она не жила – мучилась. Он мучился сам, скучал по брошенной им семье, по детям и изводил этими мучениями её. Наконец решился и ушёл. Вета замолчала, долго вздыхала в трубку и вдруг сказала:

– Я поняла, что зря разрушила наши отношения... Я поняла, что ты для меня лучший из мужчин.

Вета произносила слова в трубку не смело, словно боясь, что он бросит, не дослушав её.

– Можно я приду к вам навстречу, у меня много новых стихов? – не решительно спросила она.

– Конечно, Вета... Я буду ждать тебя, – ответил он ей и на душе у него посветлело.

После продолжительного перерыва, ближе к вечеру, накануне творческого дня, звонила ему и Чайка. Спокойно, почти без эмоций и заминок, она сообщила, что решила и выгнала из дому опостылевшего ей гитариста, после чего пришла к выводу: у неё ничего не получается в жизни с мужчинами, потому, что судьба хранила её для него. Она сказала это тоже обыденно, без эмоций, а он не сразу понял, что речь идёт о нём.

– Для меня?... – на всякий случай переспросил он её осторожно.

– Да, – сказала она, на этот раз быстро и отрывисто, – Разве ты сам не чувствуешь, что нам надо встретиться и поговорить?

– Давай встретимся, поговорим, – согласился он.

Вечером, накануне творческой встречи, он смотрел через телескоп на Венеру-Мерцану в надежде получить сигнал. Он ждал её позывные всю ночь и всё утро, пока рассвет не погасил последние звёзды. Позывных с Мерцаны он не услышал, но когда собрался и уже вышел на встречу, вдруг понял, ясно понял, что сегодня он точно узнает её.

В ушах звучало:
Тебя всюду узнаю,
Тебя всюду узнаю,
На какой бы планете не жил.
Я с Мерцаной мерцаю,
Я Мерцаной мерцаю,
Чтоб мой свет до тебя доходил.

Пройдя несколько шагов от дома, он вдруг остановился и стал мысленно рисовать её образ.

Мотив и слова кружились возле этого, пока ещё нечёткого рисунка.

На Земле ты мечтаешь,
Ты живёшь и не знаешь,
Что ищу тебя тысячу лет.
Ты рассветы встречаешь,
Ты закат провожаешь,
Но любви у тебя моей нет.

Автобус не заставил себя ждать – подошёл, едва он вышел к остановке.

«Я люблю тебя, слышишь,
Я люблю тебя, слышишь!» –
Через Время тебе я кричу.
Я люблю тебя, слышишь,
Я люблю тебя, слышишь!
Я к тебе через Вечность лечу!

Когда он протиснулся в заднюю дверь и ухватился за поручень в тесном салоне, он уже точно знал кто она.

Июль 2012. Красноярск

УЧИТЕЛЬНИЦА НЕМЕЦКОГО

— А вы от какой газеты корреспондент будете? — задаёт она, улыбаясь, вопрос, когда директор, познакомив их, оставляет одних в опустевшем классе.

— От районной,— говорит он, хотя уже предчувствует, что тема, которой он коснется, вполне может заинтересовать и краевые газеты. Зовут ее Светлана Анатольевна, два года назад она закончила факультет иностранных языков педагогического института, и приехала в эту сельскую школу преподавать немецкий.

Казалось, что в этом особенного, сотни, а то и тысячи выпускниц вузов ежегодно приезжают в сельские и городские школы, и работают преподавателями английского, немецкого, французского, а то и испанского языков. У одних это получается здорово, у других — не совсем, но тем не менее...

Но, тем не менее, особенное в данном случае есть. Дело в том, что в этом поселке почти сплошь живут немцы. Те, кого в сорок первом выслали сюда из Поволжья, их дети и внуки. Более сорока лет иностранный язык — естественно немецкий — в местной школе вели учителя-немки, а вот теперь русская учит ребятишек-немцев их родному языку. Впрочем, относительно родного языка вопрос, как оказывается спорный, в некоторых, казалось бы “чисто немецких” молодых семьях по-немецки не говорят, потому как язык знают плохо или не знают совсем, тем не менее...

Тем не менее, она преподаёт немецкий язык ребятишкам, носящим немецкие фамилии, имея фамилию русскую — Макарова.

Она небольшого роста, жива, подвижна, симпатична: карие глаза, слегка поддернутый носик, тонкие губки, толстая длинная пшеничная коса, повязанная на конце голубеньким бантиком, переброшенная через плечо, лежит на её белой кофточке, касаясь груди.

— Да вы проходите, садитесь, не стесняйтесь, товарищ корреспондент, мы не кусаемся,— приглашает она уже сидя за учительским столом.— К нам корреспонденты не каждый день приезжают. При мне, например, вообще впервые, так что на все вопросы отвечу. А вы давно в газете работаете?

— В вашем районе недавно, а вообще одиннадцатый год уже — говорит он, садясь за первый стол напротив ее, как ученик перед учительницей и достает из кожаной, черной сумки диктофон, блокнот, авторучку.

Перед командировкой в этот поселок, когда он сказал, что кроме всего прочего: леспромхоза, сельской администрации, хочет зайти и в школу, ответственный секретарь редакции, ещё молодая веселая женщина, отреагировала своеобразно.

— Вот там-то тебя и женят,— сказала, смеясь, она,— Светлана Анатольевна там есть. Женщина неотразимая, в меру скромная, в меру разговорчивая — как раз в твоём вкусе, и волосы у неё длинные, как ты любишь, — до пояса... Так что, держись или наоборот — в плен сдавайся!

Он заинтересовался и, подыгрывая ответсекретарше, улыбнулся.

— Скажи, что она ещё девушка невинная.

— Вот с этим небольшие сложности есть,— сделала лицо серьезным ответсекретарь.— Она ещё студенткой познакомилась с одним аферистом. Он “химию” отбивал. Но красивый гад был и обольстил её. Увлелась она, девочку родила, а он, сволочь, срок отбыл и смылся — ни ответа, ни привета.

Три года одна дочку растит, но молодец — ничего не скажешь, интереса к жизни не потеряла, по-прежнему веселая и открытая.

Сказать о том, что по дороге в посёлок он только и думал о том, как бы поскорее глянуть и оценить очередную потенциальную невесту, было бы неверно. Был он корреспондентом по жизни не раз битым, не один раз менял местожительство, а заодно и редакции, не один раз его пытались оженить и за-

землить, но всё как-то не получалось. Когда дело доходило до серьёзных отношений с женщинами, и нужно было решать: оставаться и узаконить отношения или расставаться, почему-то получалось второе.

То в “деле” возникал бывший муж, то недовольство высказывали родители невесты, то, как было один раз, перед тем, как идти в ЗАГС, он потерял паспорт.

“Не судьба значит”, — успокаивал он сам себя, будучи твёрдо уверенным, что рано или поздно, она, судьба его, на жизненном горизонте появится и не узнать её, а тем более пройти мимо или обойти её будет невозможно. Однако годы шли, а она никак не появлялась.

Годы шли, а она никак не появлялась. И не веря в то, что она может появиться здесь, в этом посёлке, он, приехав в командировку, первым делом зашел в администрацию, отметил командировочные, проинтервьюировал сельского главу, затем побывал на пекарне, в конторе ОРСа леспромхоза, выехал на место лесозаготовки и складирования леса и, только уж тогда, когда “материала” нагрёб, что называется под завязку, заглянул в местную школу.

Директор школы, седой пенсионер, сорок лет отдавший народному образованию, оказался весьма и весьма разговорчивым и человеком радушным — организовал для корреспондента и водителя обед, подробно рассказал о школьных делах и во время беседы неожиданно спросил:

— А ты женатый?

— Нет,— ответил он и слегка смутившись от внезапного вопроса.— Был одно время, но не получилось...

— Ничего. Молодой ещё, получится. У нас тут дивчина одна работает, немецкий преподает. Тоже у ней не всё в жизни гладко получается. Я вот смотрю на тебя и знаешь какая мысль мне в голову приходит — мне, кажется: вы друг для друга подходите. Сейчас я тебя с ней познакомлю, материал о ней напишешь, ну и оценишь заодно.

Сказанное директором ещё больше подогревало его интерес к незнакомой пока женщине, и он не без волнения переступил порог кабинета, где она преподавала иностранный. Но волнение это исчезло, как только он увидел её.

— Светлана Анатольевна: я понимаю, многие девчонки в школьном возрасте мечтают стать учителями, такими, как их первая учительница. Но почему именно иностранный, немецкий? — задаёт он ей первый вопрос и включает диктофон.

— А можно без этой штуки? — улыбаясь, кивает она на записывающее устройство.

— Можно, конечно, но, откровенно говоря, я писать авторучкой уже отвык, и потом, диктофон запишет всё более подробно с интонациями и паузами, а это поможет написать более объективный материал — объясняет он.

— А послушать потом дадите? — спрашивает она, — Ужа-асно хочется себя послушать!

— Обязательно.

— Ну и договорились.

“Ну и договорились” — она произносит так, как будто знакома с ним, по меньшей мере, года три.

— Договорились, — говорит и он ей, как старой знакомой. — Ну а теперь ответьте на мой вопрос, пожалуйста.

— А вы задали вопрос? Совсем забыла, — говорит она лукаво, и карие глазки ее наполняются блеском. — Извините, пожалуйста. Итак, почему иностранный и почему именно немецкий? Всё так, как и сказали: была без ума от первой учительницы. Она вообще-то закончила иняз, но учителей иностранного в школе в то время хватало, и ей дали начальные классы. Вернее наш первый класс. Знаете, как это бывает в сельских школах, где учитель физкультуры запросто может преподавать биологию и химию, а преподаватель математики вести уроки черчения и рисования. Вот и учила она нас три года, а потом и по своему предмету работать стала, так что все десять лет и была у нас классным руководителем.

Она снова улыбается озорно и весело.

— Правда, ничего интересного? А вы, какой предмет в школе любили?

— Историю, хотел археологом стать...

— Ой, а это как раз, наоборот, интересно, а почему не стали?

— Газета не дала. Всего к себе забрала, для археологии места не осталось...

— А я читала ваши стихи в газете. Мне понравилось... Прочтите что-нибудь, так хочется услышать в авторском исполнении...

— Да что там стихи – баловство,— говорит он, смутившись.

— Ну, прочтите, пожалуйста. Хоть парочку самых любимых ваших стихотворений,— просит она снова и, поставив локти на стол, сложив ладони и, подперев ими подбородок, приоткрывает рот, чтобы слушать.

Он, выключив диктофон, начинает ей читать: одно стихотворение, второе, третье. Она слушает, притихнув, почти не дыша, и когда он останавливается, кратко говорит:

— Ещё...

И он читает ещё и ещё. В дверь заглядывает водитель редакционной “Нивы”, и нетерпеливо спрашивает:

— Куда ещё поедет?

— Домой скоро поедет,— говорит он.

— Ко мне сейчас поедет,— произносит она, вставая из-за стола.— Не могу я поэта голодным отпустить. Никогда себе потом этого не прощу. В кой-то век заглянул к нам стихотворец, а я его в гости не пригласила, автограф не взяла.

— Понятно,— шофёр многозначительно кивает головой и, закрыв дверь, уходит. В коридоре уже опустевшей школы слышна его тяжелая удаляющаяся поступь.

Он, несколько оторопевший от её неожиданного и необычного приглашения, торопливо задав ей несколько вопросов “под диктофон”, фотографирует “Кодаком” за столом с учебником немецкого.

— Фотографию чтоб обязательно мне привез и подарил,— говорит она, вновь улыбаясь и он, несколько смутившись ее

резким переходом с “Вы” на “Ты”, не сразу находит нужную точку, откуда лучше сделать снимок.

— Ну, хватит,— говорит она, когда он делает пару кадров.— Лучше Верочку мою сфотографируй или нас вместе с ней, хорошо?

— Хорошо,— соглашается он, отмечая про себя, как с ней легко и просто. Она накидывает на ходу на себя кожаную куртку, берет в руки сумку, складывает туда тетради.

— Ну что пошли, поэт, — говорит она, выходя в коридор, и он послушно выходит.

Он послушно выходит следом, и она закрывает дверь кабинета ключом.

— Сейчас заедем в детский сад, заберём дочку и ко мне, — это она произносит уже на ходу, когда они идут по длинному школьному коридору.

— У самого школьного порога техничка заканчивает мытьё полов, отжимает тряпку.

— Смотри, Анатольевна, заберёт тебя с собой корреспондент, — бросает реплику она.— Уж очень хорошо вы вместе смотрите, так друг к другу и подходите. Ой, смотри, увезёт, как без тебя ребятишки-то наши будут?

— А зачем ему меня увозить? — реагирует на это она.— Он сам к нам, если надо приедет. Место у нас красивые, поэтичные. Ведь, правда, товарищ корреспондент?

Она подмигивает ему и громко смеётся.

— Конечно, я хоть завтра бы переехал,— включается в игру-разговор он.— Места у вас действительно красивые: река, грибы, орехи...

— Вот хорошо бы было, а, — говорит нараспев техничка.— Дай Бог, счастья тебе, Светочка.

Она садится рядом с водителем и показывает дорогу. Они едут до детского садика.

— Я быстро,— говорит она, выходя из машины и бегом направляется к калитке детского сада.

— Шустрая! — покачивая головой, восхищается шофёр.— По-моему ты ей понравился. А вы чем-то даже похожи друг на друга.

— Ты не первый, кто мне это говорит сегодня.

— Ну, значит, я прав. Смотри, не теряйся — бабёнка она, по всему видно, хорошая.

— Так что: ты предлагаешь мне жениться?

— Ну и женись. Хватит по свету без угла мыкаться. Такой случай и такая встреча один раз в жизни бывают. Тем более, я вижу она к тебе в душу запала.

Она возвратилась скоро, минут через пять с дочкой — маленькой копией своей мамы. Такие же карие глазки, такой же поддёрнутый кверху носик и даже такая же пшеничная коса, выходящая из-под голубой косыночки и заканчивающаяся голубым бантиком.

Потом они едут в конец посёлка, где стоят не так давно выстроенные двухквартирные брусковые дома.

Аккуратный дворик: сарай, банька, сложенная в два ряда поленница дров.

— А кто дрова тебе колол? — спрашивает её водитель, осматривая двор, — Нанимаешь кого?

— Сама колю-рублю, — улыбается она, — директор у нас молодец — заботится, чтобы учителя не замерзли, каждую осень нам по десять кубов подвозят. Вот в октябре снова привезут. Ну, а во двор перенести и переколоть — это уже я сама. Родилась и выросла в городе, а тут всему научилась и дрова колоть, и веники для бани заготавливать, и за курами ухаживать.

Они проходят на веранду, а затем в квартиру, состоящую из двух комнат, просторной прихожей и кухни. Она приглашает гостей в зал, усаживает на диван. Включает телевизор, потом ставит перед ними журнальный столик, приносит варенье, шаньги, наливает через некоторое время горячего чаю.

— Может вам пельмени сварить? — спрашивает затем деловито уже подвязанная фартуком и в косынке, — Что для мужиков чай, еда разве?

— Нет, нет! Спасибо! — в один голос отказываются гости. — Нас директор ваш сегодня супом кормил.

— Ну, как знаете...

В косынке и фартуке, слегка покрасневшая с закинутой за спину косой, она выглядит ещё привлекательнее.

Они пьют чай, кушают шаньги, рассматривая аккуратную, уютную квартирку. Затем он фотографирует её с дочкой на фоне фотообоев — берёзовой роши.

— Знаете, а мой любимый поэт Николай Рубцов,— говорит она потом, доставая с полки небольшой томик стихов.

— Как ни странно, мой тоже,— теперь улыбается он и произносит:

Светлеет грусть, когда цветут цветы,
Когда брожу я многоцветным лугом,
Один или с хорощим давним другом,
Который сам не терпит суеты.

— Однако пора ехать,— говорит шофер, вставая и направляясь к выходу. Он поднимается следом. Она, накинув на плечи куртку, провожает их до машины, на крыльце сует ему в руки полиэтиленовый пакет, в котором шаньги.

— Отказываться нельзя, потому как это от всего сердца,— опережает она его реакцию на это,— сама стряпала и пекла, попьёте дома с чаем. Небось, на квартире живёшь?

Он кивает головой и прячет шаньги в сумку.

— Счастливого пути,— говорит она ему у машины и пожимает на прощанье его руку.— Как фотографии сделаешь, так сразу позвони мне. Из райцентра легче дозвониться, чем от нас.

— Обязательно позвоню.

— Ну а когда статью в газете читать?

— Примерно через неделю,— говорит он, и только тут замечает, что держит её руку в своей.

— Ну, счастливо, звони.

— Счастливо оставаться.

Он садится в машину и смотрит назад, она машет вслед рукой, другой поддерживает на плече куртку. Машина всё дальше и дальше удаляется от неё и вот, повернув, они теряют её из виду.

Повернув, они теряют её из виду. Стоит тёплый сентябрь-

ский вечер, воздух кажется не колышется. Листва деревьев словно вылита из золота и меди — красотища!

— Ну, чё, всё-таки втюрился? — говорит ему шофёр.— Теперь покой и сон потеряешь. Я тебе говорю, решайся, лучше её навряд ли найдёшь. Это судьба, поверь мне.

“Неужели судьба?” — думает он, глядя на дорогу.

Думает он, глядя на дорогу о многом. А когда приезжает домой, то квартирная хозяйка, семидесятидвухлетняя старушка сразу замечает в нём перемену.

—Ты какой-то не такой сегодня,— говорит она ему.— Светишься весь.

Уж не влюбился ли?

Он молчит и улыбается.

“Неужели действительно влюбился?” — спрашивает он себя, укладываясь в постель и предчувствуя перемены в жизни.

Он долго ворочается с боку на бок, не может уснуть, вспоминает слова шофёра: про покой и сон. Засыпает уже около четырех часов утра, а засыпая, успеваает подумать о том, что шофёр наверняка расскажет на работе о том, как он читал стихи учительнице немецкого и как они были у неё в гостях, и о том, что ответов на ироничные вопросы женской половины редакции, и особенно ответсекретарши ему сегодня не избежать...

1997

Красноярск.

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ

Любовь.

Если это слово произнести быстро на выдохе, смягчая последнюю букву и делая вместо «вь» — «фь», то будет похоже на иронию.

Если тоже на выдохе, но не быстро, а перед этим глубоко вдохнуть, то получится как бы с восторгом и даже с восхищением.

Если сказать просто и обыденно, в суете и суетливо, то слово это и прозвучит как обыденное, а может быть, даже абстрактное, и наверняка не вызовет никакой реакции и должного внимания в компании, где оно было сказано. Как многие обыденные слова, которые произносят мимоходом одни люди и не воспринимают другие, привычные ко многим словам, как к простым, не касающимся их до поры звукам.

Любофь-фь-фь...

Лю-бовь...

Любовь.

А обыденно или абстрактно слово «любовь» для меня — мужчины, достигшего зрелого возраста?

Я думаю об этом иногда, чаще на бегу, но бывает, и неспешно задаю себе вопрос: а знаю ли я, что такое любовь? И дальше — развивая тему: пережил ли я хоть однажды это трепетное чувство в той полной мере, в какой должно, судя по утверждениям тех, кто якобы верит в любовь, знает её, пьёт её сладострастие и нежно пребывает в постоянной любви? И всё чаще прихожу к выводу, что нет, не пережил, не верил, не пребывал. И теперь уж не знаю: суждено ли мне когда-либо испытать чувство, называемое любовью? Подарит ли судьба мне встречу, которая заставит пережить если не стресс, то трепетное волнение, когда волнению не будет предела, когда весь свет вокруг и восприятие мира переменятся и захочется всем говорить хорошие слова и совершать благородные поступки?

Один ли я во Вселенной временами чувствую себя обделённым любовью? Точнее — не наделённым? А ещё вернее — наделённым лишь отдалёнными понятиями об этом чувстве и естественным влечением к противоположному полу? Да, какие-то порывы к приятным женщинам я испытываю, эротические фантазии иногда занимают моё воображение, сухие комплименты окружающим меня дамам срываются с моих уст. Но на этом любовный надел мой иссякает. Я далёк от любви, от настоящего чувства.

И порой понимаю: так далёк, что...

От осознания обделённости и ненаделённости становится жутко и одиноко. Жутко одиноко. Будто ты один во Вселенной. Один на миллионы парсек, миллиарды световых лет, и никого вокруг, и некому тебя полюбить, и некого любить тебе.

Ослепляющая сознание вспышка отрешённости не лишает меня зрения; я вижу вокруг людей, снующих, даже обращающихся ко мне, и я отвечаю им: некоторым даю советы, с некоторыми пью чай, но воспринимаю происходящее как сон, как общение с параллельными мирами — недолгое и ничего не значащее, думая о том, что и в мирах этих любовь для меня тоже никто не приготовил...

Когда вспышка обделённости любовью затухает среди мира материального — прячется до поры за углами зданий, в зелени городских тополей, в скверах и парках, растворяясь в воздухе, улетает в небесную синь, — я знаю: она скоро вернётся. Выскочит из-за угла неожиданно — заставит замереть, зашуршит листвою — вначале ласково, а потом тревожным шёпотом заговорит об одиночестве, наползёт медленной тяжёлой тучей, ударит громом и снова вернёт меня к мыслям об отсутствии любви и одиночестве.

Когда становится зябко от этих леденящих сознание мыслей, я ухожу...

Я ухожу в иронию. А может, ирония уводит меня в сторону от мрачных размышлений, не давая возможности сойти с ума или умереть от тоски. Она, надменная, дышит на меня не свежим, но тёпленьким ветерком и, чуть отогрев мысли, завла-

девает и сердцем, и умом, вытягивает на кислой моей физиономии улыбку, зло загорается в глазах и даёт волю фантазии.

И тогда...

И тогда слово «любовь» начинает ассоциироваться у меня с воображаемыми и реальными женскими образами. И я начинаю иронично философствовать.

«Какие женщины могут стать объектом моей любви? — спрашиваю я себя. — Не простого полового влечения, а именно любви — в понимании моей начисто обделённой любовью иронии? В мире, окружающем меня, женщин больше, чем мужчин, поэтому выбор есть. На первый взгляд, выбор огромный, но лишь на первый...»

Я начинаю с исключений.

Из большого количества женщин исключаю девиц до 19 лет и зрелых дам старше 47-ми. Армия претенденток на звание «мисс моя любовь» сразу подрезается — если не на половину, то на треть точно...

Закончив отбор по возрастной категории, перехожу в ряд «по росту и весу». Тут ирония навязывает мне такие вкусовые качества: любовь должна быть обозримой в пределах от 155-ти до 182-х сантиметров и, в зависимости от роста, иметь вес от 49-ти до 73-х килограммов. После этого ещё добрая четверть от оставшихся после первого тура дамочек проходит мимо моего сердца.

Потом исключение касается коротко стриженных. Это очень важный для меня критерий отбора. Рисуя в идеале сударушку с толстой длинной (не менее метра) косой, поразмыслив, соглашаюсь на длину волос от 20-ти сантиметров. По этому критерию с любовного поля удаляются не менее 40 процентов оставшихся в списке красавиц.

Ещё наполовину редет горизонт после исключения с поля зрения женщин, изо дня в день, в любое время года пребывающих в брюках, каковых в юбках и платьицах представить даже невозможно.

Ирония моя становится циничной, когда в голову приходят мысли о женщинах, прикованных к инвалидным коляскам

и пользующихся для ходьбы костылями. Я не считаю себя конечным эгоистом и допускаю мысль о привязанности к девушке-инвалидке — поэтессе, художнице или просто мечтательнице, но духовная привязанность — не любовь...

Поэтому исключения касаются и этой небольшой группы.

Что остаётся? Всё же немало. Немало, если учесть и то, что я не собираюсь делать исключений женщинам ни по национальным, ни по расовым признакам, ибо уверен, что и рыжие, и блондинки, и шатенки, и брюнетки, и даже чернее сажки дамы, живущие вне пределов моей страны, могут быть мне симпатичны и приятны в общении. Но здесь свои трудности. По врождённой лени своей, я не имел охоты к изучению языков, диалектов и наречий других народов, поэтому общение с интересными женщинами других национальностей и рас у меня может происходить только при помощи жестикюляции и на уровне интуиции. Но и при этом вероятность находки любви среди азиаток, мулаток, креолок, латиноамериканок и негритянок остаётся.

Ирония моя достигает апогея, когда воображение рисует меня в объятиях чёрной пышногубой женщины или на фоне дамы выше меня на полторы головы, но в такие минуты в порыве истерики я решительно говорю иронии: «Да!» — и она, опешив, замирает, затихает и прячется.

Но не уходит совсем. Я не даю ей забиться в дальние углы сознания, иначе её место сразу же займут тоска и одиночество, затихшие до поры возле клапана моего сердца, и тогда от надежды на любовь не останется ничего. Даже философии. Ирония это знает. Знает, что только через неё я ещё имею веру найти любовь, что она — мой маленький маячок в одинокой, созданной только для меня Вселенной. Вселенной, не имеющей любви.

«Так за какие же грехи — свои или своих предков — я не был наделён на небесах любовью и оказался здесь, среди людей, знающих, что такое любовь?» — всё чаще и чаще мучаю я себя вопросом, зная, что должен, обязан найти ответ. Входя ли в прямой контакт с женщинами из числа отобранных мною

или путём долгих философских размышлений. Должен. Времени на поиски остаётся немного, но оно ещё есть. В этом мне поможет ирония.

Любовь.

Если это слово произнести быстро на выдохе, смягчая последнюю букву и делая вместо «вь» — «фь», то будет похоже на иронию.

А если тоже на выдохе, но не быстро, а перед этим глубоко вдохнуть, то получится как бы с восторгом и даже с восхищением...

Любофь-фь-фь...

Лю-бовь...

Любовь.

Красноярск, февраль-март 2009.

ФИЛОСОФИЯ НАДЕЖДЫ

Однажды, теперь кажется — давным-давно, где-то там, на очередном этапе **ДЛЯ МЕНЯ ТЕКУЩЕГО ВРЕМЕНИ**, между Детством и Юностью, бегущий без оглядки, торопящийся взрослеть, в поисках Любви и с Верой в неизбежность хорошего, я согрелся Надеждой. Я надел её, накинул на плечи, как набрасывают куртку или пиджак, выходя ненадолго из дому прохладным утром, и мне стало тепло. Сразу же отпали сомнения в выборе пути, даль показалась ясной, и я уже не сомневался, что и там, за горизонтом, мне не будет преград. Я теснее и прочнее стал прятать всего себя в новое одеяние, торопливо, но надёжно одеваясь в Надежду и застёгиваясь на все пуговицы.

С того времени не раз случались во всём мире и в моей жизни разные перемены, приходили сомнения, вспыхивали смятения и пытались и силой, и обманом снять с меня Надежду, нанести ей урон. Мы удержались, и моя Надежда осталась со мной.

Пусть и сейчас приходят ко мне разные мысли, корректируются стремления и прокладываются новые пути к Цели, меняется мир, она — моя Надежда — остаётся той же. Надежда помогает мне стоять, плыть в непогоду, сушить подмоченную репутацию, отражать нападки и защищаться ото лжи, фильтровать мысли и отгонять норовящие прицепиться ко мне комплексы. Это она, Надежда, не даёт угаснуть моей Вере и продолжает утверждать, что Любовь не пройдёт мимо. Это она, Надежда, вырабатывает во мне иммунитет на несправедливость, вселяя самую себя в мои размышления об устройстве быта, притупляя остроту поставленных мною себе же вопросов, на которые никто, кроме неё, Надежды, правдиво не ответит. Даже четырёхжды признанные академики или в пятой степени мудрецы.

Иногда, вместо того чтобы думать о хлебе на завтра, продвигаться и развиваться в творчестве, я мучаюсь вопросами о бытии, о сущности человека, его натуре и душе. Вместо того чтобы спать спокойно, настроившись на грядущий день, я

вдруг терзаюсь до утра. Моё второе, третье, пятое Я, будоража мои мысли, гонит сон и заставляет и заставляет размышлять и искать ответ на вопрос, не год, не два, не столетие и даже не тысячелетие назад ставший риторическим: почему созданное во (и на) всеобщее благо становится благом для немногих?

И далеко за полночь я разбиваю этот глобальный вопрос на более мелкие и спрашиваю сам себя: почему люди, избранные представлять интересы группы людей, следить за исполнением законов и создавать законы новые, едва став избранными, сразу же забывают про тех, кто избрал их, и первым делом хватаются за решение только их касающихся вопросов, используя при этом себе во благо все данные им права и преимущества, каковых нет, да и не будет у тех, кто их отправил на защиту своих интересов? Почему призванные защищать, беречь в своём государстве своих граждан, проявлять милосердие становятся вдруг вымогателями и с помощью силы и оружия запугивают тех, кого обязаны ограждать от несправедливости? И почему это происходит во всех без исключения государствах, как бы они ни назывались и каким бы щитом равноправия и демократии ни прикрывались? Почему — нет, скорее, зачем человек, осознав место своего положения, хрупкость своего существования, столь вяло взрослеет, почти не думает о своём истинном высоком предназначении, а делит с соседом земельный участок, посягает на территорию граничащего с ним государства, собирает денежные знаки сверх того, что может использовать, прячет в тайники драгоценные металлы и очень часто в достижении накопительства становится агрессивным и даже, бывает, лишает жизни соперника? Ради чего? Разве человек, всего лишь чуть напрягая мысль, не может понять, что, в конце концов, ничего ни на этой планете, ни в целой Вселенной ему не принадлежит и принадлежать не будет? Что сам он только частичка Вселенной, и, скорее всего, частичка управляемая, а потому вся его якобы собственность — только иллюзия, и короткое обладание ей больше номинальное, чем реальное? Существующие до его рождения реки, озёра, леса ещё миллионы лет будут и после него, деревья, дающие плоды, будут давать

их и дальше, а нерастраченные драгметаллы и дензнаки продолжат путешествие по лицу земли, перекочёвывая из рук в руки, возбуждая у людей алчность и отвлекая их от Главного Предназначения, как возбуждали и отвлекали его, пришедшего на землю для другой цели, которой он не достиг и назначения своего не выполнил.

Такие мысли-вопросы, конечно же, приходили и приходят не ко мне одному и не только бессонными ночами, но и ясными, и ненастными днями, они задавались мною и другими именитым и профессорам, и академикам, и некоторые из мудрецов, как им казалось и кажется до сих пор, находили и находят на них вроде бы логические ответы.

«Человечество хоть и осознало своё место во Вселенной, но сознание его ещё несовершенно. Мы только поднялись с колыбельки, едва встали на ножки и действительно не торопимся взрослеть. Как и малые дети, плохо ориентируемся и часто ещё не понимаем, что дурно и что хорошо. А от природы человек лукав, амбициозен, паразитизм заложен у него с рождения, и даже самый, казалось бы, справедливый из людей не в силах уйти от соблазна, маленького или большого. Для каждого на земле есть мера, перед которой он не устоит. Поставь тебя перед дилеммой, и ты пойдёшь на сделку с совестью, когда увидишь, что цель близка и нужно лишь немного, чтобы удовлетворить твои амбиции: поступить несправедливо или взять тихо, незаметно то, что пока принадлежит другому. Возьми — и ты встанешь в тот же ряд. И нет разницы: в начале, в середине или на самом закате своей земной жизни ты не устоял перед искушением. Ты всё равно будешь в числе не устоявших», — примерно так говорят мне мудрецы и академики, ссылаясь на опыт поколений и книги, подводя к выводу: «Если ты не использовал свой шанс — сделать свою жизнь легче за счёт другого, то другой использует твои просчёты и возьмёт то, что принадлежит тебе. Так, может, уж сразу перейти в их число, взять на раннем этапе и потом пользоваться этим всю жизнь, не думая о совести и осуждении? Нет ни одного человека из живших на земле, кто бы устоял, а кто говорит, что он безгрешен, — лжёт».

«А как же Совесть?! — кричу я подбирающимся ко мне мыслям и в ответ им, учёным, уже немало повидавшим на своём веку, жизнь знающим и сделавшим из прожитого не только теоретические выводы.— Совесть — это Глаз Божий! Он внутри нас и над нами! Он в каждом человеке! Прежде чем совершить поступок, хороший или дурной, человек (каждый человек!) уже знает, что подошёл к запретной или разрешительной черте; он сомневается, делает выбор и советуется с Совестью, и часто (очень часто!) Совесть не даёт ему перешагнуть запретную черту!»

«Но нередко он её перешагивает,— отвечают мне спокойно, но уже с блеском в глазах и постепенно наращивая голос, седовласые и лишённые волос мужи.— Первый раз перешагнёт робко, с оглядкой на вашу Совесть, а второй раз уже смелее, а после — уже не обращая внимания на границы и не советуясь с вашей Совестью, потому что своей у него уже нет. Потому что он потерял не только Совесть, но и Надежду, и уже не верит в светлое! Он уже служит тёмной стороне и на светлой прощён быть не может. Что ж ему остаётся, как не жить ради мгновения для удовольствия и получая удовлетворение от плохих дел? И потом, его начинает согревать уже другая мысль: а может, нет ничего после земной жизни для человека и не будет впереди никакого суда за дурные поступки? Ведь он не встречал людей, бывавших на суде Божьем и Бога, Творца, Создателя видевших. Размышляя так, человек этот вселяет в себя, в своё сознание, ища себе оправдания, цепляясь за какую-то свою, другую надежду, Надежду наоборот».

«Ага! — восклицаю я.— Всё-таки Надежду! Он ищет Надежду на спасение, даже совершая дурные поступки! Значит, Надежда не умирает и в сердце такого человека! Не умирает и умереть не может, как не может быть утеряна им совсем. Хоть кроха её, хоть капля, хоть глоток её, да остаётся у каждого до самого последнего земного часа, и после человек уносит её с собой из мира нашей Яви в другие миры!»

Проворчав что-то невразумительное, побурчав себе под нос, мудрые академики и профессора разводят руки и умолкают.

«Ты прав, ты прав, ты прав...» — слышу я — нет, скорее, чувствую внутренний голос моей Надежды, и вместе с её одобрением мои мысли начинают светлеть, а предчувствие перерастает в уверенность в хорошем, и мне кажется, что истина этого мира приоткрывается; я открываю для себя то, что уже давно открыто: познавая себя, познаёшь мир. Мир, записанный Создателем на матрицу и запущенный программой в огромный компьютер Вселенной, в котором мы все, названные людьми, должны жить и совершенствоваться. Мы, наделённые плотью, душой, духом, совестью, а ещё Надеждой, Верой, Любовью, в суете занятые поиском пропитания, обязательно должны найти свой путь и стать совершеннее. Взрослеть и самосовершенствоваться, не боясь космических катастроф, нелепой смерти, ущемления в правах от чиновников, зная, что Создатель, находясь по ту сторону экрана Вселенского Компьютера, не допустит срыва Программы Нашего Совершенствования.

Летающая с немислимой скоростью в кипящих потоках Пространства и Времени, окутанная в тонкую, но прочную защитную атмосферу, окружённая и защищённая Луной и Светилами Земля несёт по Вселенной Мощный Единый Развивающийся Интеллект. Миллиарды его частиц в образе людей живут вроде бы каждая своей собственной жизнью — вступают в отношения, отталкиваются друг от друга и мирно сосуществуют, спариваются и производят себе подобных. Обладая умом и интеллектом, они ставят себе Цели, осуществимые и нереальные, и — кто с упорством, а кто вяло — идут к ним. Со временем их внешние оболочки погибают, а внутренние переходят на другой уровень, и движение к Цели продолжается. Вечное движение.

Где-то там, среди этих миллиардов, и одновременно по другую сторону экрана, в замыслах Творца, живу я. В оболочках своих тел — физического и энергетического, окружённый атмосферой своих помыслов, подкрепляемый опытом своих предков, любовью родных, верой в друзей и знакомых, защищённый Творцом и движимый Надеждой, я иду к своей Цели.

В ДЕНЬ ТВОЕГО РОЖДЕНИЯ

Десятого августа день твоего рождения. В этот год тебе исполнилось бы тридцать, но вот уже семь с половиной лет тебя нет с нами. Я давно не был на кладбище и в этот год, оказавшись по стечению обстоятельств в родном городе, не мог не задержаться на денёк-другой, и не сходить на могилку в день твоего рождения. Со мной засобирался сын — девятилетний, аккуратный мальчик, все эти годы воспитывающийся у бабушек и здорово соскучившийся по редко навещающемуся к родительскому гнезду отцу. Тебя он не помнит совсем, меня знает плохо — бывало не видел по полтора-два года, но узнает сразу и по моему приезду не отходит от меня то и дело повторяя: “Папа, папа”. Мамой он зовет одну из бабушек — мою мать.

— Папа, а можно я сам для молодой мамы цветы выберу? — спрашивает он меня, когда мы приходим на цветочный рынок, и, получив согласие, деловито спрашивает цветочниц:

— Белые розы есть?

Белых роз нет, и мы покупаем красные.

— Ты бывал уже на кладбище, Саша?— задаю я вопрос сыну.

— Был. С мамой один раз и один раз с бабой Шурой,— утвердительно кивает он.— Мы сажали цветы на могилке молодой мамы, а я нарисовал маму в красном платье, и папу-моряка и положил под камушек, но портрет папы унёс ветер, а маму размыло дождём.

“О Господи!— задумываюсь я.— Меня действительно носит, словно ветром по свету, а тебя омывает дождём, забрасывает снегом, мимо тебя бегут весёлые журчащие ручьи и расцветают цветы на могилке...”

— Когда ты, папа, был моряком, то, проезжая мимо нашего города, увидел на вокзале молодую маму и влюбился в неё, — продолжает говорить сын, и я с интересом слушаю его.

Я никогда не служил на флоте и не ходил на катерах и баржах, но тебя я действительно встретил на вокзале. Ты поджидала поезд, на котором должен был приехать твой приятель, а я со своим приятелем пытался достучаться в двери закрытого ресторана.

Своего приятеля ты не дождалась, а я не достучался в ресторан и потерял своего товарища, но зато мы познакомились. Правда, вначале ты была не в восторге от нашей встречи и мое настойчивое желание познакомиться, приняла настороженно. Даже попыталась убежать. Я же, преследуя тебя, споткнулся в темноте обо что-то лежащее на асфальтовой дорожке, упал и разодрал гачу брюк. Это тебя здорово рассмешило. Так мы познакомились.

— Потом, папа, ты уплыл в море, а мама тебя ждала...

Мне никогда наяву не приходилось видеть море, всё больше путешествовал по большим городам, тайге, да степным просторам, но я помню, как мы с тобой собирались к морю, однако этой поездке не суждено было осуществиться...

А фантазия у сына все разыгрывается...

— Корабль, на котором ты плыл, попал в бурю, и его разбило о скалы, а тебя выбросило на остров. Когда буря затихла, ты, папа, построил себе лодку, вместо паруса натянул тельняшку и поплыл обратно, а когда доплыл до берега, мама встречала тебя с цветами.

— А что было потом?

— А потом мама вышла за тебя замуж.

... На кладбище тихо и малоллюдно. За годы моего отсутствия в родном городе, последняя обитель для бранных людских тел, заметно расширилась. То и дело на крестах, памятниках, тумбах я встречаю фотографии знакомых мне ранее людей. Вот одноклассник Володька Рубахин. Боже! Похоронен два года назад! А вот фронтовик дядя Степан. Всю жизнь он работал вахтером на заводе, любил выпить, и с каждой полочки угощал ребятешек дорогими конфетами. А это кто? Неужели первая красавица нашего двора Любка-морковка?! На фото её и не узнать. Все мальчишки-подростки нашего двора в свое время были влюблены в тебя — весёлую и ветреную. Царство тебе Небесное. Спи спокойно. Никто теперь не потревожит тебя...

Вот и твоя могилка. Позолоченная оградка видна издалека. Заходим. Ты внимательно смотришь на нас с фотографии — на возмужавшего мужа и подросткового сына. В первый раз мы вместе пришли к тебе. Ах, Лена, Лена, ты мелькнула в этой жизни

вспыхнувшей яркой, но быстро сгоревшей звездой...

Сын аккуратно кладёт к памятнику цветы и внимательно рассматривает фотографию.

— Папа, а мама смеётся?— спрашивает он меня.— Баба Шура говорит, что да, а тетя Лариса, что нет, не смеётся...

— Улыбается,— говорю я.

— И я тете Ларисе сказал, что улыбается. Разве мама не будет улыбаться мне?

... По пути домой сын рассказывает о том, как он ездил с дедом на рыбалку и поймал огро-о-ом-ную, как он говорит, рыбину.

— Как акула. Во какая! — сын разводит руки, как заправский рыбак. Я улыбаюсь и ничего не говорю.

“Боже! Куда еду? Зачем? Куда и кто или что тянет меня снова в дорогу? Подальше от родительского дома, от сына, от матери, от родных и знакомых, от дорогих моему сердцу улиц, двори-ков, могил? Куда?”

... На вокзал идут меня провожать мать с Сашей.

— Когда теперь приедешь?— спрашивает мать.

— Даже не знаю,— вздыхаю я.— На следующее лето, наверное...

— А ты возьмишь меня к себе в гости, папа?— задает вопрос сын.— Насовсем я не хочу уезжать от мамы, а в гости бы поехал. Возьмишь?

— Возьму, Саша...

— Правда?

— Правда...

— Мама, папа на следующее лето возьмёт меня к себе в гости. Ты меня отпустишь?

— Отпущу, — невесело говорит мать, в её глазах слёзы.

... Поезд медленно отходит от платформы, и мать с сыном машут мне вслед. Я киваю им из окна, грустно улыбаясь и думаю о том, что хорошо, что сын не чувствует себя сиротой.

Пока не чувствует...

1990.

ТРИ ИМЕНИ ЛЮБВИ

1. Лена. Предчувствие.

Последнее лето века. Июнь. День солнцестояния. Жарко в городе, душно и пыльно. А здесь благодать. Широкий луг, река: тихая и спокойная. Река называется Кан, деревня – Красный Курыш, а несколько десятков собравшихся здесь людей – участники семинара восточных районов края по животноводству. Волей случая оказываюсь здесь я, в роли редактора краевой сельскохозяйственной газеты.

Суета, разговоры. Хозяин – уверенный в себе директор, уверенно держащий хозяйство в уверенных руках. Я бегаю с газетами, раздаю последний номер участникам семинара, фотокорреспондент делает снимки для истории и на память.

Суетимся, суетимся... Морщимся от яркого солнца, радуемся зеленой траве и желтым одуванчикам. В этой суете я не сразу замечаю ее.

– Лена, – говорит она, когда мы садимся за широкий стол, накрытый после совещания под открытым небом, – Я из районной газеты...

«Ле-на, Лена... Лена!» – кажется эхо разносит сорвавшееся с ее губ имя. Сердце начинает учащенно биться о грудную клетку, дыхание становится неровным.

Это Лена. Мы говорим о чем-то, обмениваемся телефонами. Я предлагаю ей сотрудничать со своим изданием, что-то обещаю... А мысли...

Мысли бегут, разбегаются, ломают сознание.

Она говорит, рассказывает. Я слушаю и не слышу. Я не могу запомнить ее фамилию и номер рабочего телефона. Это делает за меня диктофон.

«Лена, Леночка! – стучит в висках, – Неужели это она? Женщина с именем предсказанным мне когда-то. Лена!»

– Пора ехать, – приводит меня в чувство фотокорреспондент, – Машина ждет.

– Куда ты меня увозишь, Валера? – Говорю я, готовый

отдать полжизни за остановленное мгновение. – Не торопись, впереди целая Вечность.

– Вечность всегда впереди, а сейчас нас ждет дальняя дорога. Мне сегодня еще фотографии печатать надо. – Заземляет меня бородастый скептик, – В городе влюбляться будешь...

– Давай сфотографируемся на память, – говорю я ей, уже как хорошей давней знакомой.

– Давайте, – соглашается она.

Мы выходим на берег красивой реки, и бородач фиксирует на пленку короткое пожатие рук, день, час и минуту нашей встречи.

Для Вечности.

22 июня. Три часа по-полудни.

– Уже уезжаете? – говорит она с неподдельной грустью в голосе, – Жаль...

– Что поделаешь, Леночка, – дела, дела... – торопит фотокорреспондент.

Я целую ей на прощание руки: теплые, нежные, пахнущие летом, июнем, деревней.

– Приезжайте к нам в райцентр, – приглашает она.

– Я позвоню и приеду, – говорю я, только теперь реально понимая, что действительно нужно уходить и растерянно добавляю:

– В командировку.

Я дарю ей две скромные книжечки собственного сочинения и ухожу не оглядываясь.

А сердце бьется, бьется, бьется... Стучит, отбивает секунды удаляющие нас друг от друга.

«Волга» уже стоит под парами, ждут только нас. Поехали.

«Лена, Лена, Леночка, ты ли моя девочка?..» – крутится в висках. Мысли опять сбиваются с курса. Все думы о Лене, об этой встрече.

Неужели это действительно она?

«В жизни все неслучайно, чаша полна вина. Чтоб познать ее тайну, нужно выпить до дна.» – вспоминаются мной же написанные десять лет назад строки.

«Кто ты, прекрасная женщина, так неожиданно появившаяся в последний самый длинный день тысячелетия? Свободна ли ты? Кем занято твое сердце?»

Нет, я не думаю об этом. И эти мысли не посещают меня в мчащейся по пыльным дорогам и ровному асфальту, среди зеленых полей, «Волге». Я уверен, что свободна или будет свободна. Так должно быть или будет потому, что на этом свете ЕСТЬ Я. И ЕСТЬ ОНА. И была эта встреча. ВСТРЕЧА БЫЛА! Случайная и неслучайная. Была! Была!

«А сколько у тебя было таких встреч до этого? – Шепчет мне возникший вдруг мой противник, мое второе критическое и эгоистическое «Я», – Сколько, Сережа? Вспомни. Встречи и расставания. Расставания и встречи. Больше расставаний, чем встреч. А что осталось? Что? Ни-че-го.»

«Неправда, что-то все равно осталось. «В жизни все не случайно» – повторяю я.

«Случайно, случайно, – шепчет нудно противник, – Вся жизнь – цепочка случайностей...»

«Только не эта. Это же Лена! И я уверен: та самая, предсказанная и долгожданная!»

«Ты всегда так говоришь. Влюбчивый ты мой. Влюбленность и любовь – разные вещи. Далекие друг от друга. Выброси все из головы и думай лучше о своих проблемах. У тебя их: отбавляй – не отбавляй – меньше не станет.»

«Сгинь! – Кричу я в глубине души противнику – этому кривому отражению меня хорошего, – Я не твой и не влюбчивый. Я – влюбленный!»

«Ха-ха! Влюбленный! Да ты хоть знаешь это чувство – любовь? Ты хоть раз испытал его в своей жизни? Ты ведь не любил никогда. Влюблялся, увлекался, женился, но не любил! Ни ту, первую, ни после... Ты мучил их, мучил себя, мешал жить окружающим. Протрезвей!»

«Я трезв как никогда. Я не желаю дискуссий. Я долго ждал эту женщину и она пришла. Это Лена. Понимаешь? Ле-на! Лена! ЛЕНА!!!»

«Та, первая тоже была Лена. Господь забрал ее у тебя, по-

тому, что ты не смог сделать ее счастливой. Ты потом встречал еще одну Лену и еще, но они ускользали от тебя. Ты заиклился на этом имени. Брось. Иди, живи с Наташей, с Людой, с Ларисой. А про Лену забудь. Забудь. Не мешай ей жить, любить дорогих ее сердцу людей. Не становись на ее пути и не делай ее несчастной. Ты эгоист, самовлюбленный писатель, пишущий для самого себя. Хочешь, я сделаю тебя лауреатом престижной премии? Хочешь, будешь редактором солидной газеты и всегда при деньгах? Хочешь? Знаю, что хочешь... Забудь Лену».

«Сгинь! Сгинь! Сгинь!» – Кричит душа моя рвущаяся из «Волги» назад к берегу Кана, в деревню Красный Курыш, к Лене!

Перемену во мне замечают мои попутчики.

– Как вам семинар? – спрашивает женщина из сельхозуправления.

Я даже не знаю что ей и ответить – мысли мои не со мной.

– Влюбился он в очередной раз, – говорит фотокор и его слова заставляют всех улыбнуться.

– Не в очередной, а в первый, – совершенно неожиданно начинаю оправдываться я, чем вызываю у присутствующих еще более веселые улыбки.

«Не смей смешивать людей, – шепчет мне опять лукавый искуситель, – Не будь смешным. Ты же ведь редактор. Редактор должен быть серьезным и деловым, а не влюбчивым и глупым. Иди работай: делай карьеру и деньги. Без карьеры и денег ты и этой Лене не нужен. Никому не нужен.»

«Буду нужен! – говорю я уверенно, почти вслух, – Ей нужен. А она нужна мне. Мы нужны, друг другу. Остальное уже не важно.»

Это произносится мной более чем уверенно и противник начинает отступать.

«А если она любит другого? – пытается он ударить меня по запрещенным в боксе местам, – А если у нее куча детей, ревнивый муж?»

«Не важно» – говорю я.

«А как же Библейское учение, которое ты так ценишь: «Не пожелай жены ближнего...»

«Сгинь! – говорю я уже совсем настойчиво, – Я знаю одно: эта встреча не случайна. Она чиста и светла, как осенняя грусть.»

«Вот именно, осенняя. Осень жизни на дворе, а ты про лето...» –

огрызается противник.

«Уйди. Не рисуй мне мрачных картин. Все у меня будет хорошо. Понял? У меня и у Лены... У нас с ней».

«Ну, ну...» – говорит противник и удаляется. На этот раз навсегда.

Проведя бессонную ночь, но полный сил и оптимизма, я, с нетерпением дожидаясь рассвета, начала рабочего дня, свободного телефона, не занятого выхода на межгород и звоню.

– Лена! – кричу я в трубку, пугая сослуживцев.

– Да, Сергей. Это я.– Отвечает она мне на другом конце Вселенной, – Я прочитала твои книжки. Они мне понравились.

– Я рад... – говорю я сдерживая переполняющие меня эмоции.

«Лена! Лена! Лена! – кричит и ликует моя душа. Ты есть на свете, есть! ЛЕНА. Я хочу слышать твой голос, я хочу видеть тебя, Лена.»

Я крепко сжимаю в руке телефонную трубку и задыхаюсь от хорошего и светлого предчувствия.

ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВО ЛЮБОВЬ наполняет мое сердце. А где-то там, на небесах между именами Сергей и Лена навечно ставится знак сложения и жизнь на планете Земля начинает новый виток.

2. Наташа. Остров.

– Натуся, я в тебя влюблюсь, – говорю я в телефонную трубку, когда она узнает мой голос и добавляю: – А потом быть может еще и женюсь.

– Ты мне это говоришь уже не первый год. – Я представ-

ляю как она кокетливо строит глазки рисуя перед собой мой облик.

– А вдруг... И именно теперь.

– А как же супруга?

– Причем здесь супруга, когда сердце жжет любовь? Когда же мы совершим с тобой путешествие на остров Любви – весь покрытый зеленью, абсолютно весь?

– Когда ты меня позовешь в даль светлую... Туда, за облака... Где под небом голубым есть остров золотой...

– Представь, что уже зову...

– Представить могу, но зова не слышу...

– Я позову тебя обязательно...

– Когда?

– Скоро...

– А когда наступит это скоро?

– Очень скоро...

– Когда меня ты позовешь, боюсь тебя я не услышу...

– Так долго дождь стучит по крыше... – это мы говорим уже вместе, одним голосом, в два телефона.

– Когда идет дождь – всегда бывает грустно, – говорит она.

– Когда идет дождь – всегда бывает возвышенно, – говорю я, – Когда идет дождь, я распахиваю окно, и ко мне приходят хорошие мысли и пишутся светлые новеллы...

– А в этих мыслях и новеллах есть место для меня?

– Много места. Одну из новелл я напишу исключительно для тебя. Только для тебя.

– Но ведь всего одну... Одну из многих...

Я представляю, как она наклоняет голову чуть вправо и плотнее прижимает к уху телефонную трубку. Я чувствую ее дыхание.

– Мне вчера брат звонил из Болгарии, – говорит она, после небольшой паузы.

– Как там в Болгарии? Картошка поспела?

– Не только картошка, но и яблоки дозрели.

– Хочу спелого, сочного болгарского яблочка, – говорю я,

– Когда ты поедешь в Болгарию?

- Не знаю... Сейчас все дорого...
- Давай накопим денег и поедем вместе.
- Долго придется копить...
- А мы постараемся... Ты возьмешь меня с собой? На золотые пески к морю?..
- К морю? А потом на чудесный остров, на тот самый, что под небом голубым...
- Остров Любви...
- Хоть сейчас...
- Сейчас не получится – мне для газеты материал срочно написать нужно.
- И у меня не получится. Нужно закончить компьютерную верстку, а дома полно стирки. Ты же не хочешь, чтобы я поехала в не стираном платье?
- Я куплю тебе новое платье...
- Свадебное?
- От неожиданности у меня перехватывает горло.
- На... Наташа...
- Что, Сереженька?
- Я хотел...
- Ты не ответил мне про платье. Неужели ты хочешь купить мне свадебное платье?
- А почему бы и нет! – восклицаю я в порыве вдруг нахлынувшего вдохновенья.
- Покупай...
- Пока я думаю, что сказать ей дальше, между нами возникает секретарша, напоминая, чтобы я долго не занимал служебный телефон в личных целях.
- Наташ... – тихо говорю я, – Тут меня с трубки сгоняют. Говорят, что у нас один телефон на три кабинета.
- Вот она, Сережа, проза жизни... А ты говоришь остров Любви... Где он, этот остров?
- Может встретимся вечером. В кафе сходим?
- Не получится сегодня. Стирка у меня...
- А когда сможешь? На той неделе?
- До той недели дожить надо. Звони...

- Обязательно.
- Ну до скорого.
- Пока.

Несколько лет назад мы работали с Наташей в одной редакции. Часто пили чай вместе, ходили после работы в кафе и говорили о жизни, о любви, о Болгарии, где у нее живут родственники, о далеких островах...

Однажды я позвал ее на остров Любви. Она согласилась. Но поездка не состоялась. А потом я сменил место работы, и творческие пути наши разошлись.

Мы по-прежнему поддерживаем хорошие отношения. В основном по телефону. Чаше звоню я, и мы подолгу говорим с ней обо всем на свете.

О знакомых, текущих делах, планах на лето и о любви... Об острове Любви, на котором нам вместе, видимо, никогда не бывать.

3. Марина. Порывы.

Поднявшись на отвесную гору, я несколько минут смотрю на оставшийся внизу шумный город, на спокойные березки, тянущиеся лентой до самого горизонта, затем складываю ладони трубочкой, подношу ко рту и делаю глубокий выдох.

- Марина! – кричу я вдаль, – Мариночка!
- ...ина... а... а... – несётся над городом, лесом, суетой.
- ...иночка... а... а... – возвращает эхо мой выдох.

Ещё не вечер и отсюда, с небольшой высоты, хорошо различаются река, левый и правый берег города. Где-то там, на одном из этих берегов – она, Марина.

Марина. Имя, возникшее из шума морской волны и шороха ветра, заблудившегося в косах средиземноморских пальм и зарослей кипарисов, долетело как-то до меня в заснеженную Сибирь, в мое провинциальное детство и поселилось в наивной моей душе.

Марина – звучало возвышенно и романтично. И грезились далекие, никогда не виденные мной страны: Греция, Италия, Испания...

А потом, в том же, кажущемся теперь нереальным, детстве, появилась вдруг девчонка с таким именем. Нет. Не с таким. Та была Маринка. В том её имени не было возвышенности и романтизма.

Маринка... Сиротинка... Некрасивая картинка...

Это та, оставшаяся в той, давно прошедшей жизни.

А это другая. Это – Марина, Мариночка... Грация... Вдохновение... Муза... Красивая женщина...

О, женщины! Противовес и дополнение мужчины. Что делаете вы с нами, красивые и не очень, добрые до наивности и злоючки способные на коварство?

Женщины... В пору расцвета и зрелости мужчины вы входите в его сердце не в одиночку, а небольшими стайками и рвёте его ранимую душу на части. Больно, томительно, заставляя его сходить с ума, делать нелепые поступки, говорить не свойственные ему слова, писать ночами стихи и новеллы.

С недавнего времени моя муза, моё вдохновение, радость и печаль, единственная и неповторимая поселилась на берегу Кана. Она имеет другое, любимое мною трепетное имя и даже на расстоянии в две сотни километров оказывает свое влияние на мои мысли, поступки, работоспособность. Иногда я не вижу её неделями и не слышу по несколько дней её голоса, теряю почву под ногами, реальное ощущение окружающей среды, и тогда в душе моей образуются вакуум, пустота, зной, безжизненная пустыня. Но тут, вдруг, как цветок, как оазис, как глоток холодной колодезной воды, появляется Марина. Стучит по коридору каблучками туфель и босоножек, или беззвучно ступает по полу кроссовками, подарив одному мне предназначенную улыбку. И мир переворачивается. Если не на все 180, то по крайней мере градусов на 120 точно. Жизнь приобретает смысл, творчество – продолжение.

Женщины. Почти девять лет мучается возле меня преданная, способная любить, понять, простить женщина с редким теперь для России святым именем. Терпит меня, и мои заморочки, ругает, ворчит, варит обеды и ужины, спасает от одиночества. А ещё читает мою писанину, разбирает кривые строчки

насочиненного мною бреда и галиматьи, исправляет орфографические ошибки, печатает на машинке тексты. Я знаю, что обязан ей до конца жизни, я знаю, что она никогда не предаст. Я жалею её, покупаю ей подарки, но сердце моё рвется на Кан...

И я мечусь между Каном и Енисеем, рвусь из клетки треугольника...

Женщины... С одной меня не связывает ничего, кроме любви. С другой всё, кроме любви.

Почти каждый день я прихожу на работу, чтобы заняться творчеством и вижу Марину.

– Что такой грустный? – спрашивает она.

– Жизнь – дело серьёзное, – говорю я, пытаюсь отшутиться и улыбнуться.

Улыбнуться удаётся. Грустные мысли растворяются среди не очень грустных. И я чувствую порывы любви. Они, как дуновение того заблудившегося в кипарисах ветерка, освежают, вселяют надежду и веру в хорошее.

Порывы любви... Но не той любви брошенной к ногам канской красавицы, и не той, платонической, когда между мужчиной и женщиной не может быть физической близости. Платон мне друг, но истина, есть истина... Нормальной любви нормальные порывы. Правда, на приличном расстоянии, с невинными поцелуями в правую или левую щечку.

Я понимаю, что сердце поэта не в силах выдержать нагрузки из трёх женщин, а там, наверху уже все определено и выбор сделан, что течение несет меня к фатальному исходу, по назначению и предназначению и ничего поделывать никто не может. Ничего уже изменить нельзя. Женщины выстроены в строгой определенности и та, которой было суждено, пришла в свой срок, час и минуту, и заняла свое, предназначенное ей место, заслонив собой остальных.

Марина – это любовь на расстоянии. Иногда это расстояние сближается, иногда – отдаляется. Порывы любви колеблются, выбрасывая то длинные, то короткие амплитуды. Но не затихают и, наверное, долго не затихнут.

– Привет, Марина! – говорю я ей по утрам в очередном

порыве, собираясь в очередную поездку на канские берега, –
Всё дерзаешь?

– Привет, – говорит она, ненадолго отрываясь от экрана монитора, —дерзаю.

А потом, как-то, по-девичьи, легко вздыхает:

– Скоро осень... Сентябрь...

– Да, грядёт сентябрь, – говорю я, подходя к ней близко, –
В сентябре у меня день рождения...

– И у меня в сентябре, – она поворачивается мне навстречу, – У меня двадцать первого...

– А у меня двадцать восьмого...

– Ты сочинишь для меня стихи, к моему Дню ангела?

– Обязательно. Стихи или новеллу. Что лучше?

– И стихи – хорошо и новелла... Правда, стихи ты пишешь для всех подряд, а новеллы только для избранных...

– Ты уже избранная...

– Я рада...

– Взаимно, – говорю я, и стараюсь выглядеть деловым и беззаботным, ухожу на своё рабочее место. Сочинять новеллу.

...Ещё не вечер. Я гляжу с вершины горы на отдалённый город, верхушки берёз, на небо и замечаю, что уже по-осеннему пасмурно и прохладно. Осень неизбежно приближается. Осень, похожая на женщину. С глазами Лены, тихой грустью Веры, улыбкой Марины.

Здравствуй, осень!

Я давно с тобою не был...

2001.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Славка Чудов бросил пить в канун ноябрьского праздника: кончились деньги, кончился хлеб, кончилось сало.

“Хватит, — сказал он сам себе, поднимаясь с постели после бессонной ночи изрядно проголодавшимся. — Хватит, мне уже за сорок, а живу, как собака: жена ушла, сын, отслужив армию, знать меня не хочет. Надо за ум браться. Пора...”

В предпраздничный день он решил провести генеральную уборку в своей однокомнатной квартире: вымыл полы, посуду, вытер пыль с комода и шифоньера, собрал на веник с углов комнаты и кухни паутину. Потом вышел во двор и откидал снег от ворот.

Вечером он пил крепкий чай, курил, слушал радио, читал. На другой день к обеду появился старый приятель Петруха с бутылкой самогона.

— Ты чё, серьёзно завязать решил? — спросил он удивленно. — Да брось ерундой заниматься, всё равно ведь сорвёшься.

— Не сорвусь. На этот раз не сорвусь, — уверенно сказал Славка товарищу, чем ещё больше удивил его.

— Ну, ладно, давай по стакану в честь праздника и завязывай. В честь праздника грех не выпить, — настаивал Петруха.

— Нет, Петя, всё — я в завязке.

— А ты знаешь, что резко бросать нельзя — может удар случиться: инфаркт или эпилепсия, — попробовал подойти с другого бока Петруха.

— Меня не ударит, и кончай искушать. Иди лучше к Мишке, его угости.

— Ну, как знаешь, Славик, — сказал Петруха, вставая и собираясь уходить. — Я к тебе со всей душой, а ты меня гонишь. Ладно, обидел ты меня, старого своего товарища. В другой раз умолять будешь с похмелья — ста грамм не подам, понял?

— Понял, понял, — закивал головой Славка, провожая его в сенцы.

Через неделю весть о том, что Славка Чудов “завязал” с выпивкой разнеслась по всему селу. На работе, на улице, в магазине его кто одобрительно, а кто сочувственно похлопывали

по плечу и спрашивали: “Серьёзно завязал?”

— Серьёзно, — отвечал он и спешил удалиться.

В начале декабря, получив зарплату, Славка был искушаем лукавым. В магазине, покупая хлеб, чай и сахар, он увидел баночки с импортным пивом и так вдруг захотелось...

“С пива всё и начинается” — подумал он, борясь с искушением, и купил бутылочку “пепси-колы”.

Дома он развернул краевую “Неделю” и в одной из колонок объявлений прочел: “Реальное избавление от алкогольной зависимости”. Объявление его заинтересовало, и он записал адрес и номер телефона лечебницы.

На другой день, отпросившись у начальника, он поехал в город, отыскал лечебницу и закодировался там от употребления спиртного сроком на год.

Дальнейшая Славкина жизнь начала быстро меняться, у него теперь всегда водились деньги, все его бывшие дружки, усвоив, что от Славки ловить теперь больше нечего, постепенно от него отошли. На работе начальство стало относиться к Вячеславу с уважением, а сам же он стал несколько замкнут и полюбил одиночество. К весне, очевидно вспомнив, что закончил в своё время сельскохозяйственный техникум и одно время работал агрономом, Слава стал выращивать на подоконниках помидорную рассаду. Ну а когда наступило время посадки овощей и картофеля, все вечера и выходные пропадал в огороде: соорудил две теплицы, высадил рассаду, посадил на пяти сотках картошку, значительно расширив свой земельный участок. Соседи, семидесятипятилетние старики, привыкшие видеть Славку через день, да каждый день пьяным, а огород его наполовину заросшим бурьяном, с удивлением смотрели на него из-за невысокого заборчика, разделяющего их подворье от Славкиного, и каждое утро в один голос здоровались.

— Здравствуйте, — отвечал им Славка и шёл по своим делам.

В начале лета, когда в огороде зазеленели всходы и полезла вверх картофельная ботва, дел с поливкой и обработкой посевов прибавилось. Вечерами Славка до самого наступления темноты пропадал в огороде, а потом шел в избу,пил крепкий

чай, читал газеты или слушал радио. Спал он мало — всё больше думал о жизни своей, пытался строить планы на будущее. Однажды вечером, в дождливую погоду, Славка, вернувшись с работы, как всегда заварил себе крепкого чая и, попивая его небольшими глотками, стал по привычке просматривать краевые газеты. Он любил читать колонки новостей и криминальную хронику. С иронией почитывал письма читателей, как правило, жалующихся на свою жизнь или дающих советы, что нужно делать краевой администрации или правительству страны, чтобы наступила всеобщая благодать. Последней — “на десерт” — Славка брал в руки по привычке “Неделю” и не спеша “смаковал” частные объявления граждан. Особенно потешали его так называемые брачные объявления с подзаголовками “Она ищет его”, “Он ищет её”. Читая объявления типа “Вдова, 63-х лет, жилищно обеспечена, дети взрослые, познакомится с мужчиной 55-65 лет, материально обеспеченным, для совместного проживания. На переезд согласна”, Славка громко смеялся и комментировал прочитанное вслух: “А у бабки губа не дура — свою квартиру детям оставит, а сама жить к тому лопуху пойдет, который отзовётся”.

Такое же объявление, как “Молодая женщина, 28 лет, замужем не была, детей нет, познакомится с молодым человеком 35 лет для создания семьи. Злоупотребляющих алкогольными напитками и побывавших в местах лишения свободы — просьба не беспокоиться”, вызывало в нём ироничное возмущение: “Замужем не была, детей нет, а почему тогда ты женщина, а не девушка, спрашивается? “Злоупотребляющих алкоголем просьба не беспокоиться”. Смотрите, какая цаца! Ты лучше напиши, как свою невинность потеряла. Наверняка пьяной была, когда это случилось”.

Вот и в этот раз, раскрыв “Неделю”, Славка первым делом отыскал ту страничку, где были напечатаны объявления о знакомствах и прочел первое из них: “Женщина 30 лет, разведённая, имеет сына 10 лет, познакомится с мужчиной 35-45 лет, желательно непьющим, для создания семьи”. Ниже были напечатаны имя, фамилия и домашний адрес. Объявление с полным, что называется, реквизитом, Славка видел впервые, и

оно его заинтересовало.

“А что, — подумал Славка, — человек я сейчас непьющий, хозяйственный, почему бы и не попробовать, не сделать попытку к созданию семьи? Правда, от детей я отвык, но как отвык, так и привыкнуть можно. Тем более что это мальчик — с ним и на рыбалку ходить можно, и по орехи”. Не откладывая задумку в “долгий ящик”, Славка тут же написал письмо незнакомке по имени Людмила, в котором он описал всю свою жизнь. Письмо получилось большое — на шести тетрадных листках, и конверт, в который он вложил его, выглядел раздутым. Утром следующего дня он встал пораньше и поспешил на почту, дабы успеть бросить письмо в почтовый ящик до первой выемки. Если верить адресу, Людмила жила не так далеко от Славки — до железнодорожной станции час езды, затем поездом шесть часов, потом ещё до её деревни часа два — за двое суток письмо доставят. Двое суток туда, двое обратно, да на раздумье ей да на ответ пару деньков — через недельку надо ждать ответа — так думал Славка. В том, что Людмила ему обязательно ответит, он не сомневался. — Даже если ей сто писем пришлют, всё равно одним из первых она даст ответ на его послание.

Неделя прошла в мечтах, ожиданиях и огородных трудах. В среду, в обед, вынимая из почтового ящика газеты и не обнаружив письма, Славка пригорюнился.

“Неужели ей так много писем прислали? — покачал он головой. — А, может, ей кто-то другой приглянулся? И-эх! — нужно было фотографию послать, пусть бы визуально оценила, да и у неё не мешало бы фото попросить — глянуть сначала, а то вдруг уродина, какая...”

Не обнаружил Слава письма в ящике и в следующие два дня. Ну а в субботу...

В субботу он с самого утра, как обычно, возился в огороде. Картошка в этом году росла быстро и ботва кое-где уже достигала двадцати и более сантиметров, однако и сорняки высились вокруг обильно. В былые годы, когда Славка почти не следил за своим огородом, травкам было здесь вольготно и привольно и, видимо, по привычке они считали себя здесь истинными

хозяевами и не хотели мириться с какой-то там картошкой. А с сорняками не хотел теперь мириться хозяин огорода. И в это прекрасное солнечное утро, раздевшись по пояс и взяв в руки тяпку, он пошёл на них в наступление. Время приближалось к полудню, когда Славка услышал, что его окликают. Звала из-за заборчика старуха-соседка.

— Здравствуйте, — сказала она.

— Здравствуйте, — чуть раздражённо ответил Славка, подойдя к забору, не имея никакого желания общаться с ней — слишком ещё свежи были воспоминания о том, как эта самая баба Дуня, совсем недавно, на каждом углу разносила о нём разные небылицы, и, встретив его отца, рассказывала, с кем Славка пил и ночевал ли он дома или нет. Она его и поссорила с отцом, и отношения эти до сих пор ещё не были, как следует урегулированы.

— Я сегодня с утра в центр ходила... К автостанции, в магазин... Ну, сахару взяла, хлеба, — быстро, словно боясь, что Славка не станет слушать и уйдет, заговорила бабка Евдокия, — а тут как раз автобус со станции подошёл, оттуда вышла незнакомая женщина с ребенком и спрашивает у шофёра, где, мол, Вячеслав Семенович Чудов живёт? А шофёр-то, не наш — станционный, плечами пожимает. А тут как раз я разговор этот услышала, сначала было хотела проводить её, но потом, думаю, нет, лучше я ей объясню, как к тебе пройти, а сама пойду короткой дорогой, предупрежу: вдруг ты не готов гостей встречать. И действительно, вижу — не готов.

— А где она сейчас? — спросил Славка.

— В магазин было зашла, ну, а сейчас, видно, сюда направляется, так что готовься гостью встречать.

И бабка Евдокия с интересом посмотрела на Славку.

— Спасибо, — сказал он ей и, отложив тяпку в сторону, отправился в дом.

Во дворе он умылся водой из бочки, привязал к конуре собаку. Дома надел чистую рубашку, включил электроплитку, поставил чайник, глянул на себя в зеркало, отметив, что сегодня он, как нарочно, не побрился.

“Вот это дела! — думал он про себя. — Я жду от нее пись-

ма, а она сама решила заявиться — сразу разрешить все вопросы. Молодец! А что тут тянуть? Всё правильно. Я уже не мальчик, она не гимназистка...”

Едва успел он подумать об этом, как увидел в окно свою “заочницу”: в синем в цветочек платице, косынка, белая в горошек, повязана на шее, в одной руке коричневый плащ, в другой — средней величины хозяйственная сумка, за которую держался мальчик, одетый в простенький серый костюмчик и белую шапочку с козырьком.

“А издалека она ничего смотрится”, — отметил про себя Славка, и сердце его учащённо забилось. Он хотел, было выбежать, выскочить навстречу, но сдержался и выждал, пока Людмила подойдет к воротам и постучит в дверь, а в ответ на стук залает собака. Когда это произошло, он, выйдя на крыльцо, вначале деловито прикрикнул на собаку, а уж затем пошёл встречать гостей.

На вид она ему показалась простой — зачесанные назад светлые волосы, схваченные сзади в пучок резинкой, едва заметные веснушки на щеках.

“Спина, небось, тоже в веснушках” — подумал Славка.

— Это вы Вячеслав Семенович? — спросила она тоненьким голосом

— Он самый. А вы Людмила Григорьевна, как я понял?

— Правильно поняли. Вы, наверно, письма от меня ждали, а я вот сама решила приехать. Можно?

— Проходите уж, чего там, коли приехали... — сказал Славка, открывая дверь пошире. — Собаку не бойтесь, она до крыльца не достанет, да и не кусается она вовсе.

Гостью он посадил в кухне на стул возле стола, мальчика — на оставшийся от покойной матери сундук, стоящий у противоположной от окна стены.

Мальчик по имени Лёша был живой, подвижный, с бегаящими черными глазками-угольками, с красными щеками и слегка приплюснутым носиком. “Дебил, что ли?” — подумал Славка, угощая его леденцами, которые по случаю достал из “долгого ящика” — буфета, где хранились у него продукты про запас.

— Ну, пока чай греется, расскажите про себя, — попросил Славка гостью. — Сам-то я про себя всё вам написал.

— Рассказывать, собственно, нечего, — ответила Людмила, вздохнув. — Жила у матери, отец умер рано, братьев-сестер нет. Вышла замуж за приезжего. Прожили два года, а потом он куда-то пропал. Ждала его ещё два года, а потом письмо получила с просьбой дать ему развод и не требовать пока алиментов. Развод я ему дала, алиментов не потребовала и вот уже пять лет как от него ни слуху, ни духу, ни денег...

— А больше замуж выйти не пробовала?

— Хотела выйти, одной тяжело, мама уже старенькая, да и ребёнку отец нужен. Но за кого? У нас в деревне одни алкаши. Вот и решила объявление в газету дать.

— Понятно, — сказал Славка. — Что ж, будем знакомиться. Ты с ночёвкой в гости, или как?

Людмила пожала плечами.

— Не знаю.

— Ну, ладно, до вечера времени еще много — посмотрим, а пока давай чай пить, — принял решение хозяин, доставая из буфета граненые стаканы.

Мальчик, видимо, по натуре своей, будучи ребенком любопытным, постоянно приподнимался, выглядывал в окно. Славке это не очень понравилось и он принёс из комнаты табуретку, пересадил ребенка ближе к столу.

— Это ваш огород? — спросила Людмила за чаем.

— Я же писал, что огород у меня — вот он этот самый и есть, который из окна видишь.

Людмила, откинув и без того раскрытую занавеску, чтобы лучше был обзор, внимательным взором окинула Славкину “фазенду”. Приподнялся с табуретки и мальчик. Славку эта подвижность стала раздражать.

— Ты что, Лёшенька, на иголке, что ли, сидишь? Или тебя вошки кусают? — спросил он юного гостя.

— Сядь и не крутись! — одернула сына Людмила.

Мальчик послушно сел на табурет и замер.

— Ну, ладно, — сказал Славка, когда они закончили чаепитие. — Чаю попили, теперь пора за работу браться. В огоро-

де, небось, полоть-окучивать приходилось?

— В деревне родилась, — улыбнулась Людмила.

— Тогда вот что: у меня там трико есть, футболка, кроссовки — переодевайся, и пойдём на огород.

— А Лёшка чё делать будет? — спросила гостя у хозяина.

— Будет траву срубленную собирать и за ограду выбрасывать.

Славка вышел на огород первым, минут через пятнадцать подошли Людмила с Лёшкой. Славка, осмотрев гостю в новом одеянии — в облегающем тело трико, нашел её очень даже ничего.

“При всём бабёнка, — отметил он. — А в платье худенькой кажется”.

Он определил Людмиле три рядка, вручил ей тяпку. Лёшке наказал по картошке не ходить, а собирать за мамой срубленную траву и, как было сказано раньше, выбрасывать её за ограду. Он показал куда именно. Работа закипела.

Славка с Людмилой махали тяпками, а Лёша собирал траву. Славка был доволен и подумывал, что так они к вечеру всю прополку и завершат. Однако через некоторое время он заметил, что Людмила нечаянно срубила картофельную ботву и боязливо глянула в его сторону. Он быстро отвел взгляд, но боковым зрением увидел, что гостя его воткнула срубленную ботву на место и присыпала вокруг землей.

Они продолжали прополку, но, очевидно, происшедшее уже как-то вывело Людмилу из равновесия, и через несколько минут она опять рубанула по ботве и снова присыпала, воткнув её на место. Славка и на этот раз заметил, но снова ничего не сказал. Когда же Люда ошиблась и в третий раз, он не сдержался:

— Слушай, если мы с тобой в одну прополку половину картошки порубим, а в следующий раз остальную, то, что зимой есть, будем? — спросил он сердито.

— Да что-то я сегодня не могу, тяпка из рук валится, — сказала Люда смущенно. — Видно, устала с дороги.

— Ну, коль устала — иди в дом, — там, в буфете найдёшь банку тушёнки, вермишель, из подполья достань картошки,

протопи печь, я её раз в неделю обязательно протапливаю, чтобы сажа в дымоходе не прессовалась, свари супчика, поедим. Заодно посмотрю, какая ты на кухне хозяйка.

Люда кивнула, отставила тяпку, окликнула перемазавшего в земле не только руки и брюки, но и лицо сына, и направилась в избу.

А Славка продолжил прополку, изредка поглядывая на трубу дома. И вот из неё, наконец, пошёл, потянулся к небу сизый дымок.

“Ну, поесть-то как-нибудь сварит, — подумал Славка, — на это, наверно, тямы хватит”.

Он ещё несколько минут продолжал прополку, но вдруг какое-то тревожное предчувствие остановило его. Он вспомнил, что за комодом лежат свернутые в трубочку несколько свитков его, ещё студенческих записей по агрономии с рекомендациями: как и когда, в какое время лучше высаживать ту или иную огородную культуру, как за ней ухаживать и чем лучше удобрять.

“А что, если она вздумала растопить печку этими свёртками” — мелькнула у него мысль.

И сейчас же, отложив тяпку в сторону, он поспешил домой, а войдя, оторопел...

Люда бросала в печь очередной свёрток, еще два лежало у самой печки, на поленьях.

— Кто?!.. Кто?!.. Кто тебе разрешил жечь эти записи? — заикаясь, спросил Славка. Ярость наполняла его до краёв.

— А я подумала, что эти старые бумаги вам не нужны, — часто мигая веками, оправдывалась Люда. — Я хотела было газетами растопить, но подумала, что вы их еще читать будете... А эти бумаги уже жёлтые, мухами засижены... Да и горят хорошо...

Славка, стараясь быть спокойным, прошёл в комнату, приподнял скатерку стола, под которой “россыпью” хранил деньги, взял две десятки и, вернувшись на кухню, протянул Людмиле.

— Я хоть не богат, — сказал он, сдерживая гнев, — но сволочью быть не хочу! На, возьми эти деньги. В четыре часа автобус пойдёт на железнодорожную станцию. Ещё успеете.

— Не надо, — отказалась Люда. — У нас деньги есть.

Глаза её становились влажными.

— Только без слёз, — сказал Славка, — терпеть не могу бабьих слёз, да и никого здесь не хоронят.

— Можно я пройду в комнату, переоденусь?

— Пройди.

Пока она собиралась, он сидел и молча курил на кухне у окна.

Не проронил ни слова и когда она, собравшись, уже на пороге сказала ему: “До свидания”, лишь слегка кивнул ей.

...Славка провожал её взглядом из окна комнаты. Она шла, держа в одной руке сумку и плащ, а другой вела за руку сына.

На пригорке она остановилась, провела ладонью несколько раз по Лешкиным брюкам, очевидно, сбивая с них пыль, поправила на голове ребенка кепочку и, оглянувшись, посмотрела на Славкин дом. Славка отпрянул от окна.

Когда гости совсем скрылись из виду, Славка вернулся на кухню, и взял ещё одну сигарету. Руки его тряслись и он, чиркая о коробку, сломал сначала одну спичку, а потом вторую. Когда не зажглась и третья, Славка швырнул со всего размаха коробок в угол кухни, смял сигарету и бросил её в чашку с недочищенной гостевой картошкой, стоявшую на краю плиты.

— Вам, возвращая ваш портрэт,

Я о любви вас не молю.

В моей душе покоя нет, —

Я вас, как Брежнева люблю!..

— пропел он неожиданно для самого себя, сделал три прихлопа ладонями по груди, два притопа ногами о пол и, тяжело плюхнувшись на табурет, обхватил голову руками.

1996

Красноярск.

НЕ СУДЬБА

Небольшой городок и одноимённая железнодорожная станция назывались Залари. Стоял этот населённый пункт на Транссибирской магистрали и все пассажирские поезда, следующие в сторону Москвы или Владивостока хоть на пару минуток, да останавливались там. Я попал в Залари проездом, выбираясь из глухого таёжного райцентра, где был в командировке, с целью побыстрее взять билет и на ближайшем поезде добраться до родной редакции. Но не тут-то было. Из-за схода грузового состава, случившегося где-то на востоке, все пассажирские поезда следующие в западном направлении опаздывали минимум на десять часов. К тому же, едва я добрался до вокзала, как зарядил не по-летнему мелкий дождь и настроение моё, с утра державшееся на высокой отметке, упало едва ли не до нуля. Положение, казалось безвыходным. Некоторые из суетливых пассажиров сдав билеты, попробовали было на попутном автотранспорте добраться до большого города и попытаться уехать оттуда. Не знаю, на что они рассчитывали, ибо железнодорожная магистраль была единственной, и в большой город поезд мог бы попасть только после того, как миновал Залари. Может быть, они собирались лететь по своим делам самолётом или же переждать вынужденное свободное время в более комфортных, чем в Заларях условиях. Меня же такая перспектива из-за ограниченного количества денег, не очень прельщала. Нелишнее будет, наверное, сказать читателю и о том, что события описываемые автором происходили в конце той самой пресловутой перестройки государства, когда в магазинах было “шаром покати”, а то, что осталось из запасов социализма, продавалось строго в ограниченном количестве и, в большинстве случаев по талонам. Спасибо главе таёжного района, по настоянию которого мне навязчиво уложили в дорожную сумку маринованных грибочков, копчённой рыбы, солённого сала и булку мягкого круглого хлеба. Так, что о питании я не думал, но мысль, о том, что придётся ещё неопределённое время провести в походных условиях, тяготила. Собираясь утром на скорую руку и рассчитывая к вечеру добраться до дома, я не успел побриться, и теперь физически

ощущал щетину на щеках и подбородке. Вдобавок ко всему, у меня не было зонта и промокшая причёска моя, а с ней и вся моя внешность, наверное, имели далеко не привлекательный вид. Немного комплексуя по этому поводу, я вышел на привокзальную площадь, намереваясь, снять номер в гостинице и завалиться на боковую до завтрашнего утра, но тут услышал, как меня окликнули...

Меня окликнули по имени, и я от неожиданности вздрогнул. Первое, что пришло мне в голову: зовут не меня, ибо в этом городке у меня не было ни одного знакомого человека. Я оглянулся, увидев даму городского вида в модной шляпке и хорошо сшитом женском костюме. Она стояла на автобусной остановке метрах в двадцати пяти от меня, рука её в перчатке, аккуратно сжимала рукоятку раскрытого над нею зонта.

— Вы меня? — подошел я к ней.

Полуоткинутаая вуаль на шляпке прятала от меня её глаза, но улыбка на губах и лёгкая пунцовость кругленьких щёчек были так хорошо знакомы.

— Не узнаёшь? — спросила она, откидывая вуаль.

— Нет, — честно признался я.

— А Татьяну Александрову, помнишь?

— Таня! — воскликнул я, узнав блеск почти родных когда-то мне глаз.

— Именно я, — сказала она, подойдя ко мне и прикоснувшись к небритой щеке моей губами. Нежный аромат духов и близкое дыхание тридцатилетней дамы, некогда бывшей мне дороже всех женщин мира, вскружил мою голову, а сердце забилось сильнее и чаще.

— Та...Таня... — слетело с моих, вмиг пересохших губ.

— Я, Серёжа, я. Как долго мы с тобой не виделись... Целую жизнь. Или даже две...

— Ты, почему больше не приходил ко мне, после того?... — спросила она, когда мы сидели потом в парке на скамейке.

— Но ты ведь не хотела, чтобы я приходил...

— Я сказала, чтобы не приходил, а сама ждала тебя каждый вечер, каждый выходной день. А ты всё не шёл и не шёл...

— Я ушёл в армию...

— В армию ты ушёл через год после того, как мы с тобой последний раз встретились.

— Да, но ты так сказала мне тогда, резко... Даже зло...

— Не приходил и потом, когда вернулся. А я ждала и два года, когда ты служил. Надеялась, что напишешь... И потом ещё, когда ты учился в университете и приезжал на каникулы...

— Мне сказали, что вышла замуж за Лазарева и уехала с ним в какой-то дальний гарнизон...

— Это было потом, когда ты женился на Алёне...

— Я женился на Алёне, только потому, что думал, что ты...

Я осёкся, не вспомнив, что же я думал, когда женился на Алёне. О Тане я тогда точно уже не думал... Правда, вспоминал...

— Я тебя часто вспоминал... — сказал я.

— А уж как я тебя вспоминала! – воскликнула она, — Вспоминала, как мы бродили с тобой по чужим дворам и прятались от знакомых в подъездах. Хотели, чтобы про нас никто не знал.

— Да... — сказал я, — А конопатая Маринка выследила нас в парке и рассказала всей школе.

— Это было, когда ты учился уже в девятом...

— А ты в восьмом.

— Зато, когда ты училась в девятом, мы уже не прятались...

— Да, не прятались...

— Что ты всё “да”, да “да”, сказать больше ничего не можешь? А ещё журналист! Зачем ты повёл меня тогда за город, перед твоей поездкой в университет. Не хотел мальчиком уезжать? Хотел перед друзьями там похвастаться, что у тебя со мной было...

— Может быть и хотел... — сказал я смущённо.

— Хорошо, хоть честно признался...

— А может быть и не хотел... Сам не знаю. Мы ведь с тобой два года дружили и ничего, кроме поцелуев не было. У других было, а у нас нет. Вот я и подумал. Ты же тоже этого хотела...

— Я не хотела... Тогда не хотела... Я думала, что это как-то произойдёт само собой и позже. А ты...

— Но ты не сопротивлялась и даже не говорила: “Не

надо...” Мы раньше никогда не заходили так далеко. А тут пошли в поле, в лес, на скошенные луга.

— Ты заманивал меня на солому, а я думала, что ты хочешь показать мне туманность Андромеды. Ты тогда о ней только и говорил. Бредил буквально.

— Скажи честно: ты тогда обиделась?

— Обиделась, что ты это делал молча, не подготовив меня, и прижал сильно и больно, как мужик...

Я не знал, что сказать на это. Наверное, это было именно так, тогда в тёмный августовский, тёплый вечер сто лет назад. Не сто, правда, но годков пятнадцать или четырнадцать назад.

— Ну а как сейчас живёшь? – спросила она. Она спросила так легко, как будто уже не держала на меня обиды.

— Да так... — не сразу ответил я, а, отвечая, преодолел сопротивление пересохших голосовых связок.

— Где твой сын? Я слышала, что Алёна погибла... Прости...

— Ничего, я уже привык... Все спрашивают... Семь лет уже прошло... Сын у матери моей. Тоже привык уже, зовёт её мамой. А я в свободном полёте...

— А я разошлась с Лазаревым года три назад. Надоело болтаться по гарнизонам. То в Монголии, то в Средней Азии, в Тьму-Таракани. Пожила одна, у мамы, потом уехала в один райончик с партаппаратчиком. Он в райкоме работает с перспективой на обком, связи у него в области большие. Замуж не зовёт, так не расписанными живём. Мне доверяет, хотя вижу – ревнует. Виду, правда не подаёт, даже одну на курорт отправляет. Вот и сейчас еду в Белокуриху на три недельки.

Она улыbnулась:

— Вот видишь: тут застряла, тебя встретила. Что ж, Серёженька, судьба видно. Надо это дело отметить. Ты не против?

— Да я то не против, только со спиртным, сама знаешь, напряжёнка сейчас.

— Знаю, да ты не знаешь моих возможностей. Я же любимая женщина верного сына партии Протопопова. Эта фамилия в этой округе – ключ ко всему. Жди меня здесь.

Таня ушла, оставив меня в раздумье: случайна ли эта встре-

ча или закономерна и правильно ли я делаю... А что же ещё делать: правильно, не правильно, всё равно в Заларях до утра торчать придётся.

Она вернулась через полчаса достала из пакета бутылку коньяка и ключи.

— Вот норочку нам с тобой нарыла, как говорит Протопопов, — засмеялась она, — На втором этаже двухместного номера районной гостиницы...

... В пространство между двух неплотно задернутых штор подглядывал молодой месяц. Дождь перестал шелестеть. Я лежал с открытыми глазами и смотрел в прорезь на кусочек ночного неба. Рядом спала Татьяна. Она лежала прижавшись левой щекой к подушке отвернувшись от меня, лицом к окну. Всё было не так, как хотелось и ожидалось. После выпитого вечером коньяка, она с жадностью волчицы вцепилась в мои губы, я обнял её за талию, потом... Потом мы принимали ванну, целовались, качались на пружинах старой гостиничной кровати, шептали друг другу разные слова. Но чувств и любви, не было. Не у неё, ни у меня. Это была уже не та, любимая мною в юности Татьяна, ради которой я готов был сделать всё на свете. Теперь у меня такого желания не было. Теперь было одно желание: поскорее уйти из этой гостиницы, сесть на поезд и уехать. Но на дворе была августовская ночь, а поезда по железной дороге в нужном мне направлении всё ещё не ходили.

Вчера я не хотел её обидеть. Понимая, что искренности между нами нет, я неожиданно для самого себя сказал:

— А ты ведь тогда была уже не девочкой...

— Нет, — легко, без смены нотки в голосе, согласилась она, — Отчим, сволочь меня тогда испортил и когда мамы не было дома, всегда лез ко мне. А я никому не говорила. Потом он меня на аборт в область возил...

— Это, кто, дядя Вася? Он такой же скромный человек был, добрый, общительный.

— Все вы добрые и общительные. Я не знаю теперь ни одного отчима, чтобы на падчерицу не заглядывался. Кобели! А ты как мог догадаться, что я была не девочкой? У тебя же до меня никого не было.

— Я потом догадался, когда жизнь понимать стал.

— Когда опыту набрался. Молодец, хоть в этом плане обо мне думал.

— В этом я не думал.

— Врёшь. Наверняка, как проанализировал, последними словами меня покрывал.

— Не покрывал.

— Хочется верить.

— Поэтому ты тогда ко мне так переменялась. Из-за отчима?

— Да. Я знала, что рано или поздно у нас с тобой это произойдёт, но не была готова. Тогда, в тот день... А если бы я рассказала тебе об отчине, ты меня же всё равно бросил. Бросил же скажи?

— Не знаю...

— Я, зато знаю. В юности все честолюбивые. Зачем ты этот разговор затеял? Столько лет прошло. Мучался все эти годы, наверное. Думал про мою нечестность.

— Я сомневался. Мне не хотелось верить в это. Ведь я тебя помнил такой чистой и прекрасной. Помнил, как ты спускалась ко мне по крутой лестнице у яра. Твою коротенькую юбочку в клеточку и круглые бедра. Глядя на тебя снизу лестницы, на твои стеснительные движения и прижимания краёв юбки руками, я испытывал восторг!

— Это в тебе литератор заговорил, — сказала она, отворачивая от меня глаза, — В жизни всё прозаичнее. Ты мне нравишься, правда, но было ли это любовью. Теперь утверждать не могу. Зря мы, наверное, повстречались...

— Ты же сказала судьба...

— Судьба наша, Серёжа, мимо нас промчалась. Вернее не судьба. Мне судьба теперь с Протоповым, тебе искать свою любимую в море газетных строк и текущих событий. Будь счастливым.

Она отвернулась от меня, укрылась одеялом, и довольно быстро уснула. Коньяк взял своё.

В начале шестого стало светать. Я встал умылся, оделся. Чай пить не стал. Татьяна лежала не подвижно, лишь правое

плечо её слегка поднималось и опускалось в такт дыханию. Не знаю, спала ли она.

Я не стал её окликать, вышел осторожно, стараясь не скрипнуть дверью.

Поезда по Трансибу уже шли полным ходом и через пятнадцать минут после моего прихода на вокзал, я уже сидел в проходящий пассажирский экспресс. Усевшись, у окна вагона, я подумал о Татьяне, о себе и о душе. О том, что она, душа моя почему-то так охладела ко всему, или во всяком случае многому происходящему на этом свете, что я сам порой диву даюсь.

Зачем, по какому задуманному в небесах сценарию, произошла эта встреча на маленькой железнодорожной станции большого Трансиба? В чём её суть и смысл? Ведь если бы я не встретил Татьяну, я бы думал о ней, как о своей первой любви. О том, что потерял её, по своей глупости, корил бы себя и жалел. Жалел бы себя и её и не состоявшуюся нашу любовь и то, что мы не вместе. А теперь...

А что теперь? Воспоминания всё равно останутся. И эта взрослая респектабельная, но способная на безумие женщина именем Татьяна, совсем не та девочка, что была моей много лет назад. Та осталась там, в середине семидесятых годов XX века. И юноша именем Серёжа – романтик и мечтатель то же в том времени. Они не принадлежат нам и их чистые души порхают и учащённо бьются сердца, когда они думают друг о друге и о предстоящем новом дне, когда снова сможет увидеть Сергей Таню, а Таня Серёжу. Там наши добрые мамы, скромный, приветливый дядя Вася, там наш город, наши маленькие дворы. Там навсегда остались и живут наши детство и юность. Там встретились Серёжа и Таня.

А всё что будет потом не важно.

19 октября 2004.

Москва.

ЧЕТВЁРТАЯ ВСТРЕЧА

Вечером шестого он звонит ей после девяти. В десять она заканчивает свои дела в салоне, и они договариваются встретиться через час на станции метро.

— Где тебе удобнее? На Калужской или на Проспекте Вернадского? — спрашивает она.

— Всё равно, — отвечает он, а она решает, что лучше на Калужской.

Надев тёмно-синий пуловер на выстиранную вчера рубашку, освежив лицо тройным одеколоном и положив в сумку бутылку красного вина, он выбегает в мартовскую темень. Бежит вдоль плохо освещённой улицы имени грузинского поэта Шота Руставели. Скользко, ветрено и совсем не чувствуется, что зима закончилась. В прошлом году в это время по столице уже во всю гуляла весна, а нынче где-то задерживается. Зябнут руки, и он на ходу надевает перчатки, поправляет на плече ремешок сумки, посильнее натягивает на лоб фуражку. В принципе бежать ему не так далеко: до метро три троллейбусных остановки. Для бывшего спортсмена и репортёра, привыкшего к сибирскому размаху это не расстояние. Вот уже и станция. Успешно миновав турникет и дежурного милиционера, он сбегает вниз по движущемуся эскалатору, и с ходу успевает юркнуть в вагон, прежде чем за спиной закрывается автоматическая дверь электропоезда. Поехал. На Менделеевской переход на Новослободскую, дальше по Кольцевой: можно до Проспекта Мира или до Октябрьской. Он едет до Октябрьской. Там снова переход, новая линия, новая электричка, расстояние в пять станций — и только тогда он на месте свидания.

В одном из переходов несколько женщин продают цветы: розы, тюльпанчики, мимозы. Он покупает мимозы. Жёлтенькие, весенние цветы, с кружащим голову запахом. Как раз, что надо. Небольшой недорогой букетик. Конечно, приличия ради, можно купить в подарок какую-нибудь безделушку: всё-таки

канун 8-го марта. На женский праздник, международный в мировом масштабе, государственный и повальнонародный для Державы, принято что-нибудь дарить женщинам.

“Ладно, — успокаивает он себя, — и так уже далеко зашёл, пора остановиться. Она и без цветов меня встретит и хорошо приветит”.

Последний отрезок пути кажется непосильнодолгим, и он, то и дело, поглядывает на часы, понимая, что за час не укладывается. “Ничего подождёт”, — думает он, не сомневаясь, что так и будет, хотя неловкость за опоздание на свидание к женщине всё же тяготит. Наконец Калужская. Он хочет быть спокойным, но не получается. Нетерпеливо вглядывается в мелькающие лица, стоящих на платформе людей. По времени она должна уже быть. Он специально сел в первый вагон, чтобы проехать от начала до конца платформы. Её не видно. Может, сменила наряд? Решила удивить его? Вполне возможно, хотя навряд ли... Зачем? Его уже давно мало что удивляет. Ей тоже нет смысла сегодня производить на него впечатление. Это в салоне ей надо быть привлекательной, а он и так знает, что она хороша. В любой одежде и даже без неё. Красивые стройные ножки, изящная фигурка, чуть смугловатые щёчки, тоненькие губки, серо-зелёно-грустные глаза. По глазам тогда он и выбрал её. Хотя и по фигурке тоже, и по росту. Но, глаза решили всё. С красивой фигуркой, в его вкусе, там были ещё две-три девчушки, с подходящим ростом пяток, но таких глаз, такого взгляда не было ни у кого. Взглянув ей в глаза с расстояния двух метров, он увидел...

На условленном месте он её не видит.

“Ничего, подожду, — успокаивает он себя, — Наверное, застряла в переходах метро”. Но червячок сомнения уже шевелится, выползает из глубин души и медленно, просверливая сердце, ползёт к сознанию. “А может специально не торопится: хочет, что бы я хоть немного понервничал. Нет! Это на неё не похоже... И, что мне нервничать? Кто она мне? Не расстроюсь, если совсем не придёт. А чтобы не пропал вечер поеду на Коло-

менскую, к двум надёжным подругам, всегда готовым принять одинокого, исстрадавшегося без любви мужчину...”

Он уже нескрываемо нервно смотрит на часы. Они должны были встретиться полчаса назад. Но её нет, а он опоздал минут на двадцать. А что если она уже была здесь? Подождала с четверть часа и ушла, как раз перед его приходом? Решила, что у него поменялись планы. Левая рука его по привычке тянется к мобильному телефону. Может позвонить или послать сообщение? Указательный палец правой руки набирает привычные цифры. Но... Мощности его “Моторолы” не хватает, чтобы держать связь с внешним миром из подземелья. Остаётся ждать, прогуливаться по вестибюлю станции и всматриваться в лица девушек спешащих к эскалатору из прибывающих уже не так часто электропоездов.

На часах 23.40.

“Жду десять минут, и уйду, — говорит он себе решительно, но тут же даёт отступного, — А может подняться наверх и всё-таки позвонить? Нет, нет! Это уже не в какие рамки... Уйду в 23.50. Или на пять минут позже. Это уже не важно. Через час в метро никого не останется, поезда перестанут ходить уже минут через сорок...”

Он начинает жалеть, что потратился на мимозы, что таскается с ними, как провинциальный лох. “Хорошо, хоть догадался взять с собой пакет — есть куда убрать букет. Со стороны не сразу понятно, что там, в лёгкой сумочке”.

В 23.47 он решается в очередной раз пройти туда и обратно, а потом уехать. Хватит ждать.

Сделав два шага от центра в левом направлении, он вдруг останавливается и, неожиданно для самого себя, развернувшись, решительно направляется к подошедшей электричке.

— Привет! Давно ждёшь?

Она появляется неожиданно. Который уже раз для него неожиданно. Как будто, специально где-то стояла и ждала — «до последнего»: когда он потеряет терпение, и только заметив, что он действительно уходит, вышла из укрытия. Но ведь он

хорошо видел эту небольшую группу людей идущих от правого спуска в метро, а вот, что среди них была она, не разглядел. Почему он не узнал её?

Да это она. Галя. Галина. Галочка. Через месяц ей будет двадцать четыре. Сегодня она, как и в прошлый раз: в чёрной кожаной курточке, вязаной шапочке, джинсах. “Почему не заметил?”

— Привет... — отвечает он, после небольшой паузы. — Да, нет, жду не долго, минут десять, а может семь...

Растерянность скрыть не удаётся, но она будто не замечает его смущения.

— Я была здесь полчаса назад... — говорит она спокойно. — Тебя не было... Подождала немного, поняла, что задерживаешься, решила домой ненадолго съездить, подготовить кое-что к встрече. Знала, что поймёшь, подождёшь и не обидишься.

— А что мне обижаться...

— Вот и я так думаю,... Ты ведь у меня хороший...

Они поднимаются по эскалатору вверх, он пробует улыбаться.

Он у неё...

Вот как уже. Всё просто.

А она у него...

Ещё три месяца назад они не знали друг о друге, а теперь...

А что собственно теперь?..

“А что теперь-то будет, Алёшенька? — спрашивает она. Он молчит. Она встаёт с постели, надевает сначала юбку, потом блузку, садится за стол у окна. Руки её быстро заплетают волосы в косу.

— Три месяца уже как я голову с тобой потеряла. Встречаемся тихонько... Думаешь, никто не замечает. Зажжённую свечу не спрячешь — огонёк далеко видно. И про нас тоже догадываются, только молчат пока. Года ведь не прошло, как я мужа схоронила, а как забрюхатю, что тогда? Срам, какой...

С мужем не родила, а тут от работника своего принесла... Не венчанная..."

Завязав ленточку бантиком на кончике косы, она закрывает лицо платком. Он не поймёт: плачет она или нет.

“А какой срам? – говорит он, тоже поднявшись и застёгивая ворот рубашки, — Никакого срама нет. Уйдём в Суетику жить. Там у отца с матерью домик есть... Там дорогу строить будут, говорят каку-то железную, по которой паровая машина ходит. Я на стройку пойду... И повенчаемся... Нам можно: ты вдова, я не был женатый...”

“А родня? Моя? Его? Разве они дадут? Разве можно без благословения? – она открывает лицо, в глазах слёзы, — И зачем я тебя тогда не прогнала? Зачем поддалась? Стыд потеряла...”

Он хочет найти хорошие слова, сказать ей, хочет ободрить, успокоить, но, глядя на её крепкую фигуру, налитую под блузкой грудь, тугую толстую косу, сползшую по плечу на грудь и колышущуюся в такт её частому дыханию, не находит что сказать. Нет, он никому не отдаст её. Она его. Она должна быть его.

Он решил так, когда увидел её в первый раз. Увидел молодую жену богатого человека, к которому пришёл наниматься на работу и понял, что больше не может без неё. И она смотрела на него, не так, как на остальных лесорубов, живших у них во дворе, ночующих и харчевавшихся во флигеле. Однажды, встретившись наедине, они заговорили друг с другом просто, без смущения, о каких-то пустяках и почувствовали взаимную симпатию. Потом они встречались ещё несколько раз, когда он уже с бригадой жил в лесу, на деляне. Встречались вроде случайно, кивали и улыбались друг другу. Потом появились причины. Он стал вести учёт заготовленного леса и не один раз приходил в дом, отчитываться перед хозяином.

Потом...

Потом его хозяин и её муж погиб. Случилось это на спиле. Хозяин приехал к заготовщикам: ходил возле стеллажей готового леса, осматривал новую деляну, и, зачем-то один без при-

казчика, пошёл смотреть: как пилят лес и угодил под падающую сосну. Приехавший из города следователь допросил всех работников, но виновных не нашёл. Определил происшествие несчастным случаем. После похорон хозяина, бригада лесозаготовителей, получила расчёт и разошлась: кто домой, кто искать другую работу, а он остался. Остался по её просьбе – помочь ей по учёту. Жил некоторое время во флигеле, а после, по её совету, перебрался в домик на лесоучастке. Она приезжала несколько раз туда с подводами, за лесом и он помогал ей заниматься сбытом. Однажды скорее нечаянно, чем нарочно он коснулся её талии и не смог удержать руку. Она не отстранила его от себя и не отвернулась от поцелуя.

Он встаёт, подходит к ней, берёт за руку, горячую, гладкую, нежную и смотрит в глаза. Даже через слёзы, он видит искристый свет её души. За эти глаза он отдаст всё на свете, только не её. Ни эти светлые глаза. Ни эту горячую согревающую его жизнь руку, ни эту косу волос, пахнущих свежим хлебом, ни жаркое её дыхание, ни вкус её поцелуя. Никого ему больше не надо. Ни отца с матерью, ни сестёр. Только её. Он, торопясь, целует ей руки, щёки, глаза... Нет ничего слаще горьковатых её слезинок.

Он не хочет, чтобы свидание их заканчивалось, не хочет, чтобы утро переросло в день, не хочет, чтобы их встреча сменилась разлукой. Он не хочет, чтобы она уходила. Она тоже не хочет уходить. То он, то она с тревогой поглядывают на висевшие над кроватью ходики, стрелки которых не двигаются как обычно, а бегут.

“Что будет? Что с нами будет?...” – шепчет она, отвечая ему, горячим дыханием своих губ.

“Всё будет хорошо, всё будет, Наденька, хорошо... Всё у нас будет...” – говорит он тихо.

“А что здесь будет, девушка?” – спрашивает он, небольшого роста, симпатичную девчущку, с вьющимися из-под пилотки до плеч волосами, отмечая про себя, как идёт ей, военная

форма: гимнастёрка, юбочка, даже кирзовые сапоги хочется назвать сапожками.

“Военная тайна”, — отвечает она, улыбнувшись.

Он видит её впервые. Она стоит у дороги, а за её спиной суета: девчонки в военной форме под командованием мужчин-офицеров разгружают с полуторок вещмешки, ящики, брезентовые свёртки, ставят палатки. Она смотрит на него, опирающегося на самодельную трость – обыкновенную берёзовую палку, с перевязанной правой, без сапога, ногой, простоволового, но побритого и с медалью “За отвагу” на гимнастёрке. Их взгляды встречаются, пересекаются, и время останавливается. Ничего нет в мире сейчас, ничего не было до этой встречи, ничего не будет потом. Есть только два мгновения, два человека, два взгляда. Две души истомившиеся в долгом поиске друг друга по Вселенной, наконец, встретившиеся и замеревшие от ожидаемой, но нечаянной встречи.

Он смотрит ей в глаза с расстояния в полтора шага: искристые, живые, весёлые. Вглядывается в них с наслаждением, проваливается в их глубину и видит там, глубоко, Великую, и не понятно почему, знакомую ему, Вечную печаль. Его сердце бьётся: быстрее, быстрее, быстрее... Лицо покрывается красными пятнами, дыхание прерывается.

Она...

Она.

Она!

Кричит душа его, стучится настойчиво в сердце: сильнее, сильнее, сильнее... Рвётся из тесной грудной клетки...

“ОНА! ОНА-А-А!!!”

Он смущённо, перекладывает трость в левую руку, а рукой правой потирает медаль.

“А мы с вами раньше не встречались?” – произносит он, глотая слюну, банальнейшие слова.

Она продолжает смотреть в его глаза, глаза ещё минуту назад незнакомого человека, светло-зеленые, с тёмными точечками запекшейся крови на зрачке, и видит давно знакомый свет. Он невидимый для других лучится в его взгляде и в нём

тонет яркий солнечный день, дорога, поляна, деревья, люди, нежный, тёплый свет, освещающий и освящающий их. Время останавливается, и она понимает: ради этой встречи.

Она хочет глотнуть воздуха, но не может, боится спугнуть остановленное мгновение.

“Не думаю... — тихо произносит она, после длившейся тысячу лет паузы, и время, отдохнув, снова начинает свой ход, постепенно увеличивая разбег, сжимая тысячелетие до прожитого мига, — Я из Рязанской области...”

“А я сибиряк... Правда, мои предки из-под Калуги вышли: дед Транссибирскую магистраль строил и семью в Сибирь привёз, — справившись с волнением, говорит он, — Жаль, что не встречались... Вы так на одну девушку похожи...”

“Невесту вашу?” — спрашивает она, сама, удивляясь своей смелости и заданному вопросу.

“Да нет. Невесты у меня пока никакой нет, — говорит он, смутившись, словно извиняясь, — Девушка одна мне часто во сне снится... Вы на неё похожи”.

“Может это я и есть? Та девушка, что вам снилась!” — она смеётся, громко, легко, естественно и снова удивляется самой себе, что ведёт себя так с незнакомым вроде бы ей человеком. Но ей так приятно быть с ним. Ей хочется быть с ним. И даже не важно как его зовут. “Наверное, Сергей”, — думает она.

“Меня зовут Сергей,— говорит он, — А вас?” Ему хочется, чтобы её звали Лена. Так, как его младшую сестру.

“Лена”, — говорит она.

Он готов, к тому, что она назовёт это имя, но всё равно вздрагивает, когда она произносит ожидаемое им слово. “Лена. Ле-на...”, — повторяет он про себя. Ему хочется, чтобы время снова остановило свой ход. Чтобы замерла минута их знакомства и растянулась до размеров Вечности. Чтобы исчезло всё, кроме неё. И война, и суета, и люди... Нет, люди могут остаться. Они им не мешают. Ему хочется, чтобы она стояла вот так перед ним долго-долго, всегда, а он говорил бы и говорил... Не важно что. Слова не важны. Важно то, что они встретились. И время, внимая его мольбе, вновь замедляет ход. На этот раз

лишь слегка, остановившись. Только на столетие замирают на лету птицы, оставаясь висеть в небе, ветер стихает, спрятавшись в листве деревьев, травы, вытянувшись в полный рост, стоят не шелохнувшись, замолкает мотор у машины-полупортки, появившейся из-за поворота, обрываются голоса людей, и люди останавливают движения на целых сто лет... Но он не замечает промчавшегося подаренного им столетия, и невидимое и всесильное время, встрепенув планету, снова входит в привычное русло.

Она вздрагивает, когда он произносит своё имя, тревога и сомнение, что его зовут как-то по-другому, уходят и тёплая волна накрывает сердце, вызывая добрую улыбку. Скрыв тревогу улыбкой, она в ответ называет своё имя. Ей хочется, чтобы он вот так смотрел на неё, бесконечно долго, здесь на этой зелёной солнечной полянке, у лесной дороги, а эта минута их знакомства всё длилась, длилась и длилась. Ей мало столетия и тысячелетия. Она не хочет с ним расставаться, не хочет уходить. “Зачем уходить? – спрашивает она себя, — Куда?” И сама же отвечает: “На войну, разгружать машину, ставить палатку, ухаживать за ранеными. Война идёт”. Она чувствует, что ещё минута — и они расстанутся, что сейчас её окликнут, позовут, и она уйдёт, а он не сможет её удержать.

“Я не должен расставаться с Леной, — думает он, — Не должен и не расстанусь. Пусть война, пусть. Она ведь кончится... Мы должны быть вместе. Везде. Всегда... Только бы она не уходила!”

“Лена! – кричат ей девчонки, из кузова только что подъехавшей автомашины, — Иди ящики разгружать. Ну, нельзя человека оставить ни на минуту. Оставили её вещи охранять, а она себе на посту жениха нашла”. Дружный девичий хохот возвращает их из Вечности в реальность проходящей жизни.

“Мне надо идти, мы тут летний госпиталь размещаем. Раненых много с передовой поступает”, – говорит она.

“Мы ещё увидимся, — кивает он, понимая, что ей действительно надо идти, — А наш госпиталь вот, рядом. Я буду приходить...”

“До встречи”, — говорит она, и, повернувшись, идёт к машине.

“Я с нетерпением буду ждать встречи...”, — думает он.

— А я с нетерпением ждал нашей встречи, — говорит он, когда они выходят из метро и направляются к остановке маршрутного такси.

Она молчит. При неярком свете фонарей, ему не видно её реакции, но он уверен, что произнесённые им слова ей по душе, хотя могла бы что-то и сказать...

— А ты скучала? Или на работе не до того? — спрашивает он, понимая, что нервозность скрыть не удаётся.

— Ты можешь мне не верить, но я скучала, — говорит она не останавливаясь. — Более того, несколько раз открывала твою книгу, перечитывала понравившиеся места. Вчера так увлеклась в метро, что не заметила: как у меня кошелек вытащили.

— Да-а... Действительно, увлеклась... Придётся с гонора возместить убыток, — реагирует на её слова он, томясь в догадке: шутит она или говорит правду?

В маршрутке полно народу, но два места для них есть.

— Сойдём возле супермаркета, — говорит она, — Надо что-нибудь взять перекусить. Ночь длинная... А у тебя в пакете и сумке, как я понимаю, не еда.

— Вино и мимозы, — его голос звучит неуверенно, — Хотел тебе там, в метро ещё цветочки вручить, но потом подумал...

— Правильно подумал: дома подаришь, — обрывает она его, — У меня тут на каждом углу полно знакомых, могут это истолковать не так как надо.

Они выходят, не доезжая одной остановки до её дома. Она заходит в супермаркет, оставляя его на крыльце. Возвращается минут через пятнадцать.

— Взяла колбасы и белого хлеба. Будем пить вино, закусывать бутербродами и смотреть на мимозы.

Похоже, ей нравится оставлять его в самых различных местах, а самой уходить ненадолго, по каким-то срочным делам. За их короткое знакомство, она несколько раз делала так. В первый раз, это случилось, когда они пришли к ней на квартиру, второй у подруги, третий возле Третьяковки...

Они переходят улицу у светофора и направляются к кирпичной пятиэтажке под номером двадцать два. Первый подъезд её. Он замедляет шаг и отстаёт. Она решительно подходит к двери, набирает код на цифровом щитке, открывает дверь и заходит. Он ждёт десять минут, успевая за это время прогуляться за угол дома и обратно. Смотрит на часы, затем по сторонам и, убедившись, что во дворе никого, идёт в подъезд. Дверь её квартиры на третьем этаже приоткрыта.

— Ну, здравствуйте, этому дому, — говорит он тихо, переступив порог.

“Здравствуйте, этому дому”, — говорит она, переступая порог его родительского крова, небольшой избушки, с низким потолком.

“Здравствуйте”, — отвечает отец, плотный, среднего роста с сединой в бороде пятидесятилетний мужик, приподнимаясь из-за стола и теребя пуговицу косоворотки.

“Здравствуйте, — тихо вторит ему мать, ещё не утратившая красоты женщина, в светлой кофте и повязанном цветом платке, — Проходите”.

“А сёстры где?” — спрашивает он.

“На заимке, у тётки Валентины. Сенокос сейчас в разгаре”, — говорит отец, снова садясь за стол. Мать присаживается рядом.

Он подаёт ей руку, ведёт к столу. Они садятся напротив родителей.

“Вот, невестку вам привёл, — говорит он, глядя на отца и мать, — Надеждой зовут”.

“Знаем, сынок. Слух впереди тебя идёт, — говорит отец спокойно, — Знаем, что увёл ты вдову из дому, где работником

у её мужа был. Без благословенья и разрешения её родителей. Теперь братья её ищут тебя, — отец кивает в сторону Надежды, — объявили вором. Говорят, что силой её взял, силком увёл. Грозятся тебя в тюрьму посадить. К нам позавчера урядник приходил, спрашивал, когда ты объявишься. А как придёшь так, чтобы к нему ехал, не то тебя под арест возьмут и силком увезут, с охраной, в каталажку”.

Она вздрагивает, он снова берёт её за руку.

“Наговор это! Как силком, когда вместе мы собрались и ушли? Что им надо? Что им за дело до неё? Она сама теперь знает, как ей жить! Вдова уже – не девка. Самостоятельная!” — возмущается он, крепче сжимая её руку.

“Ой, Алёша! Говорила же я не надо нам торопиться!” — вырывается у неё.

“Как не торопиться! Ждать когда брюхо расти будет?” — говорит он, оправдывая их побег из села.

“Господи! Грех, какой! Грех!” — мать поднимается из-за стола, прижав ладони к груди.

“Успокойтесь, хоть вы, мама! — говорит он и тоже встаёт, — Мы в городе были, с попом разговаривали. На следующей неделе повенчаемся. Всё будет по закону. И благословения попросим и у вас, и к её родным поедем”.

“А что сразу-то не пошли к её родителям?” — спрашивает отец. Он один невозмутимо сидит, сложив руки на стол.

“Хотели, чтобы они смирились сначала...”

“Как бы хуже не было, — говорит отец, поднимаясь, — Ладно, мать, хватит причитать. Подавай на стол. Что уж теперь? Что будет, то будет... Теперь не наша воля...”

“Что будет, Серёжа, то и будет. Будет как судьбе угодно. Пока война идёт, не наша воля”, — говорит она, прижавшись к нему, легонько теребя его за чуб.

Они стоят у окна, в палате госпиталя: бывшем коридоре, где рядами несколько кроватей с тяжелоранеными. Она в белом халате, он в гимнастёрке

“Я думаю, что судьбе угодно, чтобы мы были вместе. Ведь не зря же встретились...” – говорит он.

“Нас собираются отправить дальше в тыл. И вас, я слышала, тоже. Говорят, что немцы готовят прорыв. У нас объявили повышенную боеготовность. В любую минуту могут дать приказ. Вот я, тут написала адрес моих родителей. На всякий случай, если разлучимся. Напиши, они сообщат, где я, — она подаёт ему сложенный в четверо тетрадный листок, — И ты напиши мне свой адрес”.

Он расстёгивает карман гимнастёрки и достаёт конверт.

“Вот, это письмо от матери, я письмо возьму, а на конверте адрес”.

Она торопливо прячет конверт в карман своей гимнастёрки.

“Ты торопишься?” – спрашивает он.

“Нет, не очень, У нас пока ещё есть время...”

— У нас есть время: уйма времени! Целая ночь! – восклицает она, — Ты пока выпей чаю, прими ванную, а я к соседке забегу на минутку.

— Ну, это уже не серьёзно, Галя, — говорит он, чуть раздражённо, — Снова какие-то уходы-приходы. Каждый раз. Давай сегодня без этого.

— Не получится, Андрюшенька, милый. Мне надо. Не скучай... Чайник где, знаешь, ванная тоже.

Он, сняв в прихожей куртку и фуражку, покорно идёт на кухню. Слышно, как за ней закрывается дверь, защелкивается замок. Знакомый стол, стулья, чайник, электропечь. Вот и фотоальбом. Раз уже пять-семь им перелистанный и пересмотренный. Там она на фото, начиная с полуторагодовалого возраста, детских яслей и заканчивая недавно сделанной фотографией. Эффектная причёска, голливудская улыбка, неприкрытая грудь. На многих фото стоит дата и указан возраст. “Галя первоклассница. 7 лет”, “Галя в пятом классе. 11 лет”, “Галя перешла в десятый класс. 16 лет”. Он смотрит на даты и думает,

что по сравнению с датами его школьных лет, её были, чуть ли не вчера. Она родилась через год после того, как он отслужил в армии. Её отец всего на два года старше его. “А мать, наверное, младше” – думает он, глядя на фото крашенной молодой блондинки.

Вот также три месяца назад Галина впервые привела его сюда и оставила одного.

...Декабрьская хандра повела его от литературного института на Тверскую, а оттуда к Триумфальной площади. Второй год учёбы на Высших литературных курсах подходил к середине, до наступления Нового выпускного года оставалось десять дней. Припорошенный снегом поэт Маяковский стоял на постаменте. Стоял также как и сорок лет назад, когда у памятника собирались и читали свои стихи молодые полные амбиций люди, и сотни их поклонников восторженно приветствовали каждое сказанное ими слово, а с крыш окружающих высотных домов плакатные надписи беззвучно, но зримо славили народ и партию. Четыре десятка лет спустя поэта окружали те же высотки, но теперь их крыши латинскими буквами призывали покупать товары зарубежных фирм.

Сорокапятилетний слушатель литературных курсов с писательским билетом в кармане, написавший уже не мало, но известный пока небольшому кругу читателей, и имеющий с десяток поклонников своего таланта, шёл и думал о том, что его земляк Валентин Распутин, в его годы, уже миновал пик литературной славы, но зато другой писатель-сибиряк Виктор Астафьев, до зенита в его возрасте ещё не доходил. Кружил лёгкий мелкий снежок, куда-то спешили люди, торопились машины, а он стоял у памятника и думал о судьбе поэтов двадцатых годов, увы, уже оставшегося в прошлом двадцатого века, думал о громких стихах шестидесятников и тихой лирике Николая Рубцова, чью книгу стихов «Подорожники» он юношей купил в газетном киоске родного сибирского городка в середине семидесятых. Купил, прочёл и сделал открытие: после Есенина на Руси тоже были хорошие поэты. Потом ему вспомнились

Достоевский и Бунин, затем Маркес и статья Астафьева в одной красноярской газете: «Маркес, не умирай!». Большой Маркес пока не умер, а вот Виктор Петрович три года как почил. Он вспомнил холодный день декабря в начале нового тысячелетия, сплошной туман над незамерзающим в сорокаградусный мороз Енисеем и большую очередь людей, тянувшуюся от городской администрации вниз по каменной лестнице к краеведческому музею, где стоял гроб русского писателя-патриарха. Ему повезло: долго мёрзнуть не пришлось, он спустился вниз по лестнице, пристроился к группе репортеров и быстро оказался в здании музея. Народ шёл медленно, как в мавзолее, входя в одну дверь и выходя в другую. В колонне он прошёл на приличном расстоянии от гроба, но лицо человека ему хорошо знакомого было видно отчётливо. Он видел вблизи его не единожды, но не был лично знаком. Он знал многих начинающих литераторов, которые отправляли свои рукописи Астафьеву по почте или, набравшись смелости, отдавали в руки при мимолётной встрече. И Виктор Петрович добросовестно читал каждую из них и многим отвечал письменно, некоторых даже приглашал к себе на чай в деревенский дом или городскую квартиру. Он не решился беспокоить классика, не смотря на то, что некоторые известные люди, ценившие его литературные опыты, советовали непременно показать Петровичу рассказы. Может, он зря пренебрёг их советом? Проститься с Астафьевым приехал тогда и губернатор края Александр Лебедь. С генералом он общался несколько раз, вёл спортивную страницу и публиковал рассказы в его газете «Честь и Родина», несколько раз мог обратиться к нему с просьбами личного характера, как это делали некоторые другие журналисты, но не обратился. Прошло совсем немного времени после похорон Виктора Петровича, и солнечным весенним деньком город на Енисее прощался уже с Александром Ивановичем. В упавшем губернаторском вертолёте тогда погибли шесть человек, и снова по городу на несколько сот метров тянулась траурная очередь, теперь уже к Большому концертному залу краевой филармонии ...

Он стоял у памятника ушедшего молодым поэта и думал о Судьбе и Вечности. Над Москвой уже смеркалось, снежок осторожно, но плотно ложился на площадь, улицы, дома, на одежду. Он вздохнул глубоко и, как это часто делал, тяжело выдохнул, морозный воздух тут же превратился в лёгкую дымку и закружил клубком у лица.

— Вы помните какие-нибудь его стихи? — неожиданно спросила стоявшая рядом молодая дама, и взлетевшие в небеса его мысли вернулись на землю.

Он не сразу понял, что вопрос задан ему. Девушка была в спортивной куртке, джинсах, вязанной белой шапочке. Кудряшки тёмных длинных волос её касались плеч, а мелкие снежинки на них были похожи на жемчуг. Она не смотрела на него: лицо её было обращено к памятнику, но вопрос к нему.

— «Светить! И не каких гвоздей! Вот лозунг мой и солнца!» — Произнёс, он негромко, но с пафосом пришедшие в его голову слова поэта, думая о том, что не обратил внимания: стояла ли эта дамочка у памятника до него или подошла позже.

Девушка повернулась к нему.

— «Крошка сын к отцу пришёл.

И спросила кроха:

«Что такое «хорошо» и что такое «плохо»? — процитировала она строки из другого стихотворения Владимира Владимировича, — Я почему-то только это со школы запомнила. А ещё видела на одном медицинском плакате: «Фрукты и овощи перед едой — мойте горячей водой!». Под этим тоже подпись «В. Маяковский» была.

Девушка засмеялась, потом спросила:

— А вы, наверное, поэт?

— Не знаю, к сожалению ли, к счастью ли, но я уже давненько слова в рифму не складываю, — сказал он честно, тут же пожалел, подумав, что может показаться не интересным незнакомке и быстро добавил: — Занят другим, не прибыльным сегодня делом: пишу бытовую прозу.

С минуту они молчали, разглядывая друг друга. Он силится понять: имеет ли эта дамочка отношение к литературе, и почему она заговорила с ним.

Незнакомка тут же дала ответ:

— Я тоже в восьмом классе стихи сочиняла, в тетрадку записывала, а потом поняла: ерунда получается, бросила. А сегодня иду по Тверской от Белорусского вокзала, тоскливо на душе, вдруг, вас увидела и почему-то подумала: вот поэт стоит...

— Ну, не совсем поэт... — смутился он.

— А что такое бытовая проза? — спросила она, заметив, видимо его смущение.

— Бытовуха... Чаще это про жизнь человека обыкновенного. Не олигарха, не сыщика, не героя-любовника. Погони, стрельба, и убийства там редко случаются... — начал объяснять он, чувствуя возрастающую к ней симпатию.

— А я Шукшина люблю читать. Рассказы у него прикольные. И в кино он хорошо играл, — сказала девушка.

Они снова помолчали. Он прикидывал: стоит ли её пригласить в какое-нибудь недорогое кафе или попрощаться, сославшись на занятость.

Но девушка, не дав ему времени на долгое обдумывание, неожиданно предложила:

— А давайте прогуляемся немного по Большой Садовой.

— Давайте, — согласился он.

Они шли неспешно по правой стороне улицы, говорили о чём-то незначительном, он отвечал рассеянно, больше спрашивая себя: надо ли продолжать общение. За длительные расставания с ожидающей его в Сибири супругой у него было несколько предпосылок завести любовные романы, но он не делал этого. В былые годы легко влюбчивый, он избегал теперь близких длительных знакомств, тем более с дамами из числа поэтесс, критикесс и пишущих прозу, по опыту зная, что они, как правило, хозяйки никудышные, а как бабы просто вздорные, способные уморить до смерти любого мужика. Довольно насмотревшись в жизни, он теперь полагал, что женщина, преданней и лучше, чем его проверенная временем жёнка, привыкшая ко всем его выходкам, ему вряд ли встретится. Да и откровенно говоря, уже не хотел, чтобы встретилась, поэтому

ограничивался кратким общением с дамами, не претендующими на вечную любовь и больше ценящими в мужчинах способность произвести сиюминутную оплату за развитие интереса к ним. Интерес к дамам не мучающих себя вопросами нравственности у него был ещё и по творческой линии. Года два назад он закончил написание цикла историй из жизни людей прочно связанных с употреблением крепких спиртосодержащих напитков. Несколько лет до этого, изучая вопрос: «Пить или не пить?», он так глубоко влез в тему, что не единожды терял ориентиры: не редко начиная питие с первым встречным и, бывало, обнаруживал сам себя среди ночи то в кочегарках, то в сторожках на стройке, то на совхозных мехтоках, то в квартирах малознакомых ему людей. В конце концов, практическое раскрытие алкогольной темы закончилось для него серьёзным подрывом здоровья и борьбой за продолжение жизни в реанимационном блоке краевого наркологического диспансера. Написав книжку про пьяниц и пьянство, он взялся за изучение более тонкого, по его мнению, вопроса: близкого отношения мужчины и женщины посредством денежных знаков. И если характер пьянства он исследовал в большей степени по глубинкам, то проникновение в новую тему, получило неожиданное продолжение на столичном уровне. В Москве недостатка в интересующих его дамочках не было. И если бы в его карманах постоянно находилась подходящая сумма денег, то душевные разговоры в сочетании с практическими занятиями могли происходить каждый день и даже по несколько раз на дню в любом районе столицы. Но нужная сумма у слушателя высших литературных курсов водились не часто, а потому исповеди девушек по вызову или работающих в специальных салонах он слушал время от времени. Почти ежедневно гуляя по улицам стольного города, он сделал неожиданное открытие.

Как в былые времена, изучая тему пьянства, иногда сам того не желая, он почему-то часто оказывался в местах бойкой продажи пива, вина и водки и быстро попадал в поле зрения любителей выпить, так и теперь, по какому-то, только ведомому им определению, дамы ищущие заработка и удовольствия,

всё чаще угадывали в нём интересного для них мужчину. Да и он за полтора года прожитые в столице почти безошибочно научился определять склонных на любовь за деньги дамочек возрастом от семнадцати до тридцати, в какие бы они одежды не одевались и как высокомерно, на первый взгляд, себя не вели. И, теперь прогуливаясь по Большой Садовой, он подумал, что может быть...

Догадка стала разгадкой через несколько шагов. Не прошло и половины часа с начала общения с незнакомой дамой, как она, не спросив его имени и не называя своего, на подходе к Садово-Кудринской, спросила:

— А вы не хотели бы пообщаться с молодой приятной девушкой в более близких условиях?

Он не удивился — не ошибся и в этот раз, и, не замедляя шага, задал встречный вопрос:

— Какая сумма нужна для этого?

— Пустяки,— негромко засмеялась она, — Символическая. Специально для вас — тысяча двести.

Он вздохнул, и по привычке сделав глубокий выдох, сквозь вьющийся у лица морозный воздух, произнёс:

— Я согласен. Куда пойдём?

— Тут не далеко салон, — дамочка показала за угол, — Вы постойте возле магазина спорттоваров, минут через десять к вам подойдут.

— Хорошо, — он остановился под вывеской магазина, — Тут?

— Да, — сказала она, — Как ваше имя?

— Андрей.

— Хорошо, Андрей. Подождите недолго.

Дамочка, махнув ручкой в перчаточке, нырнула за угол, а он остался ждать кого-то того, кто приведёт его в салон, как было обещано, к молодой и интересной, и он оставит там тысяча двести рублей. Конечно, же, он, взрослый мужчина не мог не думать о том: надо ли ему это? Что такого необычного и непривычного для него он сможет увидеть в салоне? Какие новые ощущения сможет пережить там с дамочкой, которая

думает о нём лишь как об источнике заработка и ждёт — не дождётся, когда выйдет определённое время? Поверхностные поцелуйчики, отточено-стандартные движения, разыгрывающей чувства красавицы на час ставшей твоей, могут взволновать разве, что юнца или доставить короткую радость уже давно потерявшему силы старикашке. Близкое общение за деньги в течение определенного времени, что спринтерский забег за собственный счёт зрелого спортсмена-любителя в компании чемпионов. Чувствуешь себя в роли статиста — победа тебе не светит, а затрат физических, моральных, материальных не мало. Он заранее простился с названной суммой, прикидывая: в какой области жизнедеятельности нужно будет опять ограничить себя на ближайшее время. Ничего хорошего это не сулило. В пору было плюнуть и уйти. Но он не уходил. «Раз судьба привела сегодня сюда и поставила у крыльца магазина спортоваров, кого-то ждать и что-то ожидать, то это неизбежно», — полагал он.

А сумерки уже сгустились над зимней столицей. По Садовому кольцу мчались автомобили с зажжёнными фарами, на другой стороне улицы за садом «Аквариум» светились огни над театром сатиры и концертным залом филармонии, а снежок продолжал кружить в свете электрических фонарей и падал и падал под ноги.

Как и сказала дамочка за ним пришли через десять минут. Высокий парень в спортивной куртке, без головного убора, вышел из того же переулка, куда свернула дамочка.

— Вы Андрей? — спросил парень и в ответ на его кивок, предложил: — Пошли?

Они свернули в переулок, перешли на другую сторону, вошли под арку, оказавшись во дворе высотного дома, подошли к первому подъезду. Парень набрал код, открыл дверь. Высоко подниматься по старой лестнице в обшарпанном подъезде не пришлось. Они остановились на втором этаже, парень ключом открыл дверь квартиры. Симпатичная высокая женщина, лет примерно тридцати, с улыбкой во всё лицо, в мини-юбке встречала у порога. Широкая прихожая, мягкая тёмно-синяя

дорожка под ногами, яркий свет над головой. Всё, как и в других подобных заведениях. Из комнаты на кухню пробежали две девушки в купальниках, улыбнувшись зашедшему на их огонёк новому клиенту.

— Проходите, проходите! У нас можно чувствовать себя, как дома, — высокая мадам пригласила его в небольшую, уютную комнату.

Широкая кровать, объёмные подушки, яркое цветное покрывало. В углу у кресла торшер с мягким, приглушенным светом лампочек. На тумбочке музыкальный центр с бегущими по дисплею зелёными квадратными и прямоугольными огоньками. Комнату наполняют негромкие музыкальные переливы, льющиеся из небольших колонок.

— Раздевайтесь, присаживайтесь, — предлагает мадам. Сейчас придут девочки. Выбор за вами. У нас самые лучшие в городе девушки. Вам какие больше нравятся: полненькие, стройненькие, блондинки, брюнетки?

— Мне ласковые, нравятся, — говорит он, устраивая верхнюю одежду на вешалку у дверей.

— Вы пришли по адресу, — мадам прибавляет блеска в глазах, — У нас все, до единой, ласковые. Других просто нет.

Мадам ещё раз улыбнувшись, удаляется, а он, приводит причёску в порядок и присаживается в кресло.

Девушек восемь. Они несмело заходят в комнату, выстраиваются вдоль стены. Одна крашенная блондинка, другая каштанка, третья с фиолетовым волосом. Остальные вроде бы более естественны. Одни в купальниках, другие в коротких халатиках. Весь товар на показ: у всех грудь наполовину открыта, ножки ровные, фигурки аппетитны.

Его знакомой среди них нет. Он уже понял: у неё другие обязанности. Ходит по Тверской и Садовому и ловит на крючок, таких, как он — не понятно, что потерявших и что ищущих, готовых клюнуть на новую приманку, и затягивает в салон. Вот и он попался.

«Ну что теперь, раз попался?» — смиряется он и уже с вождением глядит на предлагаемый ему, за его деньги, товар.

Теперь надо не продешевить. Выбрать — не ошибиться, чтобы потом меньше разочаровываться.

Девчонки стоят и смотрят на него. От его выбора зависит, кто из них станет сейчас немного богаче, поэтому все улыбаются. А он смотрит вначале на длинную шатенку, думая, что если разложить её на этой кровати, то вся она не войдёт: ноги наверняка будут торчать ещё сантиметров на десять и получить удовлетворение, неспешно проглаживая дылду ладонью от щиколоток до пупка, будет не просто. Потом переводит взгляд на пышненькую каштаночку с круглыми бёдрами, по опыту зная, что мягкие толстушки добры по натуре и, если их немного приласкать, то они становятся такими женственными, сердечными, любвеобильными... Хоть женись. Пышечка улыбается добродушнее других, и он уже собирается показать на неё и даже поднимает руку... Но тут замечает ЕЁ. Вернее, её глаза. Серо-зелёно-грустные. Она стоит среди таких же: похожих на неё ростом и фигуркой двух симпатичных девушек, ничем, на первый взгляд, не отличаясь от них — стройненькая в чёрных шёлковых чулочках, в наброшенном на плечи лёгком халатике, с распущенным волосом: чуть ниже плеч и тоже, улыбаясь, ждёт его решения. Он ловит её взгляд, нет, скорее, она притягивает его, и душа его, вырвавшись из-под сердца, уже летит в открытое пространство её глаз и растворяется в серо-зелёно-прозрачной грусти.

— Вас как звать?... — не говорит, шепчет он, глядя ей в глаза, не замечая как остальные семь девушек, молча идут к выходу, оставляя их вдвоём.

— Галя...

Потом они делают то, что обычно делают в таких салонах. Он обнимает её, она прижимается к нему. Они сидят и лежат, разговаривают полужёпотом о вещах обыденных. А время идёт, и он и с каждой уходящей минутой чувствует и понимает, что физическое удовлетворение не причина прихода его сюда, что его выбор Гали не случаен, что вот это время, этот час их свидания, давно предрешён, он пришёл сюда, по-

тому, что не мог не прийти и не уйдёт отсюда просто так. Но, самое интересное то, что эта обыкновенная, в общем, девушка, чистосердечно рассказывающая о себе и своих поклонниках – посетителях заведения, ему почему-то близка и знакома и она сама понимает и чувствует это.

— Нам надо встретиться ещё раз, — говорит он, когда час свидания истекает.

— Непременно, — соглашается она, — Можно у меня дома...

Она записывает на листочке блокнота номер своего телефона и протягивает ему:

— Соскучишься, позвони, договоримся.

Он кивает и уходит, поцеловав её в губы, что не принято в салонах любви, и она не уклоняется от поцелуя.

Он долго не может заснуть, его переполняют нахлынувшие вдруг волнения, а когда удаётся задремать, видит её: то в длинном платье начала прошлого века, то в военной форме второй мировой войны. Утром он звонит ей, и едва объяснив, причину звонка, слышит:

— А вы мне во сне приснились...

От этих простых слов, он едва не теряет сознание и торопливо, сбивчиво прощается.

А через пять дней он звонит ей снова, и они договариваются о встрече. Она назначает ему свидание в метро на Калужской, встречает и приводит к себе домой. Он впервые попадает в её квартиру, и едва они заходят за порог, она вдруг вспоминает, что забыла купить продуктов, оставляет его одного на кухне, с фотоальбомом. Он спокоен, хотя на дальнем плане сознания, крутится мысль о том что, возможно, он оказался в ловушке и сейчас может произойти всё что угодно: войдут милиционеры и спросят: что он тут делает, и как попал в квартиру? Ворвётся настоящий или мнимый муж и предъявит свой счёт...

В общем, есть варианты, и есть риск. Без риска он не может, риск допускает, но предчувствие подсказывает: всё будет как нужно. Он несколько раз перелистывает альбом, смотрит в окно. Наконец щелкает замок и входит она:

- Правда, я не долго?
- Не долго...
- Ну и вот, хорошо, а я колбасы взяла, масла. Бутерброды делать будем.

Он любит её ладной фигуркой лёжа на диване: стройной талией, волосами, спадающими на небольшую, но красивую обнажённую грудь. Она раздевается перед ним, без стеснения и уходит в ванную. Пока шуршит вода и играет негромко магнитола, мысли его летают в облаках, и он весь в предчувствии того, что сейчас, ещё немного, и произойдёт событие, меняющее его дальнейшую жизнь. Может быть самое главное. Она приносит горячего чаю и ложится рядом: влажная, упругая, живая... Он касается губами её левой руки, правой она гладит его по волосам.

— А ты мне приснился солдатом. Будто идёт война, а ты раненный в госпитали... Ходишь с палочкой, хромаешь...

Он замирает.

- Что с тобой? – спрашивает она.
- А в том сне, ты была медсестрой?
- Да! – удивляется она.
- А мы с тобой там встретились?
- Встретились. Где-то в лесу, у дороги, на какой-то яркой солнечной полянке...

Он вскакивает и говорит возбуждённо:

— Я почему-то так и подумал!

— Я почему-то так и подумал, — говорит он, — Подумал сегодня утром, что ты придёшь, что дадут нам свидеться.

— Но ведь не правильный суд, не правильный, Алёшенька, — плачет она, — Свидетели эти дали ложные показания. Не было ведь тебя тогда на свале, и не мог ты быть зачинщиком убийства. Не было никакого убийства, а несчастный случай это был...

В маленькой комнате свидания, при каталажке, в полицей-

ском участке уездного городка, они сидят напротив друг друга разделённые широким столом. Кроме них в комнате ещё надзирающий за ними полицейский. Он стоит у двери, покашливает в кулак и делает вид, что не слушает: о чём говорят осуждённый и дамочка на сносках.

— Я буду писать, я подам прошение в губернский суд, на имя губернатора, в Петербург... — причитает она.

— Ничего нам не поможет уже, Наденька, — говорит он, обречённо, — Всё они решили, всё они рассчитали. Мы с тобой были по-ихнему любовники и твоего Василия сговорились убить. Хорошо, хоть тебя оставили в покое...

— Всё это братья мои! Всё они! — она продолжает всхлипывать, прикладывая носовой платочек к глазам, — Зачем они всё это делают? Захотели разлучить нас и разлучили. И свидетелей ложных нашли и судье посулили, видать...

— Свидание заканчивается. Больше не положено. Прощайтесь, — говорит надзиратель. В дверях появляется конвоир.

— Я буду ждать тебя, Алёшенька! Буду ждать! И ты помни... Помни, что у нас ребёнок. Мы будем ждать! — она встаёт и наклоняется к нему через стол.

— Нельзя, барышня! Нельзя близко к осуждённому, — говорит подошедший к ней надзирающий, — Вы ему не супруга законная. Нельзя!

— Береги себя и ребёнка, — говорит он не громко, поднимаясь.

— Я жена тебе, жена! Запомни и верь! — кричит она.

— Пойдёмте, барышня, пойдёмте, — тянет её за рукав пальто надзиратель, — Свидание короткое, потому и закончено уже.

Его подталкивает конвойный.

— Береги себя! — на этот раз он кричит ей в след, и она оборачивается в дверях и смотрит на него: ещё близкая, но уже безвозвратно далёкая. Он предчувствует безвозвратность, предчувствует, что видит её в последний раз. И смотрит, смотрит, смотрит...

— Береги себя... — срывается уже шёпотом с его губ.

— Береги себя! Береги, Леночка! – кричит он, уже забравшись в кузов отходящей полуторки, — Мы ещё встретимся с тобой. Обязательно встретимся!

— До свидания, Серёжа! Я буду ждать тебя!

— Лена-а-а-а...

Полуторка набирает ход, она бежит за машиной, потом останавливается, делает ещё несколько шагов и машет, машет, машет...

Его уже не видно. Он где-то там, среди десятка раненых сидит в кузове грузовика. Ещё мгновение-другое и он скроется из виду, исчезнет из её жизни, растворится среди других и будет далеко-далеко. Ещё мгновение и...

И может она больше не увидит его никогда? Может... Нет не может! Иначе, она уверена: время бы снова остановилось. Но оно шло, шло, ей казалось: быстрее, чем прежде — бежало, подгоняя людей и принуждая их быстро думать, торопливее делать свои дела.

Вслед за первой машиной, мимо неё проходит вторая, потом третья, четвёртая. Госпиталь один и второй срочно эвакуируют, подходят всё новые и новые машины – грузят и увозят оборудование, медикаменты, медицинский персонал. А фронт уже рядом: слышно как рвутся снаряды. Ближе, ближе, ближе...

«По машинам!» — это кричат уже медперсоналу. Это кричат ей.

«Неужели мы больше не увидимся?»

— Неужели они больше не увиделись? – спрашивает она, прижимая к нему своё молодое желанное тело.

— Увиделись, в начале будущего века, — говорит он, поглаживая её ещё не высохшие волосы.

— Ты говоришь о нас. А те?

— А те? Я думаю, что тот невольник выжил и в тюрьме и на каторге. После революции, в гражданскую воевал за крас-

ных. Вернулся в родное село, но не нашёл ни её, ни ребёнка... Нет, он её не нашёл, хотя искал... Как думаешь: почему не нашёл?

— Потому, что её уже не было. Она тяжело переносила разлуку. За зиму много болела, исхудала, постарела, ребёнка не вынесла, а весной она сорвалась в реку...

— Случайно?

— Может случайно. Но жить она без него уже не хотела... Тогда не редко девушки из-за несчастной любви в реку бросались... А он, мне кажется, жил долго...

— Да, он жил долго. Вначале горевал, но потом женился на молоденькой девушке. Работал на железной дороге. Прожил лет восемьдесят. Дождался внуков и даже правнуков. Они и сейчас живут там, в Сибири, его внуки и правнуки.

— А медсестра с солдатом тоже ведь не встретились, — она прижимается к нему ещё теснее, а он обнимает её и прячет лицо в её волосах.

— Не прошло и часа после их расставания, как машина с ранеными попала под авианалёт. Всё кончилось печально.

— А она прошла всю войну. После разыскала его мать. Потом вернулась в Рязанскую область. Всю жизнь прожила одна. Семейная жизнь не сложилась, детей не было. Как многие одинокие женщины-фронтовички, потерявшие суженых на войне, с возрастом от одиночества стала пить. Умерла в конце семидесятых в больнице.

— Слушай, — говорит он, подняв голову и глядя ей в глаза, — Как это всё трагично.

— Не всё трагично. Мы ведь — это они. Мы живём, и мы вместе... Мы любим друг друга...

Она обнимает его двумя руками за шею.

— Мы должны любить друг друга за них и стараться быть вместе всю жизнь.

— Но мы не можем побыть вместе даже один день, одни сутки! — пытается возмутиться он, но она гасит его возмущение поцелуем.

— Пока не можем, пока, Андрюшенька... — шепчет она,

— Но обязательно наступит наше время. Если не сейчас, то в следующий раз...

Как и в ту, первую их ночь, ей несколько раз настойчиво звонят на то на мобильный, то на стационарный телефоны, и она, уходя на кухню, по полчаса с кем-то объясняется. С кем, он не спрашивает. Он лежит спокойно, иногда вставая, чтобы попить чаю или сходить в ванную. Вся суэта для них кажется теперь мелочью. Они вместе. Хотя он знает, что и в этой жизни им не придётся быть мужем и женой. Во всяком случае, в ближайшее время. В ближайшие годы. У него в Сибири есть преданная ему жена, которую он не вправе оставить. У неё, есть ребёнок — пятилетний мальчик и, как он догадывается, близкий молодой человек. Возможно даже — муж и возможно даже — отец её ребёнка. Он иногда допускает мысль, что занимается она столь рискованной работой с ведома этого человека. Понять нравы двадцатилетних столичных жителей, всю жизнь проживший в провинции сорокапятилетний человек, ещё, или уже, не может. Они не говорят на эти темы и, навряд ли когда заговорят. Он уж точно не спросит.

Каждый раз в шесть часов утра, кто-то настойчиво звонит в дверь. В первый раз это его напугало, сейчас уже привык и понимает, что работа у неё действительно рискованная, и её проверяет то ли сутенёр, то ли тот самый близкий человек: хочет убедиться, что всё в порядке. Она подходит к двери, переговаривается с человеком и тот уходит. А он понимает, что ему дают, знак: пора.

Он встаёт, смотрит в окно. Со второго этажа, в незамёрзшее стекло видно как во дворе метёт позёмка. Надо идти. Он собирается, а она в это время отвечает на очередной телефонный звонок. Он проходит в прихожую надевает куртку, натягивает фуражку, берёт сумку. Потом возвращается на кухню. На столе в стеклянном кувшине стоят его мимозы, подаренные вчера ей. Она продолжает говорить по телефону, кивая на чайник, он отрицательно мотает головой, оставляет на столе три тысячных бумажки, целует её в щёчку, говорит: «пока», и ухо-

дит. Он уже не видит, но чувствует как она, не отрываясь от телефона, машет ему в след. Жизнь продолжается.

А на улице метёт по-зимнему. Сегодня суббота, дворники не спешат выходить во дворы и пешеходных дорожек почти не видно. Он идёт прямо от её дома. Редкие машинёшки пробегают по пустынной улице, пешеходов вообще не видеть. Он жмётся от холода, то и дело протирает уши и пальцы рук. Пройдя несколько кварталов, он выходит на улицу Удальцова и, прибавив шагу торопиться к проспекту Вернадского. Здесь уже попадаются навстречу люди и метель, кажется потише. Наконец станция метро: турникет, эскалатор, поезд. В вагоне человек пять. Он садиться поудобнее. Можно теперь отогреться, подумать о предстоящих занятиях на курсах, о недописанном романе. Двери закрываются, электропоезд срывается с места и, гулко набирая обороты, ныряет в темноту проёма.

«Кто же всё-таки Галочке звонит? – неожиданно спрашивает он себя мысленно и тут же успокаивает — А не всё ли равно?» У неё своя жизнь, у него своя. Да, скоро у неё день рождения. Надо не забыть, поздравить и, наверное, купить подарок.

«Не наверное, а точно: купить», — решает он улыбнувшись, уже зная, что именно купит.

2005-2006

Москва-Красноярск.

В ТОМ ИЮНЕ...

Июнь тот на берегах Маны-реки выдался дождливым и холодным. Его дружно ругали и за сырость, и за непролазную грязь на раскисших улочках посёлка, и за то, что всходы на полях и огородах были почти не видны, и это, безусловно, повлияет на урожай нынешнего года. Злились на него и за то, что снова, как и поздней осенью, увеличилось количество кашляющих и чихающих людей, некоторым из которых даже приходилось «садиться» на больничной.

На больничной ушла и ответственный секретарь редакции Татьяна, поэтому редактор районной газеты в прямом и переносном смысле схватился за голову, ибо троица корреспондентов — Валерьян, Володя и Андриюшенька — в очередной раз дружно «загудела». «Загудели» они на этот раз с аванса, и «загудели» крепко.

В запой они уходили, конечно, и раньше. Чаше с получек. Иногда вот так — втроём, иногда дуэтом (когда пили двое, а один «пахал», успевая выдать на-гора несколько тысяч газетных строк), а иногда запивал, сорвавшись, кто-то один, а двое за него отдувались. Редактор, наученный горьким опытом, заранее предвидя подобную ситуацию, перед выдачей денежного пособия просил их настроичить как можно больше репортажей, интервью и разного рода зарисовок, дабы можно было за время отсутствия «писателей» выпустить пару-тройку газетных номеров на местном материале, не забывая полосы перепечатками из центральных или краевых изданий. Нельзя сказать, чтобы он не пытался в целях перевоспитания воздействовать на своих подопечных. Ребята почти регулярно не получали премиальных, он снижал им до самого минимума оклады, но всё было бесполезно. Редкий месяц обходился без того, чтобы кто-то из них не ушёл в недельный, а то и более продолжительный запой. Но когда они, скорешившись, давали жару все вместе, то уж...

Так получилось и на этот раз. Нет, в день аванса всё как

раз обошлось благополучно. Его выдавали в пятницу. Андрюшенька, отсчитав себе необходимую, по его мнению, сумму на мелкие расходы, остальные гроши отдал своей Веронике, препроводив её в стационар — терапевтическое отделение центральной районной больницы — лечить остеохондроз. За Володю деньги, как обычно, получила его строгая жена, и лишь одинокий, бесконтрольный Валерьян за выходные дни выпил бутылку-другую водки.

Всё началось со следующей недели.

В конце рабочего понедельника Володя, «загрузившись» материалом, зашёл в кабинет к скрипевшему над очередным произведением Андрюшеньке. Поговорили о том о сём, а в первую очередь о том, что выходные прошли «всухую», и Володя, дабы поправить это дело, предложил зайти в кафе и хлопнуть граммов по сто пятьдесят водчонки.

— А не потянет нас на большее?— хорошо зная себя и друга, спросил Андрюшенька.

Ведь не однажды всё начиналось именно с невинных, казалось, ста граммов.

— Да ну. Куда потянет?— уверенно сказал Володя.— Хлопнем — и по домам.

Андрюшенька призадумался. Ещё с утра он был твёрдо убеждён, что пить больше не будет совсем или, по крайней мере, очень долго. Ещё слишком свежи были в его памяти воспоминания о последней пьянке, которая закончилась тем, что он оказался в нервном отделении больницы, лёжа на кровати и под капельницей.

Но силён, силён на соблазны лукавый. И через несколько минут Андрюшенька, быстренько достучав на пишущей машинке «мемуар», уже шёл с Володей по направлению к кафе с красивым названием «Сказка». Шёл не по-летнему нудный мелкий дождь, не портивший причёски, но довольно неприятный. Было зябко, и Андрюшенька застегнул на молнию куртку. Несмотря на непогоду, на торговой площади, однако, находилось довольно много народу. Оба торговых ряда были заполнены товарами; кроме того, расположив банки с рыбными и

мясными консервами и расставив бутылки со всевозможными этикетками прямо на капоты легковых автомобилей, некоторые из заезжих коммерсантов таким вот образом представляли покупателям свой товар. Внимание наших друзей привлёк «Москвич», на капоте которого, помимо других бутылок, стояла и одна литровая, носившая название «Тройка», с изображением на этикетке трёх несущихся вороных.

Таковой водочки ни один из наших приятелей ещё не пробовал, потому оба, словно намагниченные, пошли на зов этикетки.

— Бери, мужики, мировая водка из Голландии,— сказал им здоровый бородатый мужик, владелец товара.— За пятнадцать отдам.

Андрюшенька замялся. В кармане у него была десятка, у Володи около трёх. Дело поправил оказавшийся неподалёку педагог местной школы, «отстегнувший» им пятёрку.

Ну и завертелось.

Эту бутылку, расхваливая и нахваливая напиток, они выпили у Владимира под закусочку, то и дело посматривая на часы, чтобы покончить с пузырьём до прихода Володиной супруги. Пили, закусывали, говорили, как обычно, о писателях и их жизни, приходя к обоюдному согласию в том, что все талантливые пишушие мужики пили крепко и мало кто из них доживал до старости.

Однако им, уже довольно хорошо выпившим, пришлось освободить помещение досрочно: пришла дочь Володиной жены от первого брака и злобно накричала на отчима. Решили идти к Валерьяну.

На улице дождь усилился, и хотя путь от пункта отправки до пункта назначения был невелик, пока они добирались до цели, промокли насквозь. Вдобавок ко всему, когда проходили через парк, более мощного по сравнению с Андрюшенькой Володю повело, и он упал возле лужи на мокрую траву. Это заметили проходившие неподалёку бдительные стражи порядка из молодых и ретивых ребят, только что отслуживших в армии. Чтобы не тащить пьяных корреспондентов в отдел, они состав-

вили протокол на предмет появления в нетрезвом состоянии в общественном месте прямо на одной из парковых скамеечек и отпустили районных писателей с миром. Оба писателя не придали сему факту особого значения («не впервой!») и продолжили, слегка покачиваясь, намеченный маршрут.

К Валере пришлось стучать, и стучать не только в двери, но и в окна. Заминка была вызвана не тем, что хозяин был пьян и не мог сразу встать и открыть, а скорее другим: в посёлке можно было по пальцам пересчитать тех, у кого Валерьян не перехватывал «до завтрава» пятёрку-десятку. Ну а, как известно, брать всегда приятно, отдавать же, сами знаете, не всегда... В общем, Валера старался как можно дольше не отдавать долги. А потому и находился он в доме «за семью замками» и открывал двери далеко не всем...

Своим Валерьян открыл.

Надо сказать, что Валерьян был самым старшим из всей троицы коллег, каковых в народе называют пьяню или алкашами. Впрочем, говорят: «Талантливый, но пьёт. Не пил бы — цены бы ему не было». И действительно, в молодые годы Валерьян работал на краевом телевидении, подавал большие надежды, прекрасно фотографировал. И в жизни личной, казалось, ему вначале повезло: женился на красавице. Та родила ему двух не менее симпатичных девочек. Всё, казалось, было хорошо и тогда, когда приехали они в этот район. Однако, видимо, что-то было не так в семейных отношениях между мужем и женой, и после того, как они прожили вместе двадцать с лишним лет, жена, наставив спутнику рога, сбежала с заезжим купчишкой. Дочери вскоре повыходили замуж и перебрались в краевой Енисейград. И вот теперь, когда Валере перевалило за пятьдесят, жил он один-одинёшенек в двухкомнатной квартире, иногда, когда водились деньжата, пил «сам на сам» и всегда был рад заходившим к нему с бутылкой приятелям.

Непростая судьба была и у Володи, сорокалетнего местного мужика. В детстве он рос смышлёным парнишкой: читать выучился в пятилетнем возрасте и к десяти годам перечитал

все имеющиеся в районной библиотеке книжки о приключениях, одолел и более серьёзные вещи, такие как «Строговы», «Соль земли», «Как закалялась сталь». Но прежде чем стать корреспондентом районной газеты, Володя учился в техническом вузе, служил в армии, работал рядовым работягой на заводе и печатником в типографии. Человеком он был, бесспорно, талантливым и потому материалы в газету писал не напрягаясь. В личной жизни ему не совсем везло: женился уже в зрелом возрасте на женщине старше себя и разведённой. Жил с женой плохо и зачастую, выпивши, домой уже не ходил, зная, что всё равно не пустят. Шёл к матери или к тому же Валерьяну. Несколько раз ночевал у Андрюшеньки, но Вероника была недовольна этим и частенько бурчала.

Одна радость была у Володи — маленькая трёхлетняя дочурка, которую он, будучи трезвым, боготворил: повсюду брал её с собой, частенько качал на качелях в местном парке.

Несладко в жизни пришлось и Андрюшеньке — самому младшему из троих, но и самому инициативному тоже. Андрюшенька был помладше Володи на пять лет, но за свои тридцать пять, до приезда в Енисейскую губернию, уже успел объехать всю Западную и Восточную Сибирь, бывал даже на Нижегородчине. Родившийся в городе, рано женившись, рано он и потерял жену, оставшись с полуторагодовалым сынишкой. Мальчика взяла на воспитание мать Андрюши, а сам вдовец подался путешествовать по свету. Был и на БАМе, и в Алтайском крае, и в Иркутской области. Писал он с самого детства легко и даже лихо, печатался в областных, краевых и центральных изданиях, а также во всевозможных сборниках прозы, пописывал и стихи. К тому времени, о коем идёт речь, районная газета, в которую Андрюшенька устроился работать и которая свела его с Валерьяном и Володей, была уже седьмой в его биографии. А трудовая книжка, которую он вручил редактору, — по счёту второй и уже заполненной до половины.

Впрочем, районная газета свела Андрюшеньку не только с друзьями и коллегами по перу, но и Верой-Вероникой, одинокой женщиной его лет, работающей в типографии.

Ну а теперь читатель, разбирающийся в газетном деле, наверняка сможет сделать вывод, отчего и почему редактор не разогнал эту братию на все четыре стороны, а мужественно терпел все выходки троицы. Во-первых, троица та в светлые дни выдавала материалы по качеству ничем не хуже краевых изданий и тем самым держала газету «на уровне». Во-вторых, где бы он нашёл им достойную замену, если кругом — в соседних районах — работали в редакциях сплошь бывшие «училки» да разогнанные партаппаратчики, едва дающие за месяц в газету по две пары хилых строк и гнавшие такую лажу?..

Так вот, в один из дождливых ненастных вечеров в последней декаде июня пришли к своему коллеге-приятелю, подвыпившему Валерьяну, Володя с Андрюшенькой.

Очередной пузырь они организовали с ходу. Валерьян расщедрился на десятку, и Андрюшенька быстренько сгонял ближайший, расположенный рядом с Валериным домом, коммерческий магазин.

Хорошей закуски у Валеры, как всегда, не оказалось. Ели сваренную «в мундире» картошку, очищая её от кожуры и посыпая попутно солью. Этой бутылкой они «догнались». И «догнались» неплохо. После получасового общения на кухне, за маленьким детским столиком, сидя на детских табуреточках, после рассуждений о том, что «редактору, конечно, не позавидуешь», Валерьян затянул «Бродягу», который «Байкал переехал». Это послужило сигналом к тому, что нужно расходиться по «диванам». Володя лёг на кровать в маленькой комнате, а Валерьян с Андрюшенькой улеглись на разных диванах в большой.

Ночью, встав и выйдя на двор по нужде, Андрюшенька отметил, что на улице потеплело и на небо высыпали яркие звёзды.

Вторую половину ночи он не мог спать, то и дело, включая настольную лампу, смотрел на часы, слышал, как вставал Валерьян и шебуршился у шифоньера, как ворочался с боку на бок Володя и тоже вставал, чтобы покурить на кухне.

К шести часам утра поднявшееся из-за Белой горки солнце

бросило свои лучи в окно большой комнаты, и все трое поняли, что валяться больше не имеет смысла. Первым встал Андриюшенька, за ним Володя, потом поднялся и Валерьян, объявив, что потерял деньги. Вернее, засунул их куда-то, а теперь не помнит куда.

Стали искать. Искали в шифоньере, кухонном столе, серванте. Обыскали всю веранду, потом кладовку — тыщ не было нигде.

— Может, ты их под тротуар засунул?— спросил Андриюшенька.— У моей тётки муж был, так он от неё водку в собачью конуру прятал.

— Не-а...— как всегда медленным голосом потянул Валера.— Ни под тротуар, ни в будку я деньги не прятал.

— А в сарай не заходил?— задал вопрос Володя.

— Тоже нет.

Проверили на всякий случай гараж и сарай, Валерьян ещё раз обшмонал карманы пальто, куртки и пиджаков. Тротуарные доски отрывать не стали.

— Как теперь до полочки дожить?— сев на табурет в прихожей, вздохнул тяжело Валера.

Подобная ситуация с ним происходила уже не в первый раз.

— Доживёшь. Вот похмелиться как? Это вопрос,— сказал Андриюшенька.

Он понял, что в этом случае ему необходимо брать инициативу на себя. Нужно сказать, что Андриюшенька, не будучи навязчивым человеком, пользовался авторитетом как среди простых рабочих, так и в среде сотрудников районной и поселковой администраций. К нему одинаково хорошо относились и сантехники, и совхозники, и начальник местного угрозыска, и преуспевающий коммерсант, и заместитель главы районной администрации.

Первым делом Андриюшенька решил податься к Веронике в больницу и «выцыганить» у неё хотя бы червонец. Так он и сделал. Он выпрашивал и упрашивал, а вся остальная компания ждала его у больничных дверей. Затем они направились в ма-

газин к знакомому коммерсанту. На удачу или на беду их, Михаил Иванович оказался у себя в офисе. Денег Андрюшеньке он не дал, а выдал сразу товаром — литровой бутылкой водки. Купив ещё поллитровку, прихватив булку хлеба, Андрюшенька вышел к ожидающим его друзьям и, кивнув им, сказал:

— Всё в норме. Катим теперь до меня, там хоть закусить что есть.

Друзья молча двинулись за ним. Андрюшенька с Вероникой жили в самом конце посёлка, в однокомнатной квартире-четвертушке, а потому топать друзьям пришлось немало. Но что не сделаешь ради похмелья! И они шли, выбирая улицы и переулки посуше, обходя широкие лужи, стараясь идти, где это было возможно, по тротуарам и пешеходным дорожкам.

Погода, кажется, устанавливалась. Светило солнце, которое то и дело перекрывали лёгкие белые облачка, плывущие из-за Маны-реки, но уже чувствовалось: не сегодня-завтра придут настоящие жаркие летние деньки.

Во двор они вошли через заднюю калитку. Кинулась было, залаяла на не очень знакомых людей симпатичная небольшая собачка по кличке Арнольд, но Андрюшенька, приласкав, успокоил животное.

На закуску Андрюша разогрел суп, нарвал в огороде редиски, зелёного лука.

Выпили, закусили. Андрюшенька включил магнитофон, и, как всегда, первой была кассета Владимира Асмолова, затем запел Александр Новиков. Это было только начало. Они пили, слушали, восхищались удачно спетой строчкой. Когда была выпита примерно половина большой бутылки, Валерьян неожиданно запел:

Казаки, казаки!
Едут, едут по Берлину наши казаки!

Его уложили здесь же, на стоявшую на кухне кровать, и выпивку продолжили «в неполном составе».

Всегда, когда Андриюшенька, что называется, доходил до кондиции, из колонок его магнитофона неустанно звучал голос Валерия Ободзинского, а песня «Льёт ли тёплый дождь, падает ли снег, я в подъезде против дома твоего стою...» ставилась подряд по десятку раз. Так было и в этот день.

«Знаешь, Андрюха, а я у Ободзинского „Анжелу“ люблю»,— говорил всегда после этого Володя, и Андриюшенька ставил для него «Анжелу». Володя перебирался поближе к магнитофону, садился на стул и слушал.

Надо сказать, что друзья наши, как и Андрюша, не один раз заканчивали пьянку весьма и весьма плачевно — под капельницей в нервном отделении райбольницы, и каждый раз каждый из них после этого к бутылке не подходил месяца по два, по три. Но, сорвавшись после очередного продолжительного «непития», Андриюшенька говорил за бутылкой приятелям: «Нет, бесполезно, я не умру, пока не стану лауреатом Нобелевской премии в области литературы и не умоюсь водой на берегу океана». На такое заявление Володя покачивал головой, Валерьян молчал, а ещё один человек — Никола, муж бригадиры типографии, нередко составлявший им компанию,— согласно кивал головой. «Я верю тебе, Андрюха, ты настёрный»,— говорил он, и Андриюшенька благодарно пожимал ему руку.

На этот раз Николы с ними не было, и на заявление Андриюшеньки, что он обязательно вымоет ноги в океане, Володя вдруг сказал:

— А я служил на берегу океана и умывался океанской водой. Что, мне умирать можно уже?

Он сказал это, набив махоркой самокрутку и прикурив. Его слова тяжело повисли в воздухе, и Андриюшенька не нашёлся что ответить.

Поллитровку выпили ночью, вернее, уже под утро, когда стало светать. Эту ночь они провели у Андриюшеньки. Володя спал на матрасе на полу возле телевизора. В общем-то, выспались они днём, после выпитой литровой бутылки, а ночью мучались, терзали магнитофон, поочерёдно вставали и выхо-

дили во двор. Наконец дружно поднялись и разобрались с поллитровкой. Андрюша поставил кассету с записью Высоцкого. Заговорили о Высоцком, потом о Рубцове, вспомнили Есенина. Затем, как и вчера, задались вопросом, почему же творческие люди пьют порой до беспамятства, а порой не могут даже смотреть на спиртное. Коснулись темы веры в Бога и искушений. Согласились, что каждый живёт на земле столько, сколько ему отмерено, и так, как ему предписано свыше, и что стремящийся к истинной вере человек наиболее искушаем и подвержен соблазнам.

— Знаешь, Володя,— сказал Анрюшенька,— мне кажется, что душу человека отправляют на землю в качестве наказания за содеянное в Вечности. Он провинится там — его сюда, на муки земные, на страдания. В чистилище это. Ведь, видимо, не зря ребёнок, когда появляется на свет, плачет. Душа его не хочет сюда, а её выталкивают. Я даже на эту тему роман собираюсь написать. Ведь смотри что получается. Для чего мы живём? Чтобы на кусок хлеба заработать, набить желудок — и снова на работу? Ну напишу я роман века, стану нобелевским лауреатом — ну а дальше что? Бессмертным же не стану.

— Я согласен с тобой, Андрюха. Господь, забирая душу, всех ровняет одним крылом, будь ты царь или нищий. А такие люди, как Есенин, Рубцов, Высоцкий,— рождены для самосожжения. Они сами себя сожгли, и мы жжём сами себя. Хотим этого или нет, но всё равно приходим вот к этой бутылке.

Володя постучал по горлышку пол-литры вилкой.

— Ты знаешь, как умер мой отец? Напилился пьяным, уснул — и не проснулся. И меня такой же конец ждёт.

— Да бросьте вы, ребята! — воскликнул Валерьян.— Нашли тему. Давайте о чём-нибудь земном.

— Да. Нужно пока о земном,— согласился Анрюшенька.— Чё делать, мужики, будем? Шайку, что ли, банную кому загнать? Всё равно бани своей нету, а в казённую её не попрёшь. Плюну, наверное, на всё, распродам шмотки и мотану на Урал — меня зовёт туда одна редакторша, квартиру обещает...

— Что за шайка? — спросил Володя.

— А вот эта,— Андрюшенька занёс с веранды кедровую, искусно сделанную, с ручками, шайку.— Мне её один мастер подарил. Тяжёлая, падла...

— Ерунда, я унесу. Возьмём её сразу, а то чё будем ката в мешке предлагать?

— Ну, тогда пошли,— сказал Андрюшенька.— А ты жди нас здесь,— кивнул он Валерьяну, и поднявшийся было со стула Валера послушно плюхнулся снова на сиденье.

Они вышли на улицу. Время подходило к девяти утра. За разговорами и выпивкой не заметили, как день набирал ход. Деньёк выдался прекрасным — на небе ни облачка. Пошли вверх по улице.

Первым, кому предложили товар новоиспечённые коммерсанты, был мужик, перекидывающий дрова за забор собственной ограды.

— Почём толкать будем? — спросил Володя товарища.

— За тридцатник, или три бутылки самогона пусть даёт — и делу конец.

Товар предлагал Володя. Мужик повертел шайку в руках, покачал головой, брать не стал, но показал в сторону соседского дома, из ворот которого вышла бабуля, тоже покачала головой и показала рукой дальше: может, та соседка возьмёт.

Той соседки дома не оказалось, и они пошли ещё дальше, уже стучась в ворота каждого подряд дома. Таким образом добрались до конторы коммунального хозяйства, где и сбагрили красавицу-шайку за десятку — больше им не дали.

Андрюшенька, быстро сориентировавшись, подловил тут же, у конторы, водителя «Жигулей», собиравшегося ехать в центр посёлка, и тот довёз их до самого гастронома. Повезло им и на обратном пути: в гастрономе Андрюшенька встретил соседа-пожарника, который держал курс «на дом» и посадил их в свой «уазик».

— Чё загуляли-то? — спросил сосед.

— Да, Петя, уезжаю я на Урал,— ответил Андрюшенька.— Шмотки нужно распродать. Купи резервуар — кубик вместимость. В баню поставишь.

— А сколь просишь? — с готовностью отозвался сосед.

— Сто пятьдесят давай, и годится. Если денег мало, давай пятьдесят сейчас, остальные после.

До дома домчались минуты за три, остановились около резервуара, стоявшего возле задней калитки. Пожарник внимательно осмотрел предлагаемую ему вещь.

— Давай за сотню,— предложил он.

— Деньги сразу?

— Да хоть сейчас.

— Годится,— согласился Андрюшенька.— Отстёгивай и забирай.

Сосед достал из бумажника два «полтинника», и дело было сделано.

Пока наши герои распивали привезённую из гастронома водку, пожарник, прихватив на подмогу друга, погрузил резервуар в автомобильную тележку, подцепил её к «уазу» — и был здоров.

В кухонное окно друзья-собутыльники увидели лишь, как мелькнул хвост тележки.

Надо сказать, что в том краю, где проживал Андрей, торговых точек не было совсем, и наши ребята, весёлые и распахмелённые, но ещё не до конца удовлетворённые выпитым, дружную гурьбою направились к центру посёлка. Сто тысяч рублей, выражаясь словами одного из героев киноповести Василия Шукшина, «жгли ляжку» и делали Андрюшеньку независимым ни от кого.

— Пятидесятку отдам Веронике, а полтинник пропьём,— сказал он друзьям.— Куплю бутылку виски — ни разу не пробовал, закусить возьмём — и хватит, надо завязывать.

Пошли в магазин опять к тому же коммерсанту. Андрюшенька намеревался отдать долг, но того на месте не оказалось, а передавать через кого-то было не в Андрюшиных правилах.

— Слушай, старик, а виски-то тридцать две тысячи бутылка стоит,— заметил Валерьян, рассматривая витрину с вино-коньячными изделиями.— Лучше на эти деньги две литровых водки купить.

— Конечно,— поддержал его Володя.

— Ладно,— согласился Андриюшенька, покупая две литровые бутылки «Асланова» и «прицепом» к водке пару банок тушёнки и булку хлеба.

— Как хочешь, Андрей, но до тебя мне теперь не дойти,— сказал Валерьян, когда они вышли на крыльцо магазина.— Пошли лучше ко мне. У меня и заночуете. Вера же всё равно у тебя в больнице.

— Если оставаться у тебя с ночёвкой, то пошла этого нам до утра не хватит,— определил Андриюшенька.— На тебе двадцатку, иди бери ещё такую же бутылку и ещё одну буханку хлеба, и пойдём.

— Возьми ещё пачку «Примы», Валера,— попросил Володя.— Силов нет уже самокрутки крутить.

Дома Валерьян стал тушёнку разогревать, потом достал два гранёных стакана. Андриюшенька взял себе пятидесятиграммовую рюмочку.

— Я, мужики, большими дозами пить уже не могу. Мне рюмашки хватит.

Валерьян поставил на середину стола сковороду, раскрыл бутылку, разлил в тару. Они выпили, потом ещё. Всё, что произошло затем, Андриюша запомнил отрывками: ели тушёнку со сковороды, потом раскрыли вторую банку и закусывали мясом в холодном виде. Первым на сей раз пошёл отдыхать Володя, Валерьян «отрубился» прямо за столом. Не допив и первой бутылки, отправился к дивану и Андриюшенька.

Когда он проснулся первый раз, то увидел лежавшего на соседнем «лежаке» Валерьяна. Из маленькой комнаты доносился храп Володи, на кухне под столом валялась пустая бутылка, а вторая, едва початая, стояла на столе. Андриюшенька, причастив ещё пятьдесят граммов и запив водой, снова отправился на боковую.

Проснувшись через некоторое время во второй раз, он обнаружил лежащего в кухне на полу Володю и бутылку с оставшимися в ней примерно ста граммами водки.

«Неужели столько за один раз саданул?»— подумал Ан-

дрюшенька и, выпив ещё пятьдесят граммов, снова улёгся на диван.

На третий раз разбудил его Валерьян.

— Старик, вставай, похмеляться надо,— протянул он тоненьким голоском.

Андрюшенька, не поднимаясь с дивана, достал из кармана оставшиеся деньги и протянул их Валерьяну:

— На, сходи за пузырьём, я не могу чё-то.

— А никуда ходить никому не надо,— улыбаясь и покачивая головой, сказал Валера.— Всё у нас есть.

Он прошёл на кухню, вернулся оттуда с нераскрытой бутылкой, и Андрюшенька вспомнил, что они покупали три пузырья.

— Давай здесь выпьем, не могу подняться,— сказал он.— Закусить что осталось?

— Хлеб только.

— Ну, неси хоть хлеба и воды запить.

Валерьян пододвинул стул к дивану, где отдыхал Андрюшенька, принёс из кухни стакан, рюмочку, хлеб и ковш с водой. Андрюшенька со стоном и с трудом из лежачего положения принял сидячее.

— Щас, старик, легче будет.

Валерьян налил себе полстакана, Андрюшеньке — рюмочку. Андрюшенька опрокинул вовнутрь содержимое рюмашки, запил водой, отломил от начатой булки кусок хлеба, стал жевать.

— Володька спит?— спросил он.

— На кухне отрубился,— ответил Валерьян.— Пусть поспит.

— Надо его похмелить и на кровать утащить. Разбуди.

Валерьян пошёл на кухню, через минуту вернулся.

— Не встаёт,— сказал он.

— Ну, Валера, тебя что, учить надо? Потри ему уши — подскочит. На кровать его надо перекантовать. Что человек на полу лежать-то будет?

Валерьян, кряхтя, снова отправился на кухню. Андрюш-

енька слышал, как он звал Володю по имени. Через пару минут он снова вернулся в комнату.

— Нет, не встаёт, не хочет,— вздохнул он.— Пускай поспит, отдохнёт немного. А мы ещё выпьем. Ему хватит. Останется для него...

— Ну что он, бич какой-то, что ли? Чё ему на полу спать? Пошли утащим на кровать.

Андрюшенька соскочил с дивана и быстрыми шагами направился на кухню. Валерьян пошёл следом.

Володя лежал на левом боку, лицом к двери, поджав ноги и зажав ладони рук между колен.

— Вовка,— позвал его Андрюшенька.— Вов...

Володя не отозвался. Андрюшенька присел перед ним на корточки. Возле Володиного лица образовалась лужица из белой вязкой слюны.

«Рвало беднягу, что ли?» — подумал Андрюшенька и потряс друга за плечо:

— Володя, хорош на полу ночевать. Вставай, пойдём на кровать.

Андрюшенька коснулся небритого Володиного лица и быстро отдернул руку. Лицо было холодным, что ледышка. Ещё холоднее были руки.

— Всё!— поднимаясь, сказал стоявшему в дверном кухонном проёме Валерьяну Андрюшенька.— Кранты пришли!.. Допились... Готовый он...

— Как «готовый»?— не понял Валерьян.

— Ну как готовый может быть? Холодный уже...

— Умер, что ли?— разинул рот Валера.

— Умер. Он, видать, за один раз больше чем полбутылки саданул, и сердчишко не выдержало...

До Валерьяна случившееся доходило с трудом. Андрюшенька прошёл в комнату, сел на диван, обхватил голову руками:

— Ах, Володя, Володя...

Валерьян натянул на себя пиджак.

— Ты куда?— спросил его Андрюша.

— Пойду до его матери, сообщу...

— Ты чё, хочешь, чтобы нас тут же, на месте, поубивали? Садись на телефон и звони на скорую. Может быть, его можно откачать. А если нет, то пусть хоть факт смерти засвидетельствуют...

Валерьян подсел к телефону, позвонил на скорую. Больница находилась неподалёку от Валериного дома, а потому не прошло и пяти минут, как в квартиру вошли люди в белых халатах.

Следом пришли милиционеры.

Андрюшенька поднялся с дивана, вышел во двор, затем за ограду, сел на скамейку. Было около семи часов вечера. Солнце по-прежнему сильно припекало и слепило глаза. Андрюшеньку бросило в пот, он вытер рукой взмокший лоб и глянул вверх, на лазурное безоблачное небо... Наверное, туда, в эту лазурь, устремлялась сейчас, освободившись от тела, многострадальная Володина душа. Ноги сами вынесли его на берег Маны. Он умыл лицо и присел на камень-валун.

Только теперь в полной мере до него стал доходить смысл всего происшедшего...

Володю хоронили на другой день, но ни Валерьяна, ни Андрюшеньки на похоронах не было. Народу было немного, некоторые ещё не знали о случившемся. Из-за жаркой погоды тело покойного стало раздувать, лицо посинело. Родственники попросили не делать вскрытия, сказав, что знают, отчего Володя умер. Этим и объяснялись скорые похороны.

В то утро к Валерьяну пришла бывшая работница редакции и попросила его на похоронах не показываться.

— Родственники вами недовольны, лучше не ходите, не нагнетайте обстановку. Им и так нелегко...

Валерьян остался дома и смотрел на похороны из окна.

Что касается Андрюшеньки, то две ночи после смерти Володи для него были настоящим кошмаром. В день смерти товарища Андрюша вызвал из больницы Веронику и отпросил её у дежурного врача до утра. По пути домой он взял ещё бутылку водки, но более ста граммов в тот вечер осилить не смог. Всю

первую ночь он провёл в бреду: ему казалось, что он от кого-то бежит, а его вот-вот догонят.

Утром, уходя в стационар, Вероника наказала ему по центру не болтаться, а потихоньку допивать бутылку и приходиться к себе.

— Сегодня суббота, завтра воскресенье — до понедельника его не похоронят,— сказала она.— Так что время у тебя есть, успеешь проводить друга в последний путь.

Всю организацию похорон взяла на себя редакция. Гроб заказали в деревообрабатывающем цехе коммунхоза и привезли его на редакционной «Ниве», нашли людей, которые, подогреваемые литровкой, за несколько часов вырыли могилу.

В жизни никто и никогда не видел Володю в пиджаке или костюме, но в гроб его положили именно в костюме. В белой рубашке и строгом чёрном костюме, ещё не пожилой, отливающий сединой белокурый человек, лежавший в красном гробу, выглядел красивым и мужественным. Со стороны казалось, что он не умер, а лишь заснул. Прилёт, устав, отдохнуть и задремал...

1996

ПОГРУЖЕНИЕ В ЛИСТОПАД**Романтическое повествование в прозе, но со стихами****Догнавшие осень**

В четырнадцатый год третьего тысячелетия, в тринадцатый день его десятого месяца, мы со Стёпой Славером упали с неба в мягкую московскую осень, в жёлтые ковры переделкинских клёнов. Утром ещё были в самом центре холодной, потерявшей листву и посыпанной первоснежьем Сибири, а после полудня уже шли по солнечным асфальтовым подмосковным дорожкам территории Дома творчества, застеленными специально для нас резными узорами больших жёлтых листьев.

Чудеса техники, воплощённая в реальность мысль человека и – за пять часов мы переместились на четыре тысячи километров в пространстве, прибавили себе четыре часа к сегодняшним суткам по времени, и догнали ушедшую три недели назад от Енисея за Урал золотую осень.

Два провинциальных стихотворца мы рванули в столицу на фестиваль патриотической поэзии по зову нашего друга поэта Молоткова, и собирались на семь дней оккупировать двухместный номер нового корпуса писательского Дома, где до нас уже не однажды жили неделями и месяцами многие известные литераторы страны. От самой проходной до красной кирпичной четырёхэтажки ковры шуршали под ногами и шелестели с деревьев, а с лазурного потолка неба слепила и грела нам макушки яркая лампа солнца. Воздух хрустел в такт нашим шагам, но даже обильно разлитого здесь кислорода не хватило, когда поднялись по ступенькам крыльца.

– Подожди немного, дай отдышусь... – попросил меня Степан, когда я потянул на себя стеклянную дверь писательской гостиницы.

Мы подождали возвращения дыхания и с первыми ровными ударами сердца, вошли.

Белокурая дежурная, узнав, что мы сибиряки-енисейцы,

признала в нас земляков её мамы, с улыбкой выдала ключ от номера и объяснила в какое время нам нужно ходить в кафе для завтрака, обеда и ужина.

Обед по расписанию с час как закончился, а до ужина было ещё четыре, поэтому, едва устроившись, мы уничтожили то, что оставалось у нас из продуктов питания, запив колбасу, хлеб, яйца и курицу апельсиновым соком, предусмотрительно купленным Стёпой в павильоне на выходе из метро.

Пятичасовой перелёт и ещё три часа и двадцать минут в дороге от аэропорта, через столицу до Переделкино, остались в прошлом, вместе с усталостью и волнениями. Впереди была московско-переделкинская неделя. Нас ждали друзья-коллеги, нас ждал конкурс-фестиваль.

Да здравствует фестиваль!

После аппетитного перекуса, я пошёл исследовать совмещенный санузел, а Славер, не был бы Славером, если бы сразу не начал записывать в рифму свои дорожные впечатления.

Пока я принимал душ Степан, как истинный и первый поэт Сибири, записал стихотворение о сегодняшнем перелёте «Приземлюсь во Внуково» и два первых из будущего цикла «Транзитом в Переделкино». Он заканчивал второе, когда я вышел из душа и развалившись в кресле, приготовился слушать.

Славер сосредоточился, приподнялся с дивана, где записывал в блокнот строки, прямо на коленях, разгладил усы и чуть сбивчиво, но с пафосом прочёл свежие стихи, подавая пример мне, не входящему даже в первую десятку сибирских пиитов.

Душ принимать до ужина он не стал, а поймав кураж, записал ещё несколько строк очередного своего шедевра. Мы сфотографировались на балконе, на фоне клёнов и фонарей образца середины двадцатого века, а потом на фоне окна и балконной двери постройки восьмидесятых. Солнце уже садилось, когда пошли на ужин в «стекляшку» – пристройку семидесятых к старому корпусу Дома творчества – бывшую столовую, а ныне кафе. Как оказалось, это был первый и последний за все семь дней законный наш ужин там. Начиная со следующего

утра, другие дни закружили нас, вместе с листьями клёнов, дубов и тополей, завертели в кругу поэтов, критиков и читателей, замотали в бесконечных переходах метро, в пригородной кассе Киевского вокзала, в ранних и поздних электропоездах.

В стоимость нашего проживания в Доме творчества входило трёхразовое питание, но куда мы не собирались сутками обитать в Переделкино и все планы наши были связаны со столицей, то успевали только на завтраки. Что предлагают на обед в переделкинской «стекляшке» мы со Стёпой так не узнали.

Обеденное время мы проводили в столице: один раз у Молоткова, другой – в попутном «Бистро» недалеко от Красной площади, в третий – заглянули в «Макдоналдс» на Тверской. Ещё два раза обошлись чаем с чебуреками возле метро «Баррикадная», а однажды решились спуститься в легендарный подвальный Центрального Дома литераторов. Но об этом отдельный рассказ.

Дискуссии на фестивале, экскурсия в Литературный институт, выступления в библиотеках (иногда с чаепитием) занимали нас с утра до вечера и мы добирались до Переделкино в лучшем случае, когда в кафе Дома творчества заканчивали мыть вечернюю посуду.

Возлюбившие лапшу

Каждый раз, шагая от железнодорожной платформы к Дому творчества, мы проходили мимо круглосуточно работающего павильона и, естественно, заворачивали на огонёк, покупая хлеб, колбасу, апельсиновый сок и лапшу быстрого приготовления «Доширак».

«Доширак» вошёл в наш рацион и нашу переделкинскую жизнь в самый первый вечер. Поужинав, мы вышли тогда прогуляться по тёмным улицам посёлка писателей, по тускло подсвеченным редкими фонарями аллеям территории Дома творчества, собирая охапками большие кленовые листья, с намерением сложить их между страницами подаренных нам мо-

сковскими литераторами книг и увезти в Сибирь. Пока ходили, дышали свежим воздухом, снова почувствовали лёгкий голод, а ноги вывели нас на павильон, так и заманивающий бредущих в полутьме на свой яркий маячок. Вот тогда покупая колбасу, хлеб, сок, мы решили взять и две пластиковых упаковки «Доширака».

– Надо чего-то горяченького перед сном поесть, – убедил меня Степан.

Залитую кипятком лапшу, вприкуску с колбасой мы съели с неожиданным азартом и, довольные проговорили до полуночи. Спихватились, когда высчитали, что на Енисее, где мы были ещё сутки назад, теперь четыре утра. В общем, первый день, да и вечер в Переделкино прошли на возвышенно-поэтическом уровне и ночь мы спали хорошо.

А во второй наш переделкинский вечер, выжатые фестивальной суетой, но вдохновлённые лауреатством Славера, мы решили обмыть его награду, прихватив в павильоне к колбасе, хлебу, соку и «Дошираку», 250-граммовую бутылочку водки. Разлив сразу всё в три пластиковых стаканчика, в один из них погрузили Стёпину лауреатскую медаль. К опустившейся на дно нижним лучом звезде, поэт-лауреат патриотического фестиваля указательным пальцем правой руки подтолкнул и позолоченную шёлком колодочку, а когда питьевая жидкость стала выходить через край, он наклонился и отхлебнул.

– За нового лауреата Степана Славера! За сибирскую поэзию! – сказал тост я.

Степан протянул руку со своим стаканчиком навстречу моему, слегка задел его, а потом дном коснулся стакана с медалью, после чего выпил. Я тоже последовал примеру старшего товарища: чокнулся со «звёздным» стаканчиком. Естественно, «Доширак» уже ждал нас залитый кипятком, и колбаса была порезана на тоненькие кружочки.

И на этот раз аппетит был нашим другом.

Сражённые музыкой

После ужина, я, по складывающейся уже традиции, пошёл первым в душ, а Стёпа взялся за свой блокнот, чтобы записать срифмованные у него в голове новые строки. Я был в приподнятом настроении, Стоя под горячими струями, радовался за приятеля-лауреата и пел:

Друга я никогда не забуду,

Если с ним подружился в Москве!

Да, друзей у нас со Стёпой за первые два дня в Первопрестольной появилось не мало. Мы исписали по блокноту, внося на страницы имена, фамилии, номера телефонов и адреса электронных ящиков. Набрали коллекцию визиток поэтов, прозаиков и литературных критиков. А до отлёта на Енисей была ещё уйма времени и впереди нас ждали новые встречи и новые знакомства. Сердце ликовало, душа пела и исторгала из гортани слова и мелодии.

То усиливая, то понижая пение, я не сразу услышал частый стук в дверь совмещённого санузла. Но когда всё-таки услышал, песню прекратил.

– Серый, ты пока мойся там, а я вниз побегу! У меня что-то живот закрутило... – крикнул из-за двери Степан.

– Куда вниз? Я уже заканчиваю, сейчас оденусь и выйду! – отозвался я.

– Да не могу я уже! – ещё громче крикнул Степан, – Наружу всё с грохотом рвётся! Я там, на первом этаже туалет видел. Побегу!

– Ну, давай!

Услышав, как хлопнула за Стёпой дверь, я через минуту закрыл воду и снял с вешалки полотенце.

Друга я никогда не забуду... –

Продолжал напевать я, но уже вполголоса, выйдя из ванной.

На диванчике, где Славер записывал свои шедевры, лежали блокнот, авторучка и носки. На столе оставались несколько кружочков полукопчённой колбасы на подложке, прямоу-

гольники нарезанного хлеба, бумажная упаковка с недопитым соком, две пустых упаковки из-под лапши, пустая бутылочка из-под водки, два пустых пластиковых стакана и один с утонувшей в водке лауреатской медалью Степана. Надев спортивные штаны, я, немного подумав, накинул и рубашку. Застёгивая пуговицы, обнаружил отсутствие второй сверху. Лениво посмотрев под ноги и на кресло, я решил отложить её поиски на потом, а сначала навести порядок на столе, где помимо недоеденных нами продуктов, лежали стопочками подаренные нам со Стёпой московскими авторами книжки с автографами-пожеланиями и без таковых. Сложив в одну из упаковок пустые стаканчики и бутылку, я вложил её в другую упаковку и понёс в санузел, к мусорному ведру. Вот там, в санузле, в моё второе за вечер восшествие туда, у меня сначала заурчало в желудке, а потом запело и мелодично рванулось наружу. Мелодия похожая на звук флейты, прозвучала, едва я освободился от мусора. А следом, после первого же моего шага, грянули трубы, басы и барабаны. Я бросился к унитазу и, уже сидя на белом изделии из фаянса, слушал и слушал не прекращающуюся игру желудочного оркестра.

Я представил дирижёра, взмахивающего палочкой и музыкантов с трубами надувающих щёки, скрипачей перепиливавших смычками прижатые к подбородкам инструменты, контрабасистов перебирающих большие струны и стоящего одиноко впереди всех распевающегося солиста.

«Ааааааааа...»,

«Ооооооооо...»,

«Уууууууууууу...».

Минут через десять в дверь санузла постучал Стёпа.

– Серый, ты ещё там? – спросил через дверь лауреат.

– Да здесь... Меня тоже закрутило... – ответил я, продолжая слушать инструментальный концерт.

– А я еле добежал до первого этажа! – признался друг, – чуть успел. Прямо перед вахтёршей неудобно. Она ко мне с разговорами, а ей рожи корчу, едва сдерживаю то, что у меня в желудке бурлит, наружу рвётся...

Переговариваясь через дверь, мы пришли к версии, что причиной нашего желудочного расстройства мог стать «Доширак».

Выйдя из санузла, я порылся в своей походной сумке, нашёл угольные таблетки и убедил приятеля проглотить сразу по три. Запили апельсиновым соком и решили лечь спать.

То ли таблетки действительно подействовали, то ли дала знать о себе усталость, но уснули почти сразу и проспали до завтрака.

Воздержавшиеся от любви

Под утро мне приснились девчонки в купальниках. Их было трое, симпатичных, одна лучше другой, Девчонки без умолку смеясь, звали меня купаться. А я, испытывая сладкую истому, блаженствовал лёжа на песке, на берегу то ли реки, то ли озера, а может даже моря и никуда не хотел идти. Девчонки тянули меня за руки, за ноги, обнимали, даже целовали и поднимали за плечи...

Проснувшись, я увидел Стёпу сидящим на диване и записывающим в блокнот новые строки. Лица и улыбки девчонок ещё стояли перед глазами. Впечатлённый сновидением, я решил было рассказать про сон приятелю, но он меня опередил.

Оторвавшись от блокнота, Степан неожиданно сказал:

– Сегодня всю ночь меня девки мучили.

– В каком смысле? – ошарашенный, задал я ему глупый вопрос.

– Тащили меня за руки и уговаривали на «Мерседесе» кататься...

Когда я, задыхаясь, рассказал ему о своём сне, Стёпа выпустил из рук блокнот и уронил на пол авторучку.

– Это неспроста! – воскликнул поэт-лауреат, – У меня прямо во сне такая ломота началась, что даже домой захотелось, к жене.

– А может, это тоже последствия «Доширака»? – предположил я.

Степан задумался, но ничего не сказал, лишь поднял с пола авторучку и снова записал несколько строк в блокнот.

Пока собирались на завтрак, я нашёл пуговицу от своей рубашки, спрятавшуюся в уголке кресла.

Я был рад находке и поделился новостью со Стёпой.

– А я вот, наоборот, носок потерял, – сказал на это лауреат патриотического конкурса, – вчера выложил из сумки на диван четыре носка, а утром смотрю – три. Куда один девался? Под диваном нет, под кроватью – тоже и на полу не валяется.

Степан надел два парных носка, оставив одинокий на диване, и мы отправились на завтрак.

После завтрака настроение наше поднялось. Вчерашние приключения в санузле, показались мне недоразумением, и я был уже полон мыслями о предстоящих встречах в столице с друзьями и ещё неизвестными мне людьми. Стёпа, кажется, тоже забыл о вчерашнем неприятном путешествии на первый этаж и непарном носке на диване.

В общем, мы как обычно собрались, совершили марш до железнодорожной платформы, благополучно втиснулись в электричку. Ну, а дальше: Киевский вокзал, метро, встреча с друзьями. День снова пролетел как сон. В компании двух поэтесс – Инессы и Велесы мы съели по два чебурека у метро станции «Баррикадная», под знаменитой московской сталинской высоткой. Поэтессы читали нам свои стихи. Инесса на манер Поля Верлена, в переводе Бориса Пастернака, а Велеса в стиле русских былин. Я хвалил их и хлопал в ладоши, оценивая стихотворок не за их вирши, а за женственность и привлекательность и, когда Славёр, не терпящий фальши в поэзии, пытался их критиковать, я, как бы случайно, опрокидывал его стаканчик с чаем. Дважды чай выливался на асфальт, один раз на куртку лауреата. После каждого чаепролития, я доставал из кармана мелочь и отправлял Степана за новым стаканчиком с горячим чаем и, как полагал, тем самым гасил возможные недоразумения на самой их начальной стадии. Поэтессы мне понравились, ещё и потому, что были похожи на девчонок из моего сна. Я даже подумал пригласить их к нам в переделкин-

ский Дома творчества, но они, называя нас ласково Сереньким и Стёпочкой, наперебой говорили, что они наши литературные сёстры. Получалось, что мы были им почти родные братья. Мы со Степаном, хоть и были поэтами, но выводы сделали – с собой их так и не позвали.

А московская осень дарила нам ещё один хрустальный денёк. Солнце пригревало по-летнему и ласкало и нежило нас. Хотелось любви и восторга, хотелось общения с прекрасными поэтессами, долгого и даже нескончаемого разговора с женщинами, ранее не виданными нами, хотелось бродить по московским улицам и скверам бесконечно и говорить и слушать, и снова говорить...

Хотелось...

Наверное, всё же хотелось больше мне. Хотя и Степану, видимо, тоже. Правда, ему ещё всё-таки хотелось провести разбор творчества поэтесс и вынести свой вердикт. Я мешал ему как мог. Даже рассказывал анекдоты.

Девчонки расцеловали нас по-родственному уже в глубоком подземелье, где мы разъехались в разные стороны, договорившись встретиться завтра у памятника Первому Поэту Всея Руси. Стёпа на прощание, всё же хотел что-то сказать поэтессам про их стихи, но поцелованный сразу с двух сторон, закрыл рот, едва разинув.

По пути в Переделкино, в электричке, Степан, поведал мне свою тайну, сообщив, что деньги на мелкие расходы у него кончились, и ему придётся вскрыть «зачачку», зашитую супругой в нижнем белье. Стёпа не уточнил – где именно, а я не спросил. Там же в электричке, вспомнив вдруг вчерашнее приключение, я сочинил несколько вариантов четверостиший, остановившись на вот таком, более приличном, чем остальные:

Чтоб мужской торчал прибор,
Вёл желудок разговор,
Чтоб в стихах ты был мастак –
Ешь почаще «Доширак»!

Сочинил, наверное, ещё и потому, что понял, что на ужин мы опять опоздали и нам придётся снова, проходя мимо па-

вильона, купить колбасы, хлеба, апельсинового сока и лапшу «Доширак».

Стёпе Славёру зачитать такое я не рискнул, но когда мы пришли в свой номер, загрузив в павильоне пакеты традиционным набором продуктов (водку в этот раз не брали), я размашисто записал эти четыре строчки на листочке своего блокнота, оторвал и прикрепил на скотч в санузле, рядом с зеркалом.

Сделал это, после того как мы съели купленную лапшу, и я пошёл принимать душ, а Степан, как всегда взялся за блокнот и авторучку, устроившись на диване.

Прикрепив листочек со стихами я, отрегулировал потоки воды и встал под душ, на этот раз напевая:

*Москва златоглавая,
звон колоколов,
Царь-пушка державная,
аромат пирогов.*

Я пел и вспоминал горячие чебуреки на «Баррикадной», симпатичных поэтесс неестественно белокурую Инессу и естественно-живую Велесу, отдавая предпочтение Велесе за искренность в глазах и толстую русую косу до пояса. С перекинутой через плечо косой, в лёгкой сиреневой косыночке, Велеса была божественна, как сама Лада.

С чувством лёгкой влюблённости, уже выходя из санузла, я подумал, что «Доширак» всё же не так виноват в наших со Стёпой вчерашних желудочных проблемах. Вчера нас выжал фестиваль, и мы расслабились, а сегодня нас вдохновили Инесса с Велесой и мы прекрасно себя чувствуем, даже поев лапши.

Мысли мои в этом направлении укрепились ещё прочнее, когда я глянул на Стёпу, увлечённо записывающего свои вирши в свой, разбухший от стихов, блокнот и не обращающего на меня внимания. Поняв, что мне снова убирать со стола, не мешая приятелю, я упаковал в контейнеры из-под лапши, всё, что нам уже было не нужно и понёс к мусорному ведру в санузел. Листочек рядом с зеркалом сразу бросился в глаза. Я подумал, что теперь строки, записанные мною не так актуальны, но снимать листочек не стал: пусть останется для истории.

Я бросил мусор в ведро и замер на минуту. Желудок молчал. Концерт не начинался. Оркестранты и солист сегодня отдышали.

– Серый, я тут Инессе посвящение написал, – сказал мне Стёпа, едва я снова появился перед его очами, – Она хоть и прозападные стихи пишет, но красивая. Сочинил ей пожелание: от корней не отрываться. В душ схожу, Велесе напишу. Тоже красивая... Завтра им прямо под памятником Первому Поэту России и прочту.

Лелеющие унитаз

Стёпа разделся до трусов, сунул ноги в тапочки-сланцы и довольно-сияющим пошлёпал в совмещённый санузел.

Я же сел в кресло и включил телевизор. Искося глядя на экран, ожидая новостей спорта, раскрыл сумку, достал несколько подаренных мне сегодня книжек. Среди них были небольшие сборники стихов Инессы и Велесы.

«Брат сибирский дорогой!
Не забудь сестру свою, девицу.
И октябрьские звёзды над Москвой,
И счастливые сияющие лица!
Нашей встречей буду я гордиться!», –
Было начертано Велесой на сборнике подаренном мне.
Инесса написала на своей книжке следующее:
«Серому от Белой,
Сибиряку от москвички,
Поэту от поэтессы.
Мои стихи – Вам...».
Интересно, что они там Славтеру написали?

Читать стихов из сборников я не стал, а полюбовавшись фотографиями столичных див на обороте обложек, вложил в сборнички по кленовому листочку, вместо закладок.

Уложив эти и другие книжки в большую сумку, где уже лежало с десятков подаренных мне и упакованных для путешествия в Сибирь сборников, я решил попить чаю.

После ужина на столе оставались два кружочка колбасы и кусочек хлеба. Я хотел было отрезать ещё колбасы, но, не найдя на столе ножа, решил обойтись тем, что было.

Дождавшись спортивных новостей и узнав, кто и как с кем сыграл в набирающем ход чемпионате страны по футболу, я переключился на передачу о культуре и литературе.

Прошло примерно полчаса, прежде чем я вспомнил о Степане. Сбавив громкость телевизора, прислушался. В санузле было тихо: ни шума воды, ни шуршания, ни кряхтения.

– Стёпа, ты живой? – спросил я, подойдя к двери туалета.

Степан не ответил.

– Стёпа! – громче позвал я друга, – Степан! Ау!

– Щас, Серый, щас... – услышал я, наконец, неуверенный голос первого Сибирского поэта.

– Всё в порядке?

– Да, всё, – сказал Степан и открыл дверь.

Он стоял в трусах и сланцах, без полотенца на шее, совершенно сухой.

Сделав шаг вперёд, я обомлел: пять пяти тысячных бумажек вряд краснели разложенными по краю ванны. Будто только произведённые на свет, ещё сырые красные бумажки, доходили здесь до кондиции. В умывальнике, что под зеркалом, между ванной и унитазом, лежал потерянный со стола, нож. Чуть выше и левее белел прикреплённый скотчем листок с моим четверостишием. Сам Стёпа стоял, чуть пригнувшись, словно готовясь к рывку, и растерянно глядел на меня.

– Ты, чё, тут бабло печатаешь?.. – сам не ожидая от себя, шёпотом спросил я приятеля-пиита.

– Серый... – так же тихо сказал мне друг-сибиряк и кивнул на унитаз, – Я их оттуда выловил...

Я осторожно подошёл к универсальному тазу и осторожно заглянул.

В прозрачной воде ни денег, ничего другого не было видно.

– Больше не видно, – продолжал тихо говорить Славер, – Но должно, наверное, быть ещё... Одна или две купюры...

– Откуда они там?

– Не знаю... Выплыли...

– Сами?

Степан пожал плечами.

– Сами выплыли? – повторил я вопрос.

– Ну, да... – замялся Степан, – Я хотел сначала присесть, но глянул туда, а там – плавают...

– Может они из бочка смывного туда попали? – предположил я, – Что-то мало верится, чтобы снизу выплыли...

Я снова заглянул в слегка шипящий унитаз: деньги не выплыли.

– Интересный случай...

Я был в недоумении, скажу больше, в растерянности. Мне не один раз в жизни приходилось находить деньги: и мелкие монеты и крупные купюры. Они чаще попадались на улицах, на рынках, на вокзалах и в магазинах лежащими на земле, на асфальте, на полу... Но чтобы купюры выплывали из унитаза!..

– Ну, раз ты утверждаешь, что деньги выплыли снизу, то они, и вправду, могут выплыть ещё... – сказал я, подумав, – Нам пока бросать в унитаз ничего не надо и слив делать не надо... Будем ходить в туалет на первый этаж...

– Ладно, – кивнул Степан, – А помыться можно? Это не повлияет на состояние унитаза?

– Да, мойся, конечно, – разрешил я, – На унитазе это не отразится. Ты только деньги убери с ванной, разложи лучше возле батареи и мойся.

Степан снова кивнул и я, оставив его, пошёл на первый этаж. В разведку.

– У вас там, что-то случилось? – спросила меня встревожено белокурая дежурная – дочь сибирячки, выдававшая нам ключи в день заселения.

– Да, нет, всё нормально, – успокоил я её, – Просто приятель там, в ванной моется, а мне в туалет нужно...

– А я уж подумала, что у вас там, что-то сломалась. Вчера друг ваш санузел искал, теперь вы... – сказала она уже спокойнее, – Дверь налево от лестницы.

– Спасибо.

Я задержался в туалетной комнате подольше, с намерением до утра больше не ходить. Но всё же, под утро не выдержал, а после завтрака завернул налево от лестницы ещё раз.

Степан за ночь бегал дважды. И я, и он, уходя на первый этаж, проделывали маршрут через наш санузел и заглядывали в унитаз. Вода в нём оставалась прозрачной. Ни пятитысячные, ни тысячные, ни другим достоинством купюры всплывать больше не хотели.

Той ночью я просыпался ещё раз от негромкого стука и шороха. Степан крехтя, отодвигал кресло в комнате и заглядывал под диван, высвечивая там маленьким фонариком, который всегда возил с собой.

Утром он мне объяснил, что искал потерянный носок.

– Зато нашёл вот. Твою пуговицу.

Степан протянул мне на ладони пуговицу из разряда таких же, что были на моей рубашке.

– Да я же вчера нашёл... – растерялся я, принимая пуговицу и проверив карман рубашки, куда положил вчера найденную на кресле.

Вчерашняя пуговица была там. А откуда взялась эта?

– Ладно, будет запасной... – улыбнулся я другу, укладывая его находку в тот же нагрудный карман рубашки.

Уходя на завтрак, мы вместе зашли в санузел и поочередно заглянули в унитаз. Чистота и прозрачность поражали. В кафе, до завтрака и сразу после него («На всякий случай, для профилактики», – как сказал Степан) мы поочередно посетили тамашный туалет.

Не выплыли купюры и перед нашим уходом на электричку.

На этот раз нам повезло: в вагоне электропоезда народу было не много и нам даже удалось найти свободные места. Не мешая думать лучшему пииту Сибири, я записал в свой блокнот такие строки:

А чудеса случаются:
Есть чудо-унитаз.
Купюры там купаются.
Степан поймал пять раз.
Мы возле унитаза
Дежури́м по утрам.
Но пока ни разу
Поймать не смог я сам.
Ни тыщи, ни полтыщи,
Ни сотни, ни полста.
Об этом только мысли,
Об этом лишь мечта.
Мы таз универсальный
Лелеем, бережём.
В него мы натуральное
Ни льём и не кладём.
Забыв предназначение,
Потребности забыв,
Мы ловим вдохновение
Не дёргая за слив.

Конечно же, я не рискнул такими виршами потревожить думы лидера сибирских поэтов. Как только показалась платформа Киевского вокзала, я спрятал свой блокнот поглубже в сумку и тронул за плечо задумавшегося Славера.

– Нам сходить...

Пленённые Концетратом

У памятника Главному Поэту Отчизны мы встречались не только с Инессой и Вилесой. Там нас ждал ещё и мой друг по Литературному институту Ярослав Армавиров, приехавший в столицу на фестиваль поэзии из Ставрополя. Все вместе мы собирались в Центральный Дом всех литераторов всей страны, где в легендарном кафе-подвальчике в два часа пополудни назначил нам встречу инициатор патриотического фестиваля Сева Молотков. Мы действовали по его плану.

Когда мы со Степаном вышли из подземного перехода в районе станций метрополитена: «Пушкинской», «Чеховской»

и «Тверской», Ярослав уже фотографировал Инессу с Велесой на фоне памятника Величайшему поэту. Я сразу же виновато начал извиняться за то, что мы приехали позже всех, приплетая в причины электричку и завтрак по расписанию.

– Не стоит извинений, – оборвала меня Велеса и, взяв под руку, добавила: – Все знают, что вы за городом живёте. Это нам здесь, на метро, почти ничего не стоит до центра добраться.

Инесса держала под руку Ярослава. Оставшийся без пары, стоявший между нами и напротив памятника, Стёпа Славен не растерялся и начал громко читать стихи, посвященные нашим поэтам. Когда он закончил, Инесса и Велеса, не отрываясь от нас с Ярославом, уже держали стихотворца с двух сторон под руки. Вот такой плотной группой мы и сфотографировались вначале на фоне Тверского бульвара, а потом у памятника, попросив нажать на кнопку фотоаппарата прохожего молодца.

Потом мы прогулялись вниз по Тверской до Красной площади, по пути зашли в знаменитый книжный магазин, где Ярослав, приобрёл большую книгу литературоведа Юрия Лотмана «Беседы о русской культуре». Запечатлевшись на фото возле Кремля и ГУМа, мы прошли по Александровскому саду до Боровицких ворот, вышли на улицу Моховую, а потом на Большую Никитскую, долгое время носившую имя А.И. Герцена. Конечно же, наш неспешный путь лежал к Центральному Дому литераторов, к ЦДЛ, где, мы не сомневались, нас ждал в назначенное время неугомонный, вечно живой поэт Молотков.

Да, мы не торопились. Шли по улице, останавливались, фотографировались, читали стихи. Степан с Ярославом, читку по очереди, превратили в поэтическую дуэль. Особенно их шпаги обострились, когда мы подошли к фонтану-ротонде «Натали и Александр», установленному у Никитских ворот в честь 200-летия Великого поэта. Сфотографировались в ротонде, а потом на фоне церкви «Большое Вознесение», где венчалась великая пара. Остановились у памятника писателю Алексею Толстому, там же решив, что необходимо заглянуть и к его однофамильцу-графу Льву Николаевичу.

Чтобы выйти на Поварскую и к дому Ростовых, мы

прошли мимо Дома литераторов, полагая, что до встречи с Молотковым у нас есть ещё час времени.

До чего всем нам было тогда хорошо! Мы чувствовали себя счастливыми! Столица располагала к нам сибирякам и к нашему другу из Ставрополя гостеприимством и погодой. Москва радовалась нам и нашим поэтессам-москвичкам продолжая шуршать золотом клёнов, бросая нам под ноги резные листья. И мы восторгались непрерывно. Я – от встречи с поэтессами, особенно с Велесой, Ярослав – от счастья побывать на фестивале и встретиться с нами, Степан – от сочинённых здесь им стихов, Инесса и Велеса – от общения с литературными братьями, которых стало больше на одного, благодаря Ярославу и ожидания скорой встречи с ещё одним – Молотковым. И солнце, взобравшись в самый зенит столичного неба, жёлтым алмазом сияло для всех и, показывало, что оно сейчас в хорошем расположении к Москве, москвичам и приезжим.

Сфотографировавшись возле Льва Николаевича и прославленного им на века Дома дворян Ростовых, мы с Ярославом помахали на всякий случай в окно второго этажа, где находился офис нашего крёстного литературного отца по столице – Леонида Васильевича Критика-Байкальского – главного редактора «Поэтическо-прозаического Парнаса» и по совместительству Президента Академии Российской Словесности. Помахали на всякий случай – вдруг он там, за шторкой, за своим рабочим столом. В план Молоткова, обрисованный нам на сегодня, наше посещение офиса редактора и президента не входило, поэтому мы заходить к крёстному папе не стали, а поспешили в ЦДЛ.

Центральный дом литераторов России и ближнего зарубежья всегда притягивал приезжающих в столицу писателей и поэтов. Попавшие на день-два, а то и на месяц в Москву литераторы, как правило, стараются выкроить время и заглянуть на какое-нибудь мероприятие в ЦДЛ и большинство из них обязательно спускаются в знаменитый писательский подвалчик, выпить по сложившейся традиции сто (двести, триста, а то и более) граммов «Столичной» водки и закусить порцией (а

то и двумя) почти что фирменной солянки. Ресторанчик этот описан в нескольких литературных произведениях известных всей стране писателей и даже неизвестным многим в России поэтом из Байкита по фамилии Неизвестных. Мы со Стёпой Славяном видели этот подвал в фильме «Козлёнок в молоке» снятого бригадой из трёх режиссёров по роману популярного с молодых лет Юрия Полякова. Знаком подвальчик и сам Дом писателей и Ярославу-ставропольскому. В ЦДЛ мы ходили с Яриком каждую пятницу, в бытность нашу учащимися Высших литературных курсов, пробираясь дворами из Литературного института на творческие встречи. Заглядывали и в подвальчик, выделяя из скромной стипендии гроши на чай и бутерброды. В большом зале мы встречали Юрия Бондарева и Мустая Карима, приветствовали 90-летнего Сергея Владимировича Михалкова и всегда молодую Беллу Ахатовну Ахмадулину. В переполненном малом зале попали один раз на вступление Евгения Евтушенко, а в фойе, у книжной лавочки бывало сталкивались с Валентином Распутиным, Константином Ваншенкиным, Егором Исаевым и ещё многими, многими и многими...

А скольких знаменитых артистов театра и кино видели мы на сцене ЦДЛ! Георгий Жжёнов, Михаил Ножкин, Василий Лановой, Сергей Никоненко, Лидия Скобцева, Людмила Зайцева... Всех даже не перечесть!

Отсюда мы провожали и в последний путь ставшего при жизни классиком поэта Юрия Кузнецова.

Ярослав первым оказался возле стеклянной двери ЦДЛ и, открыв её, пропустил сначала Инессу с Велесой, а потом и нас со Степаном.

– Вы обедать, ребята? – спросил на входе улыбчивый охранник.

– Да, обедать, – ответил за всех Ярослав.

– Проходите, проходите! У нас вкусно готовят. Прямо, направо, вниз!

Охранник не гася улыбки, сделал несколько дирижёрских движений, показывая: куда нам следовать и мы, не вступая в разговоры, пошли по указанному им направлению.

Молоткова ещё не было. Пока раздевались, Ярослав переговорил с кассиршей и сообщил, что нам разрешили сдвинуть два столика у стенки в средней части зала.

Степан и девчонки сели за столик, а мы с Ярославом подвинули в притык ещё один и, подставив два стула, устроились рядом. Впрочем, скорее устроился я, а Ярослав, присев на полминуты, тут же поднялся и пошёл заказывать обед.

Нам принесли шесть порций солянки, шесть отбивных с гречкой окропленной подливом, графинчик с водкой.

– Я на Севку тоже заказал, – пояснил Ярослав, – должен уже быть... С утра звонил, предупреждал, чтобы я не опаздывал, а самого нет что-то... Давайте немного подождём. Минут пять...

Через пять минут Сева не появился, не пришёл и через десять. Солянка остывала, водка выдыхалась, и мы решили выпить по пятьдесят граммов, закусив горячим.

– Я рад, что мы вместе, – сказал короткий прозаический тост ставропольский поэт.

Мы кивнули и сдвинули рюмочки в центре стола. По негласному сигналу Ярослава выпили почти одновременно и взяли за ложки.

Божественная солянка заблаженствовала во рту, протекла согревая по трубочке горла и достигнув желудка, ублажила пещевод. Я не стал выяснять состав блюда, не торопясь делал черпачок за черпачком, неспешно пережёвывал, глотал и наслаждался. Остальные ели азартно, не поднимая голов. Совершив с утра долгую прогулку по столице, мы нагуляли аппетит, и теперь он командовал нами.

Молотков появился неожиданно. Словно вырос за спиной Ярослава, сел на свободный стул.

– Не знаю, что и делать? – сказал он, не здороваясь и не снимая осенней куртки, – Тут ко мне Концентрат прицепился, а я не смог от него отвязаться.

– Какой Концентрат? – потребовал от него не навязчивого объяснения Ярослав, доев первым свою солянку.

– Да, Витамин... – попробовал пояснить Молотков, – сти-

хотворец один здешний... Не совсем нормальный... Встретил меня возле «Баррикадной» и не отстаёт. Я два круга дал тут, а он за мной ходит, спрашивает: почему я его на фестиваль не пригласил? Там его ещё не хватало!

– А где он? – спросил Ярослав, отодвинув пустую тарелку и потянувшись к другой – с отбивной и гречкой в подливе.

– Пришлось сюда с ним идти, а что ещё делать? – говорил Молотков, расстёгивая молнию куртки, – Он в туалет пока, а я к вам – предупредить. Может, оттуда выйдет, искать меня не станет?

Молотков посмотрел на всех с надеждой и наконец, поздоровался: нам со Стёпой кивнул, а девчонкам устало улыбнулся.

– А что он нам сделает, если и найдёт? – поинтересовался Ярослав, пока мы заканчивали с солянкой.

– Да он вообще ничего не даст никому сделать. Даже слова сказать не даст! Его только и будем слушать.

Молотков поднялся, снял куртку, повесил её на спинку стула и снова сел.

– Ну и ладно... – сказал на это более инициативный Ярослав, – Посмотрим, когда придёт. А пока давайте ещё по пять-десять граммов. У нас гречка остыла уже, а ты Севка солянкой закусывай.

Я, Стёпа и Велеса с Инессой снова подчинились команде ставропольского поэта. Рюмочки (на этот раз шесть) опять сдвинулись и повисли в центре стола.

– За встречу, друзья! Рад всех видеть! – сказал Молотков и выпил первым.

Московский поэт, после «Столичной», набросился на цэдээловскую солянку, а мы уже орудовали ножами и вилками, разбирая на части отбивные и заедая гречкой с подливом.

Концентрат, названный Молотковым ещё и Витамином, как и многие московские пииты или давно окопавшиеся в столице стихотворцы, тоже имел способность появляться в нужных ему местах неожиданно-незамеченным. Сначала мы услышали полубас-полухрип, а потом уже увидели стоящего за спиной

Сева седого длинноволосого небритого человека в выцветающем френче, когда-то имевшем чёрный цвет.

– Пока я в писательском сортире порядок навожу, поэт Молотков уже к столику пристроился и ровняет себе шею с ушами!

Человек засмеялся, разбрызгивая при этом слюной прямо над головой нашего друга, и мы догадались: что это и есть Концентрат-Витамин.

Сева опустил ложку в тарелку и замер. Но не остановился Ярослав: он решил взять сегодня на себя бремя нашего лидера.

– Вам кого, товарищ? – спросил он, возникшего из ниоткуда человека, держа в одной руке ножик, а в другой вилку, – Мы все вот здесь – друзья. Съехались из разных городов страны в столицу нашей Родины – город-герой Москву, встретились и решили отметить нашу встречу. Вас мы не знаем и к себе за стол не пригласим. Не надейтесь и идите своей дорогой.

Но Витамин ни грамма не смутился.

– Ты-то вот, землячок, допускаю, обо мне может и понятия до сегодняшнего дня не имел, как и вот эти два залетевших на московский листопад красавца, – сказал он, кивнув на нас со Стёпой, – а вот Молотков Всеволод Иванович, поэт и организатор фестивалей знает меня уже лет двадцать. И этим девицам я тоже знаком, хотя представлен им пока не был. Так, что пятьдесят процентов вашей компании обо мне знают, а потому я беру на себя смелость и право присоединиться.

Витамин за годы жизни в столице, видимо, приобрел сноровку не только появляться неожиданно там, где ему надо, но и способность вживляться в разные компании, сходу, с напору и с натиску.

Концентрат взял стул от соседнего стола и бесцеремонно втиснул его между Молотковым и Славяром.

– Всё же позвольте представиться, – с поклоном, приседая и раздвигая Севу со Стёпой, произнёс он басовато-хриповато, – Виталин Концентратов – поэт московских тусовок и подмосковных вечеров. В имени прошу делать ударение на последний слог.

Все, включая Молоткова, молча смотрели на нахально внедряющего в нашу компанию человека.

А поэт тусовок и вечеров, видя нашу растерянность, плеснул из графинчика в опустевшую Севкину рюмку «Столичной», быстро выпил, и, не дав никому опомниться, вцепился вилкой Молоткова в его же отбивную.

– Концентратов – это псевдоним? – спросил пришедший в себя первым наш лидер – поэт из Ставрополя.

– Да, конечно же! – воскликнул Молотков, понявший, что его не только объедают, но ещё и обпивают, – На самом деле – это пытающийся выдать себя за известного поэта – некто Виталий Синепопов.

– Я член Союза! – прохрипел Концентратов-Синепопов, – И Синепоповым я никогда не был! Это враньё! Наглая выдумка завистников.

– Только мне не говори! – пошёл в атаку Молотков, – Я твои документы видел в приёмной комиссии в Союз и знаю, как ты туда вступил!

– Вступил, как все нормальные настоящие поэты, – не смущаясь и прожёвывая отбивную, сказал Концентратов, – Не вступил даже, а впорхнул, влетел на Пегасе на второй этаж особняка на Комсомольском проспекте. А потом ...

Виталин, названный Севой Виталием, перестав жевать, поднял над головой вилку.

– А потом, покорённая моим стихами и облитая слезами комиссия, долго аплодировала мне стоя... И я ушёл отсюда с членским билетом в кармане и долго-долго летал над столицей.

Виталин Концентратов, по другим данным Виталий Синепопов, бросил вилку на стол и посмотрел на нас. На всех по очереди.

– У меня, как у настоящего поэта, много завистников и недоброжелателей, – сказал он, остановив взгляд на Молоткове, – Я не отношу тебя, Сева, к таковым, но с фестивалем в этот год ты меня прокатил. Ну и ладно, прощаю. Зато меня в Мытищи, в Люберцы, в Королёв постоянно выступать приглашают. Любят меня там и пожилые и молодые. Особенно поэтессы начинающие.

Виталин снова рассмеялся и снова обрызгал слюной Молоткова.

– Ну, ладно, ладно... – укрывая лицо рукой, чуть отодвинулся Сева, – ты только, Виталий, стихов нам не читай. Мы уже заканчиваем тут и расходимся по своим делам.

– Да не буду, я не буду, не беспокойся, – закивал Концентрат, выливая из графина остатки водки в рюмочку Молоткова, – Хотя, может и надо было... Я сейчас в туалет здешний зашёл, а там все четыре кабинки заняты, и очередь человек из десяти стоит. Думаю, дай посмотрю: чем тут так кормят, что народ косяками в сортир валит. Гляжу и вправду вкусно готовить научились. Отбивная – шик!

Концентратов-Синепопов выпил водку и стал доедать молотовскую отбивную.

Мы переглядывались и молчали, пока он ел. Сидели как угодившие под гипнозом в концентратовский плен. Мне показалось, что попроси Виталин у нас ещё водки и закуски, мы бы ему уступили.

– Красивые девчонки, – доев отбивную и доскребая гречку, проговорил Концентрат, довольно и с аппетитом поглядывая на Велесу с Инессой, – Меня на той неделе вот такая же вот пригласила к себе, после творческой встречи. Поехали к ней в Строгино. Прошли тихонько, чтобы соседи внимания не обратили. Ну она там столик организовала: коньячок хороший, лимончики-мандаринчики, сервелат, икорка... Пока поэтесочка ванную принимала, я не удержался: раза три к рюмочке приложился, шоколадом закусил... И видать от коньяка-то (я обычно лучше водочку, но в гостях же не будешь командовать: что дадут, то и пьёшь), у меня давление поднялось. Носом кровь пошла... Эта, Наташа из ванной выскочила, не знает, что делать. А я уже брюки себе кровью закапал, и скатерть, и палас подкрасил... Она вагу бросилась искать, не нашла, дала мне бинт. Я в норку себе с полметра затолкал, брюки снял, на диван лёг вверх лицом, а кровь через рот пошла. На подушку, на диван полилось... Она мне какое-то покрывало принесла, я и его тоже уделал... Не знали как остановить. Я ещё две рюмки

коньяку выпил, но не помогло. Пришлось скорую вызывать. Зря от соседей таились, полдома видели как меня на скорой увозили. Да и увезли ещё в одних трусах... И брюки, и рубашка и сумка с телефоном и деньгами – всё у неё осталось. Представляешь? – обратился почему-то к Славеру захмелевший уже Виталин-Витамин, – Я в одних трусах в больнице скорой помощи. Они мне там что-то в нос впрыснули, укол поставили, кровь бежать перестала. И всё – гуляй, Виталя! Иди, мол, домой поэт Концентратов. Позвонить разрешили, правда. А я поэтессы этой Наташки, фамилию даже не знаю, не то, чтобы номер телефона... Дозвонился до одной бывшей, привезла она мне брюки какие-то – джинсы с дырками и рубашку такую же. Дала сто рублей на автобус...

– Ну, а потом? Вещи свои вернули? – спросил с участием Славер.

Остальные молча смотрели на говорившего. Инесса с Велесой – чуть смущённо, я, Ярослав и Сева – с видимым желанием услышать конец рассказываемой истории.

– Да, конечно вернул... – взмахнул рукой и ударил по столу Витамин, – Чтобы Концентратов да не вернул! Она сама меня нашла и привезла всё...

Не знаю, как бы мы освободились от надоевшего нам поэта Виталина Концентратова. Скорее всего, Ярослав бы снова взял инициативу на себя и дал команду заканчивать трапезу. Сам Концентрат расставаться с нами не спешил. Но тут нам был послан свыше зашедший вдруг, в кафе-подвальчик наш любимый наставник Критик-Байкальский.

Он искренне обрадовался нам с Ярославом. Мы не виделись лет пять, и Леонид Васильевич крепко пожав нам руки, стал приглашать в свой офис.

Мы сразу же дружно и облегчённо поднялись и облегчённо почувствовали, что освободились от концентратовского гипноза. Виталин же не хотел нас отпускать от себя и засобирался было с нами.

Заметив это редактор «Поэтическо-прозаического Парна-

са» и президент Академии Словесности, порыв поэта подмосковных вечеров остудил, задав ему простой вопрос:

– Ты когда мне, Виталя, двести рублей занесёшь?

Виталин-Виталий тут же замер.

– Третий год уже пошёл, как ты на два дня у меня занял. Учти, инфляция уже в пять раз их подняла за это время. Так, что сам считай: сколько это теперь будет по нынешнему курсу...

– Леонид Васильевич, я отдам, я... – замялся поэт тусовок и вечеров.

Блеск в его глазах мгновенно угас, улыбка растаяла, и он как-то сразу стих, сник, стушевался. Будто спрятался в свой выцветший, когда-то бывший чёрным, френч.

Улетающие из сказки

Вечером, перед самым нашим отъездом в аэропорт, небо вдруг нахмурилось. Столица то ли сердилась на нас, то ли не хотела отпускать, пугая не лётной погодой. Москва подарила нам семидневную золотую сказку, и теперь сказка заканчивалась. Сказка с добрыми и не очень персонажами, с героями, прилетевшими из-за тридевять земель, показавшими свою удаль и улетающими теперь из царства Золотой осени в своё суровое, каменное, хмурое. Герои встретились в доброй сказке со старыми верными друзьями, обрели новых и возвращались теперь домой с победой и надеждой на новые встречи.

Ещё вчера улыбалось нам солнышко, мы бегали за чебуречками к станции метро «Баррикадная», пили чай на Поварской у Леонида Критика-Байкальского и строили планы творческие и жизненные, смотрели в окно на Великого и каменного Льва Николаевича Толстого.

Ещё вчера мы шли счастливые компанией из шести человек пешком от Поварской до Киевского вокзала.

Ещё вчера мы с Велесой жали друг другу руки и расставались со страстным поцелуем и лёгкими слезами.

Ещё вчера Славер с Ярославом обменивались поэтически-

ми сборниками, подписывая книжки один оригинальнее другого.

Ещё вчера жал нам руки сияющий Молотков, взяв с нас обязательство: участвовать в фестивале на будущий год.

Ещё вчера, мы со Стёпой, в последний раз зашли поздним вечером, в знакомый павильон и уже, не из-за того, что были голодны, а скорее по сложившейся традиции взяли две пластиковых упаковки «Доширака» со вкусом говядины и, придя в номер, залив кипятком, съели лапшу, даже без колбасы и хлеба...

Ещё вчера у нас впереди был целый переделкинско-московский день...

А вот сегодня, всё заканчивалось...

Прибитые дождём кленовые ковры, в двадцатый день десятого месяца уже были не так яркие, дубы и ясени шумели над головами и охалками бросали в нас листву.

Экспресс от Киевского вокзала промчался мимо Переделкино во Внуково и, как мы не старались выглядывая в окно вагона, так и не увидели нового корпуса Дома творчества, где провели семь вечеров и ночей и где остался пустым, без нас номер на четвёртом этаже писательской гостиницы. Где остались диван и кресло, с которыми связаны потери наших носков и пуговиц. Где остался не разгаданный нами чудо-унитаз, выбрасывающий пятитысячные купюры. Где жило своей жизнью, принимая новых посетителей кафе, так и не покормившее нас обедами.

Шумный электропоезд, суетливый терминал аэропорта, не торопливая посадка, волнение пред взлётом и вот мы уже летим над огнями столицы. Поднимаемся всё выше в тёмное небо. Повыше и подальше от Москвы, от Переделкино, от Молоткова и Ярослава, от Инессы и Велесы, от фестиваля патриотической поэзии, от встреч с друзьями и чебуреков на «Баррикадной», от переделкинского павильона, где продаётся лапша «Доширак»...

Улетаем из сказки.

Улетаем, забрав не только подаренные нам книги, собранные и набитые в сумки кленовые листья. Улетаем, унося с со-

бой воспоминания тёплые, грустные, щемящие в груди. Улетаем, ещё веря, но уже сомневаясь: а было ли на самом деле всё это?

Улетаем в суровую Сибирь, к угрюмому осеннему Енисею, в реальную творческую жизнь.

«Боинг737» поднимается за освещённые луной облака и мелкий морозящий дождик кончается.

А с ним кончается сказка...

11 февраля – 18 сентября 2015 года.

Красноярск

СНЫ ПИНОККИО

Пиноккио попробовал открыть глаза.

Огни, хлопки, торжественный вой сирены, большой зал и сцена, на которой стоял человек во фраке в окружении людей, говоривших хвалебные речи,— всё пропало. В одно мгновение. Было — и нет.

Влажные липкие веки не хотели разжиматься, и он потёр шершавыми пальцами сначала правый глаз, потом левый. На зрачки упал свет от горевшей на кухне неяркой лампочки. Сознание вернулось, и Пиноккио определил: он лежит на боку на диване в маленькой комнатке своего маленького домика, в брюках, в старом, давно не стиранном свитере с глухим воротником. Лежит на левой руке, затёкшей и онемевшей. Он пошевелил пальцами — от локтя к ладони мурашки забегали под кожей; кряхтя, повернулся на спину. Пружины старого дивана заскрипели. Пиноккио растёр затёкшую руку и заскрипел зубами. Когда под мурашками пробежало тепло, он, опираясь на правую руку, сел. За тёмным, не завешенным окном ветер порывами бился в неплотно закрытую форточку, придерживаемую загнутым расхлябанным гвоздиком, а дождь стрелял по стеклу порциями дробинок и, едва стихнув за окном, убегал на крышу, но быстро возвращался и снова стучал в стекло и переплёты.

Опять этот сон. Аплодисменты...

Дождь колотит, а снится, будто аплодисменты. Да и спал ли он? Был в какой-то полудрёме, только руку отлежал. А может, всё же уснул? Уснул ненадолго, впервые за двое суток. Кольнуло в правом боку, потом заломило поясницу. Пиноккио поёжился, почувствовал, что ему холодно. В доме печь не топилась дня четыре, а может, пять. Пиноккио не помнил дни, он потерял им счёт, потерял к ним интерес. Он помнил, что не так давно начался октябрь, необычно холодный в этом году, то с нудным, весь день льющим дождём, то с каким-то свирепым ветром, то с дождём и ветром одновременно. С усилием

поднявшись, сжимая и разжимая пальцы левой руки — продолжая разгонять мурашки, Пиноккио доковылял до кухни, ощущая под пятками через дырявые тонкие носки холодный пол. На столе, среди кусков зачерствевшего хлеба, поломанной полбуханки, надкусанных солёных огурцов и сальных шкурок, он не нашёл ни бутылки, ни стакана. Пустой стакан стоял на холодильнике рядом с будильником. Стрелки часов показывали начало шестого. Пиноккио определил: наступило утро — и заглянул в небольшую щель между холодильником и столом. Бутылка стояла там. Пиноккио подхватил её за горлышко затёкшей рукой, вытянул на свет. Там оставалось! Сантиметров на пять бутылка была наполнена. Веселея, Пиноккио попробовал вспомнить, почему он запрятал бутылку туда, но с ходу не смог, а напрягаться не стал — откинул пробку на стол, налил в стакан. Стакан взял сначала правой рукой, потом перехватил его левой, уже не чувствуя её затёкшей, сделал глубокий вздох, быстро перекрестился и быстро выпил. Спирт обжёг полость рта и, проваливаясь через горло к желудку, пошёл по пищеводу жгучим ручейком. Пиноккио схватил огурец, сунул в рот, помог рукой несколько раз сжаться непослушной отвисающей челюсти. Дожевав и проглотив солёненького, он вернулся обратно в комнату. Подойдя к дивану, Пиноккио поправил замусоленную подушку, прилёг, на этот раз на правый бок, подогнув ноги калачиком, накрылся телогрейкой, до того scomканно лежавшей у него в ногах. Через минуту по желудку началось обратное движение. Организм стал отторгать выпитое. Пиноккио сжал зубы, с достоинством переживая внутренние толчки. Наконец в животе заурчало. Спирт прижился и теперь растекался и разлагался на составные его части. Пиноккио почувствовал пробегающую тёплую волну. Ему стало хорошо.

Восьмилетний мальчик шагал по городской улице на своё первое занятие к учительнице музыки и нёс в большой картонной папке ноты. Почему он знал, что мальчику восемь лет? А может, уже девять или даже десять? Он был уверен, что во-

семь. Девять мальчику должно исполниться в октябре, а сейчас август, он перешёл в третий класс, в июне его записали в музыкальную школу, а перед началом учебного года родители мальчика договорились с учительницей на несколько частных уроков. Накрахмаленный ворот белой рубашки стоял над воротником пиджака, волосы кудряшками падали на край воротничка, и если бы не школьный костюм, то со стороны мальчик был бы похож на маленького оперного певца или на юного Робертино Лоретти. Мальчика и прозвали Робертино. Ещё в первом классе, когда на первом же уроке пения он звонко спел: «А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер...» — учитель пения, отложив баян, сказал: «Ну, ты прямо как Робертино...», — а через неделю уже вся школа — ученики в лицо, а учителя за глаза, — звала мальчика Робертино.

Мальчик подошёл к высокому зданию, с усилием потянул на себя ручку большой тугой двери подъезда. Дверь, сопротивляясь, открылась лишь на несколько сантиметров, и мальчик не вошёл, а протиснулся в приоткрытое пространство.

В детстве этот сон ему снился часто и с подробностями. Улица, по которой шёл мальчик, и двор большого высокого дома, куда он заходил, были ему знакомы — будто он сам не один раз проходил там. Он запомнил людей, шедших навстречу мальчику, помнил вывески магазинов с обеих сторон неширокой улицы, деревья, арку и двор с детской площадкой, песочницу, цветочную клумбу, два легковых автомобиля у подъезда.

Впервые он увидел этот сон, когда ему было восемь лет. Проснувшись, он почувствовал себя тем мальчиком и долго не мог прийти в себя, не понимая: где он и что делает в этом доме, пахнущем невысохшим бельём, висевшим над печкой и прямо над его головой, вдоль дивана. Ему захотелось побежать, догнать мальчика с нотами и сказать ему, крикнуть в лицо: «Это я, а не ты, должен идти на урок музыки! Я! Я должен быть на первом уроке!»

— Володька, вставай, я ухожу на дойку, покорми поросят, дай зерна курам и в школу собирайся! — привёл его в чувство

окрик матери, и он понял, что уже не догонит мальчика с нотами, прозванного Робертино.

В детстве, да и в юности, мать, родные и двоюродные её сёстры, их мужья и их дети звали его Володькой, Володей, Вовкой. Одноклассники — Вованом. Учился Вован плохо. Особенно математика никак не давалась, позже потерялся в предметах по химии и физике. Как и некоторых других, учителя тянули его, оставляли «на осень», но переводили — давая возможность закончить восьмилетку.

Володя-Вован жил с матерью в посёлке, имеющем статус «городского типа» и находившемся в двенадцати километрах от районного центра. Население посёлка наполовину состояло из бывших политических и уголовных заключённых. Сразу после войны вдруг нагнали сюда военных, которые стали на окраине копать и ставить заборы. Не прошло и полугода, как появилась ниже по течению речки немалая по территории зона для заключённых и были выстроены солдатская казарма, в принципе тот же барак, и двухэтажный штаб управления, получивший в простонародье название «управа». Новизна встряхнула до того, казалось, дремавший сибирский посёлок, а по сути тогда — деревню, жители которого (или которой) до того трудились на лесоучастке и на ферме, где содержалось небольшое дойное стадо,— второе отделение расположенного в райцентре колхоза. Вместе с зоной образовались свиноферма, леспромхоз, пилорама, гараж с десятком не виданных раньше здесь автомобилей — лесовозов. С конца сороковых до середины пятидесятых годов пилорама тарахтела, не умолкая, днём и ночью, по дорогам посёлка с утра до ночи с рёвом лесовозы везли лес-кругляк. А ещё нередко было слышно на весь посёлок, как взывала над зоной по ночам сирена, лаяли до одури собаки и потом солдаты прочёсывали дома и огороды в поисках сбежавших зеков.

За пять лет до рождения Вована, почти в одночасье, большая часть осуждённых вдруг получила свободу, зону закрыли, в спешном порядке увозя куда-то не подлежащих амнистии заключённых, бараки переоборудовали под жилые квартиры,

а в штаб-«управу» въехал поссовет. После реорганизации посёлок увеличился по площади едва ли не в два раза. В принципе, после того как убрали колючую проволоку и снесли забор, получился новый гражданский посёлок, вошедший в состав уже существующего, записанный в официальных бумагах как Ударник, но в быту продолжаемый именоваться Зоной. Многие из бывших зеков уехали, но немало и осталось жить в той же самой Зоне, в тех же самых перепланированных под квартиры бараках. Поляки, литовцы, латыши, украинцы, белорусы, евреи, поволжские немцы — кого только не было там. На другом конце посёлка целыми улицами жили татары и башкиры, обосновавшиеся здесь ещё до войны, а то и до революции. Улицы эти так и назывались: Татарская и Башкирская. «У нас тут как в Москве или в Одессе, а может, и того хлеще — разного народишку, — говаривал некто Чугунов, по кличке Балабол. — Такая шпана союзная, что окна надо на ставни со стальными заглушками закрывать, не то, пока спать будешь, рамы вынесут — и не услышишь, а к утру уже пропьют — и концы в воду».

Как узнал Вован позже, Чугун-Балабол сам сидел здесь за кражу. Пригнали его по этапу из Пензенской области, откуда он был родом и где научился обворовывать соседей. Отбыв своё, Балабол в родные края не поехал, а, оставшись в посёлке, устроился в жилищно-коммунальную контору и много лет руководил звеном ассенизаторов из четырёх человек. После освобождения женился на одинокой женщине с ребёнком, которая родила ему ещё двоих. Один из них — Сашка — стал приятелем Володи-Вована. Володя не раз видел четвёрку людей с лопатами и мётлами на разных улицах посёлка — вычищающих помойки и туалеты, возглавляемую Чугуном-Балаболом. Люди в звене и машины для вывозки нечистот менялись, но Чугунок был незаменим. Неизменно, будь то зима или лето, он сидел в кабине автомашины, рядом с водителем, и давал своим подчинённым громкие команды. Бывало, правда, и сам выходил — махал киркой, раздалбливая заледеневшие помои, или бросал мусор большой совковой лопатой, успевая при этом рассуждать о быте, политике и текущем моменте. Володя много

раз бывал в доме у Чугуновых, и каждый раз Балабол говорил без умолку, рассказывая жене и детям разные истории, применяя при этом ругательные слова и лагерные выражения. Какие слова были ругательными, мальчишки поняли через некоторое время, немного повзрослев, а тогда, от шести до девяти, они к месту и не к месту применяли выражения, услышанные от Балабола, за что не один раз Володина мать била сына по губам. Порой принародно.

От родных Володя знал, что отец, как и Балабол, отбывал здесь срок, а потом работал на ферме скотником. Там и познакомился с матерью, поселился в домике, где жила ещё и бабушка. Когда Володя родился, отец, рассказывали, затосковал: стал говорить о своей родине — Брянщине, звать мать туда. А потом поехал — вроде бы узнать, что там и как, — и не вернулся. К матери позже сватались несколько кавалеров, даже при Володе приходили, приносили водку и закуску — колбасу, селёдку, иногда яблоки и конфеты, но мать больше на уговоры не поддавалась и говорила сёстрам и подругам: «Хватит с меня и одного брянского волка». Так что своего отца Володя не помнил.

В детстве он любил петь. На застольях, которые по праздникам и дням рождения устраивали родственники матери, его в разгар веселья ставили на стул, и он пел. Пел то, что слышал и запоминал с малых лет. В основном — застольные песни, что горланили хором родственники: «Бежал бродяга с Сахалина...», «Шумел камыш, деревья гнулись...», «Ой, мороз, мороз...». Особенно, даже на бис, шёл «Камыш». Захмелевшим мужикам особенно нравилось в его исполнении то место, где были слова: «А поутру они проснулись, кругом помятая трава...», и его просили повторить. Он повторял. Ему хлопали и, смеясь, говорили матери: «Да он у тебя, Варвара, настоящий артист, отдай его в музыкальную школу». Но мать отмахивалась: «В музыкальную деньги платить надо, а где мне их взять? Алименты на него не получаю, а моей зарплаты на харчи бы хватило да на форму ему школьную».

В музыкальную школу ходила его одноклассница татарочка Венера — Венерка, как её звали дети. Всегда улыбающаяся,

с двумя неизменными косичками, в тёмном школьном платье с белым воротничком, она играла на баяне на утренниках, и несколько раз учитель пения заставлял Володю исполнять пионерские песни под аккомпанемент Венеры. Володя пел до четвёртого класса, а потом перестал, несмотря на уговоры, а затем и угрозы учителя пения.

Пел Володя ещё и потому, что в то время сон про мальчика с нотами по прозвищу Робертино всё чаще и чаще снился ему.

А мальчик пел в хоре. Сначала он стоял во втором ряду на подставочке. Откуда-то снизу грохотала музыка, свет прожекторов словно возвышал сцену, на которой «подковкой» выстроились дети: мальчики в чёрных костюмчиках и с «бабочками», девочки в школьных платицах.

«Сигнальщики-горнисты...» — сливались детские голоса с музыкой. Музыка на минуту затихала, и тогда стоящий в полукружье солист в пионерской форме трубил в горн, а потом снова взрывались музыка и хор.

Мальчику было уже десять, он стоял почти в самом центре «подковки» и с усердием тянул: «Навеки — наша правда, и память — навсегда!»

Сон этот повторялся нечасто, но приходил к Володе под утро не один раз в течение примерно полугода, и Володя запомнил лица некоторых ребят, трубача, сцену и слова песни. Слова преследовали его днями, не оставляя ни дома, ни в школе. Поскольку учитель пения почти на каждый праздник включал в выступление школьной самодеятельности номер Володи с Венерой, то Володя, набравшись смелости, предложил ему попробовать «Сигнальщиков-горнистов». Учитель пения, называемый всеми учениками Пенником, был на деле хорошим профессиональным музыкантом, тоже из бывших зеков, несколько лет участвовал в лагерной самодеятельности, подбирал музыку к словам поэтов-невольников и имел опыт организации разного рода музыкальных мероприятий, а ещё чутьё на потребность публики, а главное — начальства. По-

этому, смекнув, в чём может быть его выгода, Пенник сразу вцепился в предложение ученика и буквально через пару дней к дуэту Володи и Венеры присоединился горнист. Номер, выданный новым трио на 23 февраля, вызвал всеобщий восторг и был признан лучшим. Эмоции переполнили директора школы, он распорядился наградить почётными грамотами исполнителей и пообещал отправить их на районный слёт пионерских дружин. Награждение намечалось на май, на день рождения пионерской организации, и оно состоялось, только без Володи, неожиданно для всех отказавшегося петь.

Как только не уговаривали юного солиста учитель пения и директор школы, чего только не обещали и чем только не стращали. Из уст преподавателей Володя узнал много нового о себе и окружающем его мире. И то, что от таланта до подонка можно преобразиться за пятнадцать минут, и что его «бедная и одинокая мать, выбивающаяся из всех сил, чтобы тянуть его, оболтуса», может тут же стать, мягко говоря, «бессовестной женщиной», едва ли не проституткой, и то, что школа собиралась отправить его с Венеркой летом в Артек, а теперь вопрос стоит об его исключении. Во время уговоров и угроз Володя молчал, опустив глаза. И это молчание доконало директора с Пенником. Продолжающаяся более часа обработка закончилась тем, что по приказу директора Пенник вышвырнул Володю за шиворот из директорского кабинета в коридор, а потом, видимо, войдя в раж, обзолённый, уже без всякого директорского указания, вытащил его во двор школы, завёл за угол и дал ему под зад здоровенного, до боли, пинкаря.

Из школы его не исключили. Вызвали на педсовет мать: песочили её, довели до слёз. Володя не выходил из дому больше недели, пока не пришла учительница младших классов и не уговорила пойти в школу. На первый же урок заглянул директор; убедившись, что Володя в классе, ничего не сказав, удалился. На уроке пения Володя сидел молча, даже не пробуя, как другие пацаны, имитировать пение, и Пенник, отводя от него взгляд, не сделал в его адрес замечания.

Никто не знал тогда, да, в принципе, и не узнал потом, по-

чему Володя перестал выступать. А дело было в том, что Володя, становясь взрослее, неожиданно для себя сделал вывод: его скромные успехи мешают Робертино. Володе казалось, что он своим стремлением петь отбирает у мальчика силу, ослабляет его талант. Эта мысль так крепко проникла в Володино сознание, что он решил больше не петь.

А мальчик уже стоял отдельно от хора на другой, ещё более светлой сцене, обращённый лицом к огромному залу, и пел: «Что тебе снится, крейсер «Аврора», в час, когда утро встаёт над Невой?..»

И хотя мальчик был в том же самом тёмном костюмчике и той же «бабочке», он казался теперь серьёзнее и увереннее.

«Ветром солёным дышат просторы, молнии крестят мрак грозовой...» — подхватывал хор за мальчиком, а мальчик, казалось, взлетал над залом и летел, летел, летел...

Летел вслед за песней.

Некоторое время Володя просыпался с чувством полёта. Ему казалось, что он вот только что был под облаками. Весь день он, сам не зная чему, радовался. Его даже не огорчали плохие отметки. Когда его вызывали к доске и задавали вопросы, на которые он не знал ответа, Володя молчал и улыбался. Учителя и одноклассники осторожно смотрели на него, но выводов, видимо, не делали. Да и не каждый день Володя был в состоянии полёта, и не каждый раз молчал у доски — иногда что-то всё-таки отвечал, и ему даже, бывало, ставили четвёрки.

Так вот, с натугой, дошёл Володя до восьмого класса, а там и, с горем и удачей пополам, получил свидетельство об окончании неполной средней школы. Его, Саньку Чугунова и ещё нескольких горе-учеников в школе настойчиво попросили в девятый класс документы не подавать, а идти в открывшееся не так давно в «зоновской» части посёлка ПТУ. По сути, их экзаменовали и выдали им свидетельства с условием. Они и пошли в ПТУ, где было три отделения. Парней учили работать на пилораме и ремонтировать автомашины, а девушек варить

суп и стряпать пирожки. Вместе с Чугунком Володя записался в группу автослесарей.

Два года учёбы в профтехучилище прошли легко и zapomнились Володе тем, что спрашивали там меньше, чем в школе. Запомнились обеды, а особенно их послеобеденный зимний футбол, когда они гоняли мяч по заснеженному полю, порой утопая в снегу, не глядя на время, иногда прихватывая практические занятия. Часто игру их заканчивал мастер производственного обучения. Появляясь на стадионе, он сначала негромко, а потом криком призывал своих учеников закончить матч, а когда понимал, что крики бесполезны, выбегал на поле, перехватывал за несколько попыток мяч и загонял неостывших и потных игроков в автомастерскую. Никогда мастер их за это не наказывал и даже не ругал особенно. Так, бранился, улыбаясь.

За два пэтэушных года сны о мальчике редко посещали Володю. Он видел его несколько раз, но не в зале, а в каком-то репетиционном классе, с учителями. Это был уже скорее не мальчик, а юноша. Его уже не дразнили Робертино, а звали Димой. Дмитрием. Дима пел, останавливался и начинал снова. Володя чувствовал его волнение, боялся за его меняющийся голос. Дима жил строго, под постоянным наблюдением педагогов и врачей, ограничивал себя в еде, соблюдал режим и выдержал. Голос Димы не сломался, а, наоборот, окреп и выплеснулся в баритон. Перед самым уходом в армию Дима приснился Володе исполняющим романсы. Сцена была небольшая. Дима стоял у пианино, на котором играла молодая женщина. «Гори, гори, моя звезда...» — летели слова над умилёнными немногочисленными зрителями, а потом — «Средь шумного бала...», «Очи чёрные», «Вдоль по Питерской...». А вот однажды он спел так, что...

Год после окончания ПТУ, до ухода в армию, Володя работал в автомастерской леспромхоза. Это было, пожалуй, самое романтическое для него время. Работа слесаря по ремонту ав-

томобилей ему нравилась, нравился и коллектив — опытных и молодых. В принципе, самый молодой был сам Володя, и так получилось, что он один из всей группы выпускников ПТУ работал по специальности. Его друг Сашка Чугунок, проявив неожиданное рвение к учёбе, окончив училище с повышенным разрядом, получил направление в техникум, большинство ребят из его группы, воспользовавшись случаем, по объявлению военкомата пошли на курсы шофёров, а ещё несколько парней, достигших совершеннолетия, осенью ушли в армию. Володе до совершеннолетия оставалось больше года, и он, не ища обходных путей, трудился там, куда его направили. Как говорил часто встречающийся ему отец Чугунка — Балабол, дело у него было нехитрое: «Крути себе болты и гайки и плюй в потолок». Володя в потолок не плевал, но болты и гайки крутил, а ещё снимал и устанавливал на место двигателя, отдавал на расточку токарю и фрезеровщику валы, сам нередко становился к сверлильному станку. Через год он повысил квалификацию — выдержал экзамен на четвёртый разряд. А ещё за этот год он получил среднее образование. Двухгодичное обучение в профтехучилище полного школьного образования не давало. За первый — теоретический год и второй — практический учащиеся проходили курс по облегчённой программе вечерней школы за девятый и десятый классы. Но облегчённая программа была одиннадцатиклассной, и одиннадцатый класс нужно было заканчивать в вечерней школе, или, как её ещё называли, школе рабочей молодёжи, ШРМ. Охотников ходить в ШРМ-«вечёрку» было немного, поэтому преподаватели школы выискивали на предприятиях молодых людей, не имеющих среднего образования и, с помощью личного убеждения и с нажимом на руководство и профсоюзную организацию, заманивали в школьные классы. Володю заманивать было не надо — послушав речь директора школы на профсоюзном собрании, он сам пришёл в школу рабочей молодёжи.

Нельзя сказать, что в «вечёрке» Володя проявлял рвение, но в школу ходить ему хотелось. Возраст учащихся 11-го класса колебался от семнадцати до пятидесяти. Более чем довери-

тельное отношение преподавателей к ученикам выражалось в первую очередь тем, что двоек они не ставили, а в случае неответа на поставленный вопрос просили найти время почитать учебники и дать ответ на следующем уроке. И этот педагогический подход приносил свои плоды. Редко кто из учеников «вечёрки» не мог дважды ответить на один и тот же вопрос.

Володя снова оказался в одном классе с музыкантшей Венерой. Венера после восьми классов уезжала в город и полгода училась в культпросветучилище, но что-то там у неё не получилось, и она вернулась домой, устроилась в вечернюю школу лаборанткой и совмещала работу с учёбой. Не один раз за осень и начало зимы Володя и Венера шли вместе из школы по тёмным улицам посёлка, несколько раз они задерживались возле дома Венеры на Татарской улице и, несмотря на дождливую или прохладную погоду, не расставались ещё часа по два. Один раз дело дошло до поцелуя. Правда, не долгого любовного, а короткого, скорее братского. Володя несмело поцеловал Венеру, а Венера позволила ему это. Оба сделали вывод, что их отношения уже готовы перейти на новый уровень и всё идёт к тому, что...

На другой вечер, провожая Венеру, Володя готовился не только к новому поцелую, но и признанию в своих чувствах, уверенный в том, что Венера его поймёт и не отвергнет. Однако порыв его был остановлен неожиданно появившимся отцом Венеры — Романом.

Не ответив на приветствие Володи, Роман, сверкнув чёрными, как антрацит, глазами, приказал Венере немедленно идти домой. Три дня её не было ни на работе, ни на уроках. Володя несколько раз проходил мимо её дома, но, как ни старался, ни увидеть её, ни узнать о ней ничего не смог.

Они встретились морозным вечером в середине декабря, и Венера рассказала Володе, что отец её не против лично его — Володи, но она, Венера, едва ли не с рождения обещана в замужество сыну то ли друга, то ли дальнего родственника отца, живущего где-то около Набережных Челнов. Венера ни разу не видела своего суженого, даже на фотографии, хотя про

обещания отца слышала с детских лет. Большого значения словам отца она не придавала, но, как оказалось, всё было серьёзно, и дело откладывалось лишь до совершеннолетия Венеры. Восемнадцать ей исполнялось в марте. Ждать весны Роман не стал и вызвал сватов сразу же после того, как понял, что Венера уже взрослая. За ней приехали в канун Нового года и увезли в далёкий татарский посёлок на берегу Камы-реки.

Примерно с месяц Володя тосковал сильно. В первые дни нового года было особенно невмочь — не находил себе места: уходил на лыжах в лес, бродил по посёлку, ездил в райцентр — посмотреть на большую ёлку, стоящую на площади между районным советом и райунивермагом. Хандра не проходила. Ему снилась и снилась Венера, смотревшая на него с укором, словно говорившая ему: «Ну зачем, зачем ты меня отпустил?..» И вот однажды ему снова приснился Дима... Даже, скорее, не он, хотя в этом сне он был главный, а песня... Там были такие слова:

Нет солнца без тебя,
Нет песни без тебя.
В мире огромном
Нет без тебя тепла...

И дальше — поразительно и прямо в сердце:

В целом мире я один,
Я самим собой судим.
Я не смог любовь спасти.
Ты прости меня, прости...

Володя просыпался в слезах и плакал. Плакал тихо, чтобы не слышала мать. Слезы лились ручьём, он не мог их остановить и вытирал, вытирал. Вытирал рукавом, носовым платочком, краем наволочки.

Зов в памяти моей,
Зов звёздных витражей.
В сердце осталась
Музыка давних дней... —

преследовали и преследовали его слова песни.

Окончания зимних каникул он ждал с нетерпением, и встреча с одноклассниками «вечёрки» несколько развеяла его грусть. Почти все мужчины 11-го класса школы рабочей молодёжи были хоккейными болельщиками. Спорили на переменах, говорили о хоккеистах и командах, за которые болели. Самый старший в классе ученик — пятидесятилетний Василий Савич, кладовщик леспромхоза, — предложил споры упорядочить и «поиграть в прогнозы». Для этого он выписал в тетрадку весь календарь чемпионата страны по хоккею, разлиновал около десятка колонок и стал записывать желающих угадать счёт. Сначала в список Савича попали два добровольца, потом ещё четверо, среди которых был Володя, а когда на уроках вполголоса, а чаще шумно на перемене Савич начислял отгадавшим счёт призовые очки, все пустые клеточки в тетрадке кладовщика быстро заполнились. На стихийном собрании прогнозистов было решено: после окончания чемпионата дружно пойти в поселковое кафе и в складчину чествовать победителя конкурса. У Володи появился новый интерес, он переписал у Савича календарь чемпионата, проставил свои прогнозы и по утрам стал слушать «Маяк». Первое время некоторые прогнозы Володи сбывались, и он даже был в числе лидирующей тройки, но уже во второй половине февраля далеко в отрыв по набранным баллам ушёл Савич. Володя к этому относился спокойно, хотя особо яростные болельщики стали подозревать ведущего дневник прогнозов в махинациях. Впервые публично заявил об этом кочегар поселковой больницы Пётр Михайлович, называемый всеми Михалыч. Михалыч бы немногим младше Савича, а потому говорил с ним на равных.

— Чё-то ты там, мне кажется, мудришь, — сказал он однажды после того, как были объявлены результаты очередного тура и Савич записал себе несколько призовых баллов. — Что-то очень часто стал отгадывать. Ты там, случайно, стиральной резиночкой, как у себя на складе, не балуешься?

Возмущённый Савич остаток перемены с жаром убеждал всех собравшихся возле него, что он, «в отличие от некоторых, таскающих к себе вёдрами уголь с государственных ко-чегарок», никогда приписками не занимался и за двенадцать лет его работы кладовщиком «ни одна ревизия не обнаружила ни одного неучтённого им болта или гайки». На уроке Савич молчал, о чём-то думал, а на следующей перемене поставил вопрос ребром: «Или все переписывайте прогнозы в свои тетради и ведите параллельный со мной подсчёт, или освобождайте меня от подсчёта вовсе». Большинство голосов (восемь против одного Михалыча) Савич был оставлен председательствующим конкурса прогнозов, хотя несколько человек всё же решили по-следовать его предложению и поочерёдно на уроках переписали прогнозы себе в тетрадки. Остальные делать этого не стали, смирившись с тем, что Савич лидерство никому не отдаст.

К апрелю Савич действительно далеко оторвался от преследователей и победил в конкурсе. Отметить его победу решили накануне майских выходных, и вечером в пятницу группа прогнозистов и примкнувших к ним товарищей отправилась в кафе. Событие отмечалось шумно и весело, едва ли не до полуночи. Подвыпивший Савич несколько раз просил развлекающих посетителей музыкантов (двух гитаристов и солиста) спеть им «Трус не играет в хоккей», но те уклонялись, ссылаясь, что не знают ни музыки, ни слов, и пели свои незнакомые учащимся ШРМ песни. В одной из них были такие слова: «Папа подарил, папа подарил, папа подарил ей куклу». Песня эта исполнялась за вечер несколько раз и откровенно раздражала не только Савича и Михалыча, но и некоторых других, более молодых, посетителей кафе. В конце концов захмелевшие посетители стали выражать своё недовольство свистом. Официанты попробовали возмущавшихся успокоить и даже припугнуть милицией, но те не успокаивались («Не на тех напали, мы свои права знаем и всякую муру слушать не желаем»), требовали директора или администратора. Когда же человек, назвавшийся администратором, к ним подошёл, Савич с Михалычем

настояли на прекращении музыки и удалении музыкантов со сцены. Музыкантов, под одобрительные возгласы посетителей кафе, после переговоров удалили, после чего удовлетворённая компания всё-таки хором спела «Трус не играет в хоккей». Чествование Савича и торжества отечественного хоккея затягивалось и продолжалось бы до утра, но в половине двенадцатого официанты объявили: кафе закрывают. Неугомонный Савич предложил взять с собой ещё пару литров водки и продолжить банкет у него дома. Инициатива большинством была одобрена, и шумная компания направилась через весь посёлок на одну из «зоновских» улиц, к дому Савича. По дороге Савич снова затянул было хоккейную песню, несколько человек её подхватили, но пение шло вяло, слова выкрикивались вразнобой. Видя, что патриотический подъём стал затухать, Савич снова не растерялся и неожиданно для всех закричал: «Папа подарил, папа подарил...» — «Папа подарил ей куклу!» — подхватили в порыве все, включая Володю.

Володя впервые в жизни тогда выпил водки, и захмелел тоже впервые. Ему было хорошо в тёплой, своей компании, у него приятно кружилось в голове, и он шёл вдохновлённый и радостный по улицам родного посёлка. Но, несмотря на всеобщую эйфорию, компания по мере продвижения редела. Некоторые из её состава, уже сильно захмелев, отставали от общей группы и сворачивали к своим домам. Заметив это, недалеко от своей улицы остановился и Володя. Подумав, что ему, наверное, для первого раза выпитого хватит, он тоже свернул к дому. Отряд под предводительством Савича, казалось, не заметил потери в своих рядах и шёл дальше, продолжая кричать о том, что «папа подарил ей куклу».

Володя тихонько, чтобы не разбудить мать, открыл двери своим ключом и юркнул к дивану. Уснул он быстро, и всю ночь снились ему кафе, Савич с Михалычем, музыканты и официанты, а в ушах и в голове крутилась песня: «Папа подарил, папа подарил, папа подарил ей куклу...»

Наутро Володя чувствовал себя нехорошо. Его тошнило, кружилась голова, и всё время хотелось пить. Впервые в жизни

он выпил и теперь впервые болел, что называется в России, «с похмелья». Впрочем, что такое похмелье и как надо похмеляться, он не знал. Узнал позже, и потом не один раз в своей жизни проклинал он тот вечер, когда впервые выпил.

Но это было потом, спустя годы. А тогда, едва его отпустила хворь, он с упоением вспоминал посиделки в кафе, разговоры, песню о хоккее и шумную прогулку по улицам посёлка, и не один раз после этого мечтал он посидеть в такой же весёлой компании. В июне такая возможность представилась. Отмечали окончание школы. В честь такого дня его отпустили с работы. Накануне вручения аттестатов староста класса собрал со всех по три рубля. Володя не знал, зачем собирают деньги, но раз надо, то надо — сдал, не задавая вопросов. Вручение аттестатов проходило в кабинете литературы, а после всех пригласили в самый большой школьный класс — кабинет физики, где уже были накрыты столы. И тогда только Володя понял: будет обмывка аттестатов. Директор школы, завуч, все без исключения преподаватели и выпускники — общим числом застольная компания составляла около полсотни человек. Первый тост говорил директор, второй — завуч, на третий было намечено слово классному руководителю, но его опередил быстро захмелевший Савич, начавший свою долгую речь с признания в любви школе, директору, всем поимённо учителям. Потом он перешёл на личности выпускников, начав с девушек и женщин, вспомнил своё детство и, наверное, говорил бы так, не смолкая, до заката солнца, если бы его не остановил завуч, тоже любивший поговорить не только на уроках.

Володя много не пил. После второй рюмочки ему вдруг взгрустнулось — вспомнилась Венера. Ведь она тоже могла быть сейчас здесь. Посидев ещё с полчаса, Володя вышел на крыльцо с группой желающих покурить и незаметно ушёл.

Летом он был занят работой, ходил на тренировки местной футбольной команды, играющей в первенстве района, и два раза тренер выпускал его во втором тайме против футболистов райцентра. Голов Володя не забил, но старался, за что получал одобрение опытных футболистов, говоривших ему, что через год-два он станет хорошим игроком.

Ну, а в третий раз случилось Володе сидеть в большой компании и пить водку в октябре, когда в армию забирали первую группу призывников из их посёлка. Володя уже знал, что ему назначено на 12 ноября, и готовился: подписывал обходной в конторе леспромхоза. С подписями не торопился — ходил несколько дней и однажды, возвращаясь из конторы, встретил возле «зоновского» магазина Михалыча.

— Ну, тебя мне сам Бог послал,— сказал, увидев его, обрадованный Михалыч.— Я сына в армию провожаю — завтра уходит, а мне нужно целый ящик водки взять. Ты помоги мне бутылки по сумкам растолкать и до дому донести.

Они растолкали двадцать бутылок «Русской» водки в четыре небольших сумки и пошли в глубь «зоны», где рядом с трёхэтажными новостройками в своём доме жил Михалыч. Большой каменный дом, с летней кухней и баней во дворе, возводился параллельно с трёхэтажками, скорее всего, из того же кирпича, что и «небоскрёбы», а потому фона не портил, ладно вписываясь их в бело-кирпичное окружение.

Михалыч ещё по пути объяснил Володе:

— Повестку Толику только вчера принесли, что, мол, завтра заберут. Я не поверил, поехал в военкомат, говорю: «Почему такая спешка? Других вон за две недели предупреждают, а моего почему-то срочно: ту-ту — и труба зовёт. Неужто в спецвойска?» А военком мне: «Может, и заберут его в спецвойска, я не знаю, а пока срочно призываем потому, что заболел один из призывников райцентра, который должен был идти в этой команде. Ваш сын был в резерве, его в команду пока не определяли — хотели в конце ноября, если понадобится, призвать». Ну, срочно так срочно — какая разница когда? Всё равно в армию идти надо, раз в институт не поступил. Поэтому, Вовка, и срочно водка в таком количестве нужна.

Рыжий Толик, сын Михалыча, был Володин одноклассник, но учился на класс младше. Володя его знал и несколько раз встречался с ним на футбольном поле, когда мальчишки их улицы играли против «зоновских».

В доме столы были накрыты, народ слонялся по двору и

сидел на крылечке. Женщины лузгали семечки, мужики курили. Ждали водку. Собравшихся проводить Толика, по поселковым меркам было достаточно — около полусотни. Володя встретил некоторых педагогов и учащихся «вечёрки». Был и Савич, приветливо помахавший Володе, когда всех пригласили за стол.

В тот вечер Володя впервые напился до беспамятства. Как это получилось, он не мог потом понять. Помнил, что выпил две-три рюмки «под тост», когда говорили сначала Михалыч: «Служи, сынок, не подводи», потом Савич: «Давай служи, Толян, как надо, не подводи отца», а затем и сам призывник. Призывник просил женщин не плакать: «Не на войну иду»,— и призвал всех к танцам. Танцевали между стоящими вдоль стенок столами. Володя тоже выходил в круг, потом подсел к Савичу, и они выпили. Потом его потянул к себе Михалыч, и они тоже выпили. После Володя выпивал с призывником и его приятелями, потом с какими-то приехавшими из райцентра девчонками. В общем, пришёл в себя он на веранде, лежащим на старом диване. Проснулся оттого, что замёрз. Возле дивана на полу лежали Савич и ещё какой-то мужик. Над дверью горела тусклая лампочка, а из дома доносились голоса. Володе было дурно. Тошнило, кружилась голова. Он поднялся и хотел было выйти во двор, но, перепутав двери, вошёл в дом. За столом сидело несколько человек во главе с Михалычем. Увидев Володю, хозяин, подняв руки над головой, захопал в ладоши и приветливо, даже радостно поманил гостя:

— Давай, дорогой, иди сюда. Сейчас мы тебя опохмелим.

Володя замахал в ответ руками, думая отказать, но не тут-то было. Михалыч поднялся из-за стола, взял его за руку и посадил рядом.

— На, садани полстакана самогоночки, голова на место встанет,— Михалыч налил из бутылки пахнущей до тошноты жидкости, подвинул стакан Володе.— Выпей залпом, не нюхая и не думая ни о чём,— враз полегчает. Годами на себе проверено.

— Полегчает, полегчает... — закивали сидящие напротив них мужики.

Привыкший верить старшим, Володя взял стакан и сделал так, как сказал Михалыч,— выпил не думая.

— Ну и молодец,— одобрил Михалыч, глядя на морщившегося Володю и подвигая ему закуску.— На вот огурчики, грибочки, закуси сразу.

Володя почувствовал, как обожгло у него всё внутри, схватил руками маленький огурчик и стал быстро жевать.

— Теперь точно жить будешь,— Михалыч похлопал гостя по плечу.— Минут через десять прими ещё, и обязательно полегчает.

Мужики о чём-то заговорили, а Володя действительно почувствовал облегчение и вторые полстакана выпил уже безбоязненно.

Пил ли он в третий и в четвёртый раз, Володя потом не мог вспомнить. Он снова очнулся на диване, когда уже было светло. Его растолкали. Все уходили провожать призывника. Володю штормило, рвало. Он отстал за оградой от весело шагавшей к автостанции компании и пошёл домой. По пути несколько раз останавливался, не в силах сдерживать в себе рвущуюся из него стихию.

Мать была на ферме, и Володя, укрывшись с головой и ногами, лёг на диване. Мать пришла после обеда, посмотрела на сына, покачала головой, а потом принесла ему капустного рассола. Володя выпил и снова укрылся. Сна не было, его постоянно подташнивало, и он то и дело говорил сам себе, что пить больше в жизни никогда не будет. Знать бы ему тогда, что это было лишь начало и та похмельная болезнь его не была такой уж большой бедой. Все беды его придут позже, и все до одной — через начинающуюся вроде бы безобидно весёлую попойку.

Года полтора после этого Володя действительно не пил. Помня похмелье, он воздержался от выпивки на своих проводинах, которые прошли, конечно же, не так размашисто, как у сына Михалыча. Но человек двадцать и у него было. Родственники матери, Михалыч с Савичем, приехавший из техникума Санька-Чугунок. Заглянул к ним и Балабол — выпил пару рю-

мок и говорил до полуночи без умолку. Мать, Санька-Чугунок и ещё несколько материных родственников поехали проводить Володю в райцентр, на вокзал, и когда новобранцев посадили в вагон, долго махали ему, пока поезд не отправился. Володя смотрел на них из окна и тоже махал. Он заранее тосковал по всем своим родным и знакомым, по посёлку, по Венере, но всё же уже жил предчувствием перемен и новой надеждой.

Впервые за восемнадцать лет своей жизни он оказался вдали от дома, от матери, от родных, приятелей и знакомых. Перемена пугала своей неизведанностью и радовала возможностью побывать в других краях, посмотреть на новых людей. Володя попал сначала в учебное подразделение, а через полгода, наводчиком орудия средних танков, был направлен в числе других выпускников «учебки» в Забайкалье, на самую границу страны, в недавно созданную там воинскую часть. Нельзя сказать, что всё у него складывалось вдали от дома хорошо и гладко. Были трудности, связанные с переменной образа жизни. Особенно первые дни и даже месяцы. Но ничего, вытерпел, втянулся. В новой воинской части по сравнению с учебной было меньше муштры и разного рода построений, но зато больше выходов в караул, нарядов по кухне, выездов на учебный полигон. Выезд на полигон считался праздником для солдат и сержантов. Особенно когда дело не было связано со стрельбами. Полигон расширялся — строились новые командные пункты, копались траншеи. Как правило, с апреля по октябрь на полигоне постоянно жили в палатках по двадцать военнослужащих срочной службы и один офицер. Работа продвигалась медленно — не хватало то кирпича, то цемента, и многие дни солдаты занимались лишь тем, что играли в футбол, готовили завтраки, обеды и ужины, ходили по ягоды, за грибами и едва ли не каждый день топили баню, парясь до одурения. На втором году службы Володя практически не выезжал с полигона. Работал на прокладке кабеля и установке подъёмников для мишеней. Вместе с приятелем по учебной части, никогда не унывающим татаринном Юркой Мадзагировым они, бывало, оставались на полигоне вдвоём, когда «полигонщиков» по каким-либо причи-

нам вывозили в часть. Общаясь с приятелем, Володя отмечал про себя некую похожесть в поведении Юры и Венеры, невольно вспоминал Венеру, думал: как она там, в Татарстане? Воспоминания наводили на грусть, и Володя, когда было неважно, уединялся. Бродил по окрестным сопкам и околкам или читал книги. Конечно же, странности его не могли остаться незамеченными, и однажды, глядя на тоскующего приятеля, Юрка к обеду достал из своего тайника бутылку «Русской» водки. Они выпили, закусили тушёной говядиной из банки, поговорили о футболе, кино, вспоминая фрагменты шукшинских фильмов «Печки-лавочки» и «Калина красная», громко смеялись. Захмелели они быстро, бодрости и веселья добавилось, но быстро и поняли — одной бутылки им маловато. Юрка снова полез в свою заначку, сообщив, что припасал ко дню рождения — к двадцатилетию, но «раз пошла такая пьянка...»

В ту ночь Володя во сне снова видел Диму-Робертино. Впервые за время службы. Возмужавший Дима пел в небольшом заведении, скорее всего кафе или ресторане:

Лети, мой конь, лети
За синие моря,
Пока хватает сил,
Пока горит заря.

Дима был одет в простенький клетчатый пиджачок, из-под которого торчал ворот бордовой рубашки без галстука. Две девушки в коротких платьицах стояли чуть поодаль и подхватывали:

Лети, мой вороной,
За облачную даль.
За дальней стороной
Живёт моя печаль.

Вид у Димы был весёлый, но Володя почувствовал, что его что-то тревожит, что переживает он не лучшие свои времена.

Дима пел радостно и улыбался. Весело играли музыканты, веселилась публика и хлопала в ладоши.

А потом...

Потом Володя увидел серьёзного человека, грозно отчитывающего Диму и говорившего, среди других слов, такие: «Талант загубить просто, сохранить — нелегко... Подумай об этом...»

Дима соглашался, кивал, а потом снова пел, и снова — в том же заведении:

Оседлаю вороного поутру...
Напослед пройду по отчему двору.
Не печалься, мать, о сыне,
Если сгину на чужбине.
Бог не выдаст,
Так и я не пропаду...

Володя проснулся. В палатке было уже светло, но песня не кончалась.

А пока носи меня, мой вороной,
По туманам над высокою травой,
Над горами, облаками
Сколько мы с тобой искали.
Выручай в последний раз меня, родной.

Песня вырывалась из Юркиного транзистора. Пел Муслим Магомаев.

Лети, мой вороной,
За облачную даль.
За дальней стороной
Живёт моя печаль.

Юрка же стоял у входа палатки. Гудела разожжённая печурка, сотворённая умельцами из толстой стальной трубы, поставленной на землю «на попа», на приваренный к ней стальной прямоугольник. Подождённая солярка, наливаемая в печурку через отверстие-воронку, накаляла трубу до красно-

ты от воронки почти до середины. Ярко-красной труба была особенно в том месте, где были проделаны по кругу несколько отверстий, через которые поступал воздух. Этот придуманный кем-то способ обогрева был прозван военными «Поларисом», в честь американской ракеты. Видимо, начинённая горячей соляной печка-труба гудела так же, как ракета при запуске.

— Дождик, падла, закапал,— увидев, что Володя проснулся, сказал Юрка.— Чё делать-то будем? Сегодня воскресенье. Наши только завтра к обеду, не раньше, из части доберутся. Может, мне в деревню сходить, продать тушёнку да ещё водки взять?

Володя не возражал. Юрка накинул плащ-палатку, уложил в вещмешок с десятков банок тушёной говядины и отправился в поход за двенадцать километров, в небольшое село с популярным в России названием — Солонечное.

Володю немного мутило от вчерашней выпивки, а потому он, умывшись и добавив в «Поларис» солянки, снова прилёг на нары. Транзистор был включён. Шёл концерт по просьбам трудящихся. Снова объявили песню в исполнении Муслима Магомаева. «Элегия»,— объявил диктор, и вдруг...

Нет солнца без тебя,
Нет песни без тебя.
В мире огромном
Нет без тебя тепла... —

вырвалось из эфира и понеслось по палатке, встрепенув память, заставив сбиться с ритма сердце и разбудить чувства.

Промокший Юрка пришёл часа через три. Принёс две бутылки водки, помидоров, огурцов, редиски.

— Мне дедок один прямо с грядки огурцы и редиску дал,— пояснил приятель.— Я к нему к первому подошёл: смотрю, мужик в огороде под дождём что-то ковыряется — я к нему. Показал тушёнку, он торговаться не стал — согласился на литруху, овощей дал, а ещё его бабка меня окрошкой угостила. Хорошая, холодненькая такая. На квасе.

— А что с собой не принёс? — попробовал улыбнуться Володя.

— Да не во что налить было! — продолжив шутку товарища, сверкнул глазами довольный Юрка.

После первой стало теплее. После второй ударились в воспоминания о жизни на гражданке. Причастившись к стакану в третий раз, Володя разоткровенничался и рассказал приятелю о своей несостоявшейся любви.

— Да-а! — выпив и закусывая огурчиком, произнёс Юрка, выслушав рассказ о Венере.— Мы, татары, люди злые — у нас ножики большие. Это так мой дед говорил, когда пошутить хотел. У нас в семье никто не настаивает, чтобы женились на своих девчонках, но есть, знаю, такие, кто только на своих. Этот Роман, видать, тоже из них.

Юрка налил ещё по одной.

— А я рад, что никого себе до армии не завёл,— сказал он.— Думай о них ещё. А как кого встретит и вильнёт хвостом? Тут и в жизни разочароваться можно. Правда? Ты же почти разочаровался?

— В любви, а не в жизни,— уточнил захмелевший уже Володя.

Открывая вторую бутылку, они перешли на анекдоты и шутки. Первым полез отдохнуть на топчан Юрка, а Володя пару раз подливал ещё солярки в «Поларис», а потом тоже прилёг.

Заснули они крепко и не слышали: как кончился дождь, как перестала гудеть труба в потухшем «Поларисе», как подъехал к палатке ГАЗ-66.

Не разбудил, а растолкал их и привёл в чувство командир роты, приехавший с несколькими солдатами ближе к вечеру. Как понял приходящий в сознание Володя, ротный приехал оценить готовность полигона к предстоящим стрельбам и был сильно удивлён, увидев водку, закуску и спящих нетрезвых солдат. Рассвирепевший старший лейтенант, быстро дав распоряжения остающимся на полигоне бойцам, приказал провинившимся приятелям собрать вещи и следовать к машине.

— Вы у меня больше полигона не увидите! — кричал он. — До конца службы будете дневальными по роте. Днём и ночью к тумбочке прикованными стоять будете! Про знаки «Отличник боевой и политической подготовки» забудьте, и звания сержантов перед дембелем вам не видать.

Сержантов приятели действительно не получили и первую неделю после прибытия в роту были бессменными дневальными. Но потом ротный остыл и под конец службы выдал им знаки отличников. Казалось, он забыл о проступке своих солдат, но это только Володе казалось. В этом он убедился, когда на полк пришла разнарядка из Москвы. Набирали добровольцев — увольняющихся в запас воинов — на строительство Олимпийской деревни. Страна ждала Олимпиаду, а строителям обещали после окончания игр жильё и московскую прописку. Володин знакомый, можно сказать — тоже приятель, писарь из штаба, вписал было его в список претендентов, но когда дело дошло до командира роты, фамилию Володи вычеркнули. И вместо столицы отправился он после увольнения в родной посёлок.

А возвращаться не очень хотелось. Да, он скучал по матери, по двоюродным братьям и сёстрам, по посёлку, но осознание того, что больших перемен, на которые он надеялся, не случилось и снова придётся вернуться в маленький материн домишко, в автомастерскую леспромхоза, к привычной доармейской жизни, тяготило. Он предчувствовал: если вернётся домой, в родной посёлок, то не вырвется из него до конца жизни.

Перед увольнением в запас, примерно за неделю до отъезда из части, Володе снова приснился сон про певца Диму.

Дима пел в опере. Огромная сцена большого города растилалась перед ним; вокруг сновали актёры в дорогих костюмах, играя свои роли; громадный, полный зрителей зал то замирал, то взрывался аплодисментами. Дима пел на иностранном языке, наверное, итальянском, и город, в котором он пел, был, скорее всего, итальянским. Володя видел близко лицо

Димы — довольное, со скрытой улыбкой, и его глаза — сияющие и восторженные. Володя был рад за него, и даже мысль, крутившаяся в это время в голове, подталкивающая к зависти, не омрачала радости.

«А ведь это мог быть ты, мог быть на этой сцене, и все эти восторги и всплески могли быть для тебя... Ты же нисколько не хуже его! Ты мог петь ещё лучше, чем он, но ты спрятал, зарыл свой талант, и теперь его не выкопать! Время ушло! Ушло от тебя к нему. Тебе никогда не достичь успеха! Никогда и ни в чём...» — внушал ему, говорил на ухо, наращивая и наращивая тон, потусторонний голос, но Володя заглушал его улыбкой и победил. Голос умолк, а Володя проснулся счастливым и гордым, довольным, будто не приснившийся ему певец Дима, а он сам только что пел на самой престижной оперной сцене мира.

Задумывался ли он в те годы: почему сон про одного и того же человека снится ему постоянно и не хочет отпускать? Скорее, не задумывался. Удивлялся, бывало, от неожиданности приснившегося, думал о мальчишке, а потом о юноше и молодом человеке всегда легко и с удовольствием и иногда, бывало, ждал и хотел, чтобы Дима снова приснился ему, а он ещё раз порадовался бы его новым успехам. И он каждый раз радовался, когда это случалось, и каждый раз кто-то невидимый внушал ему, что Дима занимает его место, что все успехи юного артиста только оттого, что он, Володя, отказался тогда петь в школе...

Внушение и самого внушителя из мира снов Володя тоже воспринимал с улыбкой, считая успехи Димы ненастоящими, сонно-сказочными, но хотел, чтобы сны-сказки не кончались.

И они продолжалась. Время от времени он видел в своих снах уже взрослого человека, опытного певца, исполняющего арии из опер или популярные песни на концертах. Чаще слушал, не вдаваясь в смысл, ловил восторженный миг происходящего, и чувства переполняли его. Бывало, он просыпался с заплаканными глазами, но лёгким сердцем, бывало — возбуждённым и готовым творить хорошие дела всем без исключения людям Земли. Но иногда, как в детстве, он запоминал слова из

арий и песен, а потом, услышав их по телевизору или радио в исполнении известных артистов, переживал двойственное чувство. Восторженная душа его хотела воспринимать только Димин голос, только его исполнение.

И иногда, подвыпив, он возмущался и кричал в экран телевизора:

— Вам что, других песен мало? Что вы парню дорогу переходите?

С годами, сначала вроде бы ровно идущими, а потом словно побежавшими вперёд и мало что меняющими в его жизни, пить стал он чаще. Ещё более зачастил, когда началась в стране перестройка, а после смерти матери уже и не представлял свою жизнь без выпивки.

Пиноккио встрепенулся. Короткая дрёма вновь отступила.

Возгласы «браво», завалы цветов на сцене, огни юпитеров — всё снова растворилось в неярком свете бьющей из кухни лампочки. Пропавшие видения были настолько яркими, что казались реальными, такими же, как комната, диван, неяркий свет. Пиноккио не сомневался — это он стоял сейчас на сцене, и цветы, и возгласы, и всё, что ни происходило там, было для него. Только для него и ради него.

Пиноккио повернулся на спину, подтянул телогрейку ближе к подбородку, стараясь согреться.

«Раздвоение...» — мелькнула не пугающая его мысль.

«У тебя раздвоение личности... — так сказала ему Венера, когда он признался ей, что видит сны про оперного певца. — Тебя психологу бы показать хорошему. Не нашим, наши точно в психушку упекут...»

«Так это я от Венерки вчера бутылку спрятал... — вспомнил Пиноккио. — Она же вчера заходила... Хлеба принесла, крупы гречневой, сала... Да, ещё денег немного дала из моей пенсии!»

Мысль о нерастраченных ещё деньгах согрела озябшего было Пиноккио, и он, отбросив телогрейку, шустро соскочив с

дивана, кинулся на кухню, к вешалке, к старой замусоленной курточке, сунул руку во внутренний карман.

«А! Есть! — рука нащупала несколько бумажных купюр, немедленно извлечённых на свет.— Молодец, Венерка! Венерочка!»

Венерка-Венерочка встретила ему через шестнадцать лет после их прощального вечера. Она вернулась в родные места из Набережных Челнов с двумя детьми, похоронив мужа. Он встретил её в «зоновском» магазине и — сильно изменившуюся — едва узнал. Из весёлой, улыбающейся девчонки Венера выросла в статную серьёзную даму. Работала она в районном центре, в службе социального обеспечения, и в то время организовывала филиал службы в их посёлке. И она едва признала в небритом, небрежно одетом человеке его. Он, тогда ещё Володя-Вован, уже был без работы и уже пил безостановочно, при любой возможности. Напивался до потери сознания, спал под забором. Его дважды по статье увольняли из автомастерской, и он, чтобы как-то прожить, а главное — выпить, продал, обменял на спирт немногие материны золотые украшения, старинный комод и ещё кое-что по мелочам отдал за выпивку спиртооторговкам. А ещё он, не брезгуя ничем и не стесняясь никого, нанимался на работу за бутылку, а то и за стакан спиртосодержащей жидкости и даже, бывало, ходил по домам торговцев, клянча выпивку в долг. Однажды, зайдя по старой памяти в автомастерскую, неожиданно наткнулся на небольшой «сабантуй» по случаю дня рождения старшего мастера Виктора Петровича. Петрович был лет на пять старше его и работал в мастерской всю свою жизнь. Не один раз по молодости бывал Володя-Вован и у него дома, и приглашался даже в былые годы на дни рождения мастера, а потому, увидев накрытый стол, загорелся, надеясь, что по старой памяти ему здесь нальют. И действительно, Петрович ему налил. И действительно — по старой памяти. Выпив, он сказал хорошие слова в адрес именинника. Именинник расчувствовался: «Спасибо, Володя!» — и налил ему ещё. Он выпил ещё, но уходить не торопился,

надеясь на добавку. А компания уже не обращала на него внимания. Все с интересом слушали молодого, успешного сына Петровича, открывшего недавно в райцентре автомастерскую, уже принёсшую прибыль. Как понял Володя-Вован, сынок и был организатором стола в честь дня рождения отца. Начинаящего успешную карьеру предпринимателя Вован знал ещё малышом, а потому, не стесняясь, перебил организатора застолья:

— А ещё можно выпить?

Молодой, но уже привыкший к уважению владелец автомастерской недовольно посмотрел на незваного гостя и сказал так, как говорил бы совершенно незнакомому человеку:

— Слушай, мужик, по-моему, тебе уже пора. Пить, как я погляжу, тебе вредно. У тебя от постоянного запоя рожа сужилась, а нос, как у Буратино, торчит. Ты давай двигай на малых оборотах в сторону дома да проспись хорошенько.

Сказав это под одобрительные ухмылки участников застолья, сын старшего мастера продолжил было рассказ о своём предприятии, как был снова прерван.

— Налейте, и я сразу уйду,— сказал настойчиво и громко Володя-Вован, выводя владельца мастерской из себя.

— Ты что, мужик, борзеешь? — вскричал организатор застолья, подбегая к обнаглевшему, на его взгляд, человеку.— Сказано тебе — иди, значит, отваливай!

Молодой и здоровый сын старшего мастера, схватив за плечи, развернул обнаглевшего незваного гостя, слегка подтолкнул его к выходу и с силой дал ему пинка.

— Вали отсюда, Пиноккио! — крикнул он, и все до одного собравшиеся в мастерской вокруг богато уставленного выпивкой и закуской стола, кто веселясь, а кто сострадавая, в один миг поняли, что «пинок» и «Пиноккио» — в данном случае однокоренные слова.

В голове оскорблённого неожиданным действием всё закружилось и завертелось, перед глазами замелькали события прожитого, всплыло лицо учителя пения — такое же разъярённое, и пинкарь, полученный от педагога за углом школы много-много лет назад, снова настиг и обжёг его память. Нет, не

этот пинок молодого подонка, а именно тот — пожилого поддлеца, бывшего зека, после которого он, Володя-Вован, похоронил свой талант или, в худшем случае, свои способности, — всплыл в его сознании горькой обидою, привёл в негодование, и он вдруг понял, что не будь в его жизни того зековско-учительского пинкаря, не было через много лет бы и пинка этого — глупо-предпринимательского.

А разъярённого молодого сына, рвущегося было добавить позорно изгоняемому, укротил всегда бывший и оставшийся сердобольным Петрович. Он налил полстакана водки, догнал уходящего Вована, заставил выпить, а затем проводил за ограду мастерской.

Весь вечер и всю ночь Володя-Вован не мог успокоиться. И хотя выклянул у соседки ещё полбутылки спирта, хмель не брал его. Вспоминались прожитые годы и такой длинный-короткий период — от пинкаря до пинкаря. И спрашивал он то ли себя, то ли судьбу: почему и зачем так у него в жизни? И тогда впервые, ещё издали и туманно, не веря в это сам, он подумал о том, что все беды его идут от настойчиво продолжающихся снов про оперного певца Диму. Дмитрия. Это из-за них и из-за него, солиста Димы-Дмитрия, он перестал петь в школе и всё у него пошло наперекосяк. Ни в армии, когда набирали строителей Олимпийской деревни, ни потом, когда армейский приятель Юрка звал его с собой — наняться матросом в торговый флот, он не мог поменять своей судьбы. Всё время находились причины, не отпускающие, не позволяющие ему сделать перемены. Когда собрался на флот, сильно заболела мать. А потом, когда тот же Юрка познакомил его со своей двоюродной сестрой — симпатичной Катей, показалось: наконец-то жизнь начинает меняться...

Катя жила в райцентре, заканчивала торговое училище. Они подружились и дружили несколько месяцев, до наступления Нового года. Володя несколько раз приглашал её к себе домой и даже познакомил с матерью. Новый год они решили встретить у Кати, и Володя поехал в райцентр. Юрка как раз был на побывке и всячески содействовал укреплению его друж-

бы с сестрой. Правда, до того как пойти к сестре, однополчане сняли пробу с Юркиного самогона-первача у его домашней ёлочки, потом выпили по рюмке водки с весёлой компанией возле ёлки поселковой, потом у ёлки в Доме культуры, и уж после того Юрка доставил приятеля на Катин новогодний огонёк. Естественно, приятель был уже неспособен на взаимопонимание, не помнил, как встретил Новый год, а утром, проснувшись на диване в незнакомом доме, был сильно удивлён, увидев заплаканную Катю, не желавшую с ним даже разговаривать. Что произошло между ними, какой разговор, как ни старался, не вспомнил он ни тогда, ни потом, и на этом отношения молодых людей, по сути и не начавшиеся, закончились. Больше попыток заводить серьёзные знакомства с девушками Володя не делал. Не стремился делать. И не потому, что решил прожить холостяком. Никаких уроков он себе не давал, а не случались отношения его с женщинами потому, что им не оставалось места в Володиной жизни. Он стал всё чаще и чаще, по поводу и без повода, пить водку, вино, самогонку, а потом и спирт. Вначале, правда, только по поводу. В той же автомастерской, куда вернулся после армии и где его с радостью приняли, время от времени перепадала неплановая работа — ремонт автомобилей частных. Так называемый калым. Начальство смотрело на такой приработок своих подчинённых спокойно. Более того, и заведующий мастерской, и даже сам директор леспромхоза нередко отправляли клиентов в автомастерскую. Естественно, каждая такая работа заканчивалась небольшим застольем. Тот же Петрович, будущий мастер, бывало, находил желающих отремонтировать «жигулёнка» или «москвичок» и сам брался за газосварку.

Выпивки учащались и с каждым разом давались Володе тяжелее. Если Петрович и другие работники мастерской после удачно отмеченного калыма приходили на другой день на работу как ни в чём не бывало, то он мучился похмельным синдромом. Болел. Вначале его понимали, даже сочувствовали, но попытки отказываться от застолья вызвали веселье и шутки товарищей по работе. «Пей тут, с собой не дадим!» — говорил

тот же Петрович под общий хохот. Сезона три после увольнения из армии Володя играл за местную футбольную команду. Ходил на тренировки. Но и там, сначала — после нечастых побед поселковых футболистов над райцентровскими, дело заканчивалось коллективной выпивкой, потом выпивка стала организовываться и после поражений команды, а затем и вовсе после тренировок. Первые серьёзные проблемы со здоровьем появились годам к двадцати пяти — боли в желудке, тяжесть в печени. Начавшаяся в стране перестройка и борьба с пьянством подвигли его, как и многих любителей спиртного, находить новые способы добычи алкоголя. В ход шли аптечные настойки и бытовая химия — стеклоочистители, технический спирт. Алкогольная зависимость возрастала, болезни подступали. На третьем году перестройки неожиданно умер Санька Чугунок. Санька работал мастером в профтехучилище, был уважаемым человеком, нередко угощал друга детства водкой и так же нередко удерживал его от выпивки. Умер Чугунок как-то нелепо: пришёл домой, поужинал, лёг на диван и больше не встал. Остановилось сердце. Примерно за год до смерти Саньки так же неожиданно остановилось сердце его матери, а года два спустя после смерти младшего сына умер и Балабол. На том же самом диване, что и Санька. В начале девяностых после долгой болезни, оставив сыну маленький домик и всё, что она скопила за годы жизни, ушла в лучший мир и мать Володи. Тётки и дядьки, а также оставшиеся здесь двоюродные сёстры после похорон ещё дальше отодвинулись и почти не общались с ним. Да и он к ним старался без нужды не ходить.

Вылетев с работы в первый раз, а потом и во второй, в поисках выпивки Володя-Вован обхаживал посёлок. Поначалу ему сочувствовали и наливали старые знакомые — постаревшие Савич и Михалыч. Но меняющаяся в стране обстановка влияла на жизнь людей, на их отношения друг к другу и на здоровье. Савич сильно болел, Михалыч был покрепче, но уже не всегда радостно открывал ворота своего дома перед одноклассником по вечерней школе.

В это вот время и встретилась ему снова Венера и попытала-

лась повлиять на его судьбу. И он, вначале обрадованный встречей с ней, ожил было, попробовал переменить образ жизни, но не смог. Венера оказалась более настойчивой. Она опекала его, помогала во всём, поставила на учёт по безработице, выбила ему денежное пособие. Но личные отношения их не складывались — очень уж стали они разными за время, проведённое вдаль друг от друга. Поняв наконец, что совместной жизни у них не получится, Венера всё-таки не оставила его, опеку и постоянные визиты к нему не прекратила. Она возилась с ним, как с ребёнком: носила продукты, получала его пенсию и выдавала ему частями.

А в тот вечер после обжигающего душу пинка, полученного в своей родной автомастерской, и бессонной ночью, последовавшей за ним, он окончательно понял, что ему уже не подняться и ничего не изменить. Под утро смирился с этим и уже соображал, где сегодня найти на выпивку.

А наступившее после осознания утро и последующий день уже приготовили ему другое имя. Инцидент в автомастерской получил огласку, и слово «Пиноккио», брошенное молодым бизнесменом, вначале как бы невзначай прицепилось к Вовану, а затем приросло, прижилось и вытеснило и его имя, и даже фамилию. Не прошло и двух недель, как весь посёлок, от великовозрастных до малолетних жителей, стал звать его Пиноккио.

Пиноккио отложил деньги, предназначенные на спирт, сунул их в карман куртки, надел её, засунул, кряхтя, ноги в непросушенные сапоги и, накинув капюшон на голову, вышел на крыльцо. Мелкий дождь сыпал с неба сплошной стеной, казалось, мешая наступить рассвету, но свет проступал сквозь водную стену и, касаясь земли, делал воздух прозрачным, а предметы видимыми. Пиноккио осторожно спустился по мокрым некрашеным ступенькам крыльца и направился к воротам. Из будки бросился было к нему дворовый пёс по кличке Кирилл — Киря, как звал его Пиноккио,— попрыгал на задних лапах, стараясь грязными передними обнять хозяина. Хозяин от объятий пса отбилась и спросил:

— Ну, ты со мной?

Пёс глянул исподлобья на человека, вильнул хвостом и пошёл обратно в будку.

— Не по пути, значит,— сделал вывод Пиноккио, открывая скрипучие ворота.

Путь его лежал почти в самый конец улицы, где жила круглосуточно торгующая спиртом пожилая, но моложавая на вид женщина, известная среди алкашей, милиционеров и борцов со спиртопродажей как Колесуха.

Пиноккио шёл по краю дороги, стараясь обходить лужи, в который раз подмечая, что ступни его ног непроизвольно выворачиваются в стороны и походка его похожа на чаплинскую из немого кино. Походка эта выработалась у него как-то сама собой. Впрочем, и сутулость появилась тоже не по его желанию. Не знавшие Пиноккио и встретившие его впервые навряд ли могли поверить, что этому постаревшему на вид человеку нет ещё и пятидесяти, а то, что когда-то он был стройным юношей, лихо гонявшим мяч на поселковом стадионе, не верилось уже и знающим его многие годы людям.

Дом Колесухи — по правой стороне, мимо никак не пройти: большие железные зелёные ворота, а на них жёлтые петухи с красными гребнями. Пиноккио настойчиво постучал. За оградой сначала лениво залаяла собака, потом, было слышно, скрипнула дверь.

— Сейчас, иду! — крикнули с крыльца.

Дождь не переставал, шёл монотонно — не усиливаясь и не затихая. Пиноккио поёжился, сжал в карманах руки в кулаки.

Колесуха, в лёгкой ветровке и с зонтиком в руке, вышла к нему минут через десять.

— Чё стучишь-то? — спросила она без злобы в голосе.— Звонок есть — вон, справа: позвони, и выйду. Для кого я его поставила?

— Извините, не заметил... — оправдался Пиноккио, глядя на не потерявшую красоту дородную женщину с блеском в глазах.

«Наверное, от хорошего питания она остаётся вот уж несколько лет такой», — подумал он.

— Да чё вы замечаете? — махнула Колесуха и улыбнулась своей неотразимой улыбкой на красном полном лице, спросив уже по делу: — Сколько тебе?

— Пол-литра неразведённого... — ответил он, протягивая деньги.

— Да у меня разведённого не бывает, — снова без обиды в голосе возмутилась было спиртоторговка. — Это вас бабка Нюрка к разведённому приучила, а у меня товар прямо с завода медицинских препаратов, качественный. С одной пол-литры больше литра сорокоградусной получается. Не боишься от такой дозы окочуриться? А то стоишь тут, как труп ходячий... Совсем дошёл... В чём душа-то ещё держится?

— Да держится ещё... Не окочурюсь... — крякнув, сказал Пиноккио.

— Смотри, а то опять по участковым меня таскать начнут. А я виновата? Я чистым торгую, а вы где-то суррогаты по дешёвке берёте, а потом ласты заворачиваете...

Колесуха взяла деньги, пересчитала, спрятала в карман.

— Ладно, жди... Щас вынесу...

На обратном пути Пиноккио ещё тщательнее выбирал дорогу, обходил лужи и грязь, неся за пазухой, во внутреннем кармане, драгоценную бутылку. Улица была пустынна. Владельцы крупнорогатого скота сезон выпаса уже закончили и коров больше по утрам не выгоняли, а переживающий тяжёлые времена леспромхоз работал время от времени, и потому не сновали теперь день и ночь по улицам лесовозы, не месили грязь, и не ревела на весь посёлок пилорама.

Недалеко от перекрёстка с центральной улицей Пиноккио заметил человека в брезентовом плаще, с маленьким чемоданчиком в руке, и узнал в нём бывшего ветеринарного врача.

— Дмитрий Васильич, ты откуда так рано?

— Привет, Володя! — узнав его, обрадовался ветврач, второй и последний после Венеры человек в посёлке, ещё звавшийся

Пиноккио по имени.— Да был тут у одних — корову смотрел, заболела. А ты куда торопишься?

— Да затарился бутылочкой. Не хочешь согреться?

— Можно было бы, да, боюсь, жена ворчать начнёт... С утра, мол, пьёте... — замялся Васильич.

— А мы ко мне пойдём. Правда, у меня с закуской напряжёнка...

Дмитрий Васильевич ненадолго задумался.

— Ну, как? — подтолкнул его мысли Пиноккио.

— Давай так: ты иди, а я сейчас посмотрю в холодильнике на веранде, прихватчу что поесть и приду.

— Хорошо. Буду ждать...

Прибежав домой, Пиноккио, не снимая куртки, раскупорил бутылку, налил чуть меньше полстакана, разбавил до полного водой из чайника и, по привычке осенив себя крестом, выпил залпом.

Жгучий напиток, проникая в организм, перекошил ему лицо. Голова Пиноккио прижалась к плечам, руки — к груди, а бедный желудок снова начал защищаться. С минуту Пиноккио стоял неподвижно, потом, разжав руки, схватил со стола недоеденный огурец, сунул в рот и прямо в сапогах прошёл в комнату, сел на диван.

«Не обманывает Колесуха. Зверский напиток. А если не разбавляя выпить — точно очоуришься».

Посидев немного, он почувствовал знакомую удовлетворённость от примирения спирта с желудком и хотел было взяться за растопку печки, но за дровами нужно было идти в сарай, и он решил подождать Васильича.

Васильич пришёл через полчаса. Пёс Киря пропустил его без лая, узнав в нём уже бывавшего здесь гостя. Дмитрий Васильевич был добродушным человеком, каких Пиноккио знал в своей жизни немного. Несколько лет он работал главным ветеринарным врачом района, потом — то ли из-за мягкости характера, то ли по каким-то другим причинам, — его понизили в должности и отправили к ним в ветучасток. С середины вось-

мидесятых Васильич жил в посёлке. Добродушный, отзывчивый, а главное — отличный ветврач, он сразу же был признан и на ферме, и в личных подворьях. По первой просьбе он приходил посмотреть на больных животных. При осмотре разговаривал с ними ласково, поглаживал по спинке и брюшку, если надо — ставил уколы и давал дельные советы по уходу хозяевам. Несколько раз по приглашению матери был Васильич и в их доме — лечил корову, приносил лекарства. Уже после смерти матери Пиноккио водил на приём в ветучасток заболевшую чумкой собаку Найду, давшую впоследствии среди потомства и пса Кирию. Как-то, встретив у магазина, пригласил Пиноккио Васильича к себе на рюмочку. Тот не отказался, а потом заходил ещё пару раз. А было дело, Пиноккио ходил к ветврачу — занять на бутылку. Когда ветучасток в посёлке закрыли, Дмитрий Васильевич лишился должности, но не профессии. Доктор по призванию, он не мог усидеть без дела — лечил по подворьям коров, баранов, свиней, лошадей и даже курей с гусями.

— Да тебе, я вижу, не только закуску — дров надо было охапку захватить,— сказал, доставая из ма-терчатой сумочки на стол домашнюю колбасу, хлеб, тушёнку, ветврач.

— Да есть дрова, Васильич, принести надо из сарая охапку берёзовых... — отозвался Пиноккио.

— А раз есть — неси. Не то, друг мой, мы с тобой околеем тут — раз, и заболеем — два.

Пиноккио, кряхтя, поднялся. Его немного качнуло, в голове приятно кружилось — спирт уже начал своё действие.

Пока Пиноккио ходил за дровами, ветврач нагрёб из поддувала полведра золы, почистил и в печи.

— Этого мало будет,— определил Васильич, когда Пиноккио бросил возле печи несколько поленьев.— Надо протопить как следует. Сходи ещё разок, а я растопить попробую.

Выходя во второй раз за дровами, Пиноккио прихватил кусок зачерствевшего хлеба, сальные шкурки и отдал их прыгающему возле него псу Кириллу. Когда он принёс дрова снова, Васильич уже поджигал уложенную в печь между поленьями бересту.

— И что бы я без тебя, Дмитрий Васильевич, делал? — качнув головой, пробормотал Пиноккио.

— Да замёрз бы по собственной воле, или, вернее, безволие, а я тебе не дал этого сделать! — улыбнулся ветврач.

Дмитрий Васильевич пить не торопился и удерживал от бескультурной пьянки хозяина дома. Сначала он выждал, когда разгорится на полную печь. А когда она затрещала дровами, задышала, профессионально, по-врачебному прислушался к её тяге и определил, что дымоходы давно не чищены. Пиноккио с ним согласился, искоса бросая взгляд на стол, где стояла бутылка. А ветврач не спеша нарезал колбасы, хлеба, потом налил в кастрюлю воды и засыпал гречку.

— Я сейчас тебя научу гречневую кашу варить, — говорил при этом гость хозяину. — Нужно, чтобы вода над крупой была на два-три пальца, посолить, дождаться кипения, а потом передвинуть на медленный огонь, и пускай себе варится. А тушёнку уже под конец туда добавить можно.

— А можно и не добавлять — так тушёнку съесть, холодной, — сказал Пиноккио, подсаживаясь к столу и выдвигая бутылку на середину.

— Можно, — согласился ветврач. — Можно масла туда добавить или сала, но с тушёнкой каша вкусней. Подожди, дорогой, немного. Сейчас закипит, и мы с тобой примем по первой под холодную закуску. Доставай пока рюмки.

Рюмок у Пиноккио не было давно, и он достал Васильичу фарфоровую кружку, а себе подвинул стакан.

Под холодную закуску — колбасу и сало — они выпили дважды. После общей второй, а для него уже третьей, Пиноккио захорошело, и будь он дома один, непременно бы завалился на диван. Но Васильич его дисциплинировал, утверждая, что необходимо поест горячего, а потом уж можно и на боковую. Кроме того, ветврач задавал ему разные вопросы, расспрашивал о жизни. Пиноккио, соскучившись по общению, старался отвечать не грубо, чтобы не обидеть гостя. А когда Васильич сварил кашу, Пиноккио, выпив ещё и по настоянию ветврача

съев всю поданную ему в чашке гречку, рассказал гостю о своих странных, преследовавших его всю жизнь снах. Начав несмело, сбиваясь, в процессе рассказа он разошёлся, заговорил эмоционально, с подробностями, забыв, казалось, и о том, что он пил несколько дней подряд, и что на столе и сейчас есть что выпить.

— Ты, Дмитрий Васильевич, второй после Венерки человек, которому я это говорю. Даже матери не рассказывал — боялся, подумает, что я с ума сошёл. А тебе ещё и как врачу решил рассказать. В последнее время каждый раз, как только чуть вздремну, снится... Да так ясно всё вижу, что и сам верить начинаю, что он — это я.

— Я верю тебе, Володя,— сказал Дмитрий Васильевич.— Верю. Не подумай, что из солидарности или спьяну говорю. Я слышал о таком случае, когда студентом был. Правда, тот человек тоже сильно пил, и врачи списали все его рассказы на белую горячку. Права твоя Венера Романовна: обратись ты к врачам — и тебе горячку припишут, алкогольный психоз, и точно упекут.

— А что это, Васильич, такое? Может, точно какая болезнь? Типа шизофрении? Только во сне происходящая...

— Есть, говорят, теория, по которой помимо нашего мира существует параллельный,— ветврач налил ещё, оставив в бутылке немного.— Даже несколько параллельных миров. К примеру, вот в этом, для нас реальном, мы с тобой сидим и спирт колесухин пьём, а в другом — мы с тобой сегодня не встретились: ты чуть раньше из дому вышел, я задержался, и мы не пересеклись на улице; в третьем — мы встретились, но я не пошёл к тебе, сославшись на неотложные дела...

— Так получается, что таких миров много! — удивился и оживился Пиноккио.

— До бесконечности много! — тоже оживился Васильич.— Я не психолог и даже не нарколог — ветеринар, поэтому мало что знаю. Насколько верна эта и ей подобные теории, я думаю, вообще никто не знает. Так предполагают. Большинство людей об этом даже не думают, им в голову это не приходит, а

вот некоторые сны видят или даже видения у них бывают, но их за ненормальных признают. А что такое ненормальность? Может, ненормальных людей никаких нет, а есть способности, которых неизвестны науке?

— Точно, Васильич! Точно! Я теперь понял: певец Дима живёт в параллельном мире. И он — это точно я!

Пиноккио привстал, на его лице сияла улыбка. Наверное, таким сияющим было лицо у Архимеда, а потом у Ньютона и других великих людей, осознавших, что они только что совершили открытие.

— Ну, за это надо выпить! — улыбнулся ветврач, — Давай по последней, да я пойду. Там тебе ещё немного остаётся в бутылке. Ты, давай кашу ешь ещё, за печкой смотри.

— Эх, хорошо! — воскликнул Пиноккио, морщась после выпитого, — Теперь, Дмитрий Васильевич и жить легче, зная, что я не один, что я во многих лицах и, что они все рядом — руку только протяни...

— Рукой-то, Володя, не достать. Мы пока не вхожи в эти миры, они к нам — не знаю... Тут, наверное, человечеству нужно какого-то нового уровня достигнуть, поменять миропонимание, и тогда, может быть...

— Э! — махнул рукой Пиноккио. — Я уже поменял. Благодаря тебе, Васильич. Я раньше думал что-то подобное, близко мыслью подходил, а ты мне сейчас глаза открыл. Помог сделать открытие.

— Ну, ладно, Володя. Спасибо за приглашение, я пойду, — ветврач поднялся, подошёл к Пиноккио, пожал руку. — Ну, а ты давай оживай. Тебе надо встряхнуться, бросить много пить, устроиться куда-нибудь на работу. Ты ж ещё вполне работоспособный человек. И Венеру Романовну слушайся. Она ж к тебе всей душой.

— Ладно, ладно, Васильич. Я теперь поменяюсь... Поменяю образ жизни... На меня просветление сошло.

— Ну, хорошо, — сказал Дмитрий Васильевич, направляясь к двери.

Пиноккио вместе с гостем вышел на крыльцо, помог ему

спуститься по мокрым ступенькам, проводил до ворот.

— Спасибо, Володя! — уже за воротами поблагодарил опьяневший на свежем воздухе ветврач и тихонько поковылял по улице.

А Пиноккио, закрыв ворота, приласкал возле собачей конуры пса Кирилла, поднялся по ступенькам дома, закрыл на крючок дверь на веранде.

Дома он подбросил в печку ещё пару поленьев, посмотрел на недопитую бутылку, закрыл её пробкой и поставил между столом и холодильником. Недоеденные колбасу и сало убирать не стал. Затем он прошёл в комнату и, уже присев на диван, почувствовал тяжесть во всём теле.

— Я снова пьяный,— сказал он громко и повалился на бок.

Зал рукоплескал. Люди вставали с мест, поднимали руки, размашисто били в ладоши и кричали: «Браво! Браво! «Счастье» на бис!» Довольный певец стоял на сцене в окружении большого хора. Ему несли и несли цветы. Мужчины, женщины, дети. Одна шикарная дама в дорогом колье, целуя его, шепнула: «Счастье» на бис, для меня...» Он, благодарно улыбнувшись, глянул на дирижёра. Дирижёр кивнул, он махнул ему в ответ.

И ударила оглушительно, заиграла музыка. И понеслась, полетела над залом, над зрителями, под высокий потолок, покачивая огромные люстры, песня. И вздохнул, ожил единым порывом хор и подхватил:

Всё на свете было не зря!
Не напрасно было!

А певец, казалось, сросся со сценой и хором, стал их продолжением, а сцена и хор стали продолжением его, и даже более — весь зал, зрители сливались вместе с песней в один большой организм.

Пылали закаты,
И ветер дул в лицо.

Всё было когда-то,
Было, да прошло!

И уже нельзя было понять — со сцены ли, из зала ли являлась всем песня, но ясно было каждому, что вдохновляет всех — музыкантов, хор, зрителей, — стоящий в центре сцены кудрявый, сияющий, ещё не старый человек во фраке, снова и снова заводивший:

Пылали закаты,
И ветер дул в лицо.
Всё было когда-то,
Было...

Вдруг песня оборвалась. В одно мгновение всё стихло. Песня остановилась на только что законченном слове, затих оркестр, смолк хор, замер зал. Певец качнулся и, прижав руку к груди, упал. Зал отозвался коротким возгласом, дирижёр и несколько хористов бросились к солисту. «Что с вами? Что с вами, Дмитрий Валентинович?» — спрашивал присевший над певцом дирижёр. Солист открыл глаза, слабо улыбнулся. «Всё в порядке», — хотел сказать он, но произнёс только: «Всё...» — ибо внутренний толчок не дал договорить ему. Дёрнувшись ещё раз, солист закрыл глаза и затих.

Пиноккио улыбался во сне, когда внутренний толчок опрокинул его с правого бока на спину. Он ещё раз дёрнулся и затих.

Ещё через какое-то мгновенье он, отделившись от своего тела, поднялся и полетел. Пролетая сквозь дверь дома и сени, он вылетел во двор и стал подниматься в серое дождливое небо над домом, над сараем. Из конуры выскочил пёс Кирилл и, глядя на улетающего хозяина, залаял. А тот, поднимаясь ещё выше, уже летел над улицей, повернул к дому ветврача и увидел довольного Дмитрия Васильевича, стоящего на крыльце.

«Э-эй, Васильич!» — крикнул ему пролетающий Пиноккио, но Васильич был занят своими мыслями и не услышал его.

«Да если бы даже и услышал, то всё равно не увидел бы», — догадался Пиноккио и полетел дальше — над домом Колесухи, к дому Венеры, к школе, автомастерской. Он летел и радостно махал всем рукой, кричал им сверху и, поднимаясь ещё выше над посёлком, вдруг на секунду взгрустнул, осознав, что больше не вернётся сюда и не увидит ни Венеры, ни Васильича, ни кого другого...

Недолгая грусть его сменилась новым ликованием, когда серая пелена осталась внизу, а в глаза брызнуло синевой неба. Он вдруг увидел себя со стороны: мальчиком, юношей, молодым человеком. Увидел восьмилетнего мальчика Робертино, шагавшего по неширокой городской улице, вывески магазинов, деревья, арку и двор с детской площадкой, песочницу, цветочную клумбу, два легковых автомобиля у подъезда. Всё это пронеслось перед ним и исчезло, а он полетел дальше. Он летел, молодой и сияющий, и не сразу заметил, как к нему присоединился ещё один он — солист Дима, точно такой же молодой и довольный, а после ещё один человек, похожий на них, и ещё один, и ещё...

Через четыре дня Венера, подходя к дому Пиноккио, услышала вой пса Кирилла. Пёс, встречая её, выскочил из дома через разбитое на веранде стекло и заскулил. Уже по привычке, с помощью ножичка-складничка, Венера откинула крючок изнутри закрытой двери и вошла сначала на веранду, затем в дом. На полу возле печки она увидела пустую кастрюлю, а возле стола кружку и стакан. Поняв, что здесь похозяйничал Кирилл, она с тревогой прошла в комнату. Околевший Пиноккио лежал на спине, слегка выгнувшись, как будто силился встать. Остеклевшие глаза его не казались страшными, а придавали ещё большую умиротворённость его застывшей улыбке.

Красноярск, ноябрь 2009 — февраль 2010.

ШУРУП И ВОБЛА

Воблой местные остряки называли Наташу — худую молодую женщину, если присмотреться, даже несколько стройную, а потому кажущуюся высокой. Наташа жила одиноко с пятилетней дочуркой Настенькой на первом этаже кирпичного двухэтажного дома, в квартире, доставшейся ей от заблудившегося по жизни мужа. Муж был свободным художником, легко сходилась с женщинами и девушками, легко вступал с ними в брачные отношения и так же легко оставлял их вместе с новорожденными чадами, но не забывал аккуратно платить алименты. Наташа была одной из таких жён художника, не то второй, не то третьей, ничем особенным не отличалась от других избранниц живописца и даже, по ее собственному мнению, во многом проигрывала им и в уме, и в образовании, и в фигуре. Но почему-то двухкомнатную квартиру в центре районного центра и недалеко от автостанции (что немаловажно) вконец заблудившийся и запутавшийся в женщинах рыцарь холста и кисти оставил именно ей.

Почему так произошло? Как случилось, что Наташа вначале вроде бы удачно вышла замуж, а потом, через очень короткое время стала матерью-одиночкой?

Попробуем сразу же, чтобы не томить читателя, поведать ему об этом. А вначале сообщим, что Наташа стала задумываться над этими вопросами, когда Насте исполнилось года полтора. Находясь в отпуске по уходу за ребенком, она не редко, успокоив и укачав развитую не по возрасту дочку, сидя у экрана телевизора, ловила себя на том, что не следит за героями телепередач и фильмов, а размышляет и думает, что придет то время когда нужно будет сказать ребенку об отце. Что же она скажет? Не про космонавтов же...

Осенними и зимними вечерами Наташа все чаще и чаще думала и о том, что ее судьба, как это не редко бывает в России, напоминает в чем-то судьбу ее матери.

Мать ее, Антонина Кузьминична всю жизнь жила в небольшом селе под названием Казанцево. Наташа вспоминала теплые вечера холодных зим, когда они, дети, сидели у горячей стены, в небольшом закутке за жарко топившейся печкой, читали вслух сказки или учили уроки, а мама не редко глядя на них, говорила: «Сироты вы мои, казанские...»

В прямом смысле сиротами назвать их было нельзя. Единственный отец всех троих детей, был жив и на первый взгляд даже здоров. Жил он отдельно от семьи: в небольшом домике, у своей старенькой матери, на другой улице села. Бывало проходил и мимо их дома, бывало даже останавливался и заговаривал с матерью у калитки, но в дом никогда не заходил и детей, в отличие от бабушки, гостинцами не угощал. Наташе со временем стало известно, что отец ее был в молодые годы не последним парнем на селе. Работал кузнецом в совхозной мастерской. После службы в армии уезжал в город, но вернулся. До того как жениться на Антонине Кузьминичне, привозил из города невесту, но та не смогла привыкнуть к сельской жизни и, погостив недолго, уехала из Казанцева навсегда. Родители жили вроде бы неплохо (у отца даже был мотоцикл с коляской). Первой родилась Наташа, через полтора года её сестра Люба, еще через два года долгожданный сыночек Коля.

Но вот однажды нашла на папу блажь — не блажь, вселилась в его сознание мечта — не мечта... В общем познакомился он как-то, в райцентре с сезонными рабочими приехавшими к ним в глубинку на заработки, аж из-за Карпатских гор. Гуцулы рассказали ему, что трудятся по договору в химлесхозе: собирают смолу с хвойных деревьев и эта, таёжная слеза — живица, приносит им за три месяца работы, до тысячи и более рублей. Молодому тогда еще Наташиному родителю тысяча рублей казалась заоблачно-недосыгаемой суммой и возможность заработать ее за одно лето, подвигнула сельского кузнеца оставить почетную на селе работу, отбиться от уговоров директора совхоза и, попрощавшись с женой и поцеловав детей, уехать в тайгу на сбор живицы с бригадой закарпатцев. Тысячу рублей отец действительно заработал и вторую, обещанную матери,

корову для семьи купил, но вернулся из тайги уже другим человеком. Говорил матери, что наконец-то понял, что такое жизнь, что разгадал ее вечную загадку, познакомился со знающими: что по чьим людьми, и теперь, будущим летом поедет сплавать лес по реке от заготучастков до деревообрабатывающего комбината и заработает уже не тысячу, а две или даже две с половиной. Всю зиму он не жил, а маялся в ожидании весны. А весной, в конце апреля, собрал небольшой чемоданчик и сказав на этот раз супруге лишь: «Пока», отбыл: «В сторону большой воды». К семье он больше не вернулся. И дело здесь не в том, что встретила ему другая женщина и «прибрала» к себе мужика с деньгами. Нет. Все произошло гораздо проще и даже банальнее, но и трагичнее, чем можно себе представить. На этом самом сплаве, скорее всего по неопытности, сорвался Наташин отец с плота, ударился головой о проплывающую лесину и чуть не ушел ко дну. До дна ему дойти не дали, спасли, откачали, увезли в больницу, но когда больной пришел в себя, оказалось, что память ему проплывающим по реке деревом отшибло. Не всю, но основательно. Как говорил один из героев фильма «Джентльмены удачи»: «Тут помню, тут не помню». То ли по аналогии с каким-то другим популярным в те годы фильмом, то ли еще по каким-то причинам, но прозвали в больнице неудачного сплавщика Водолазом. Прозвище это пришло вслед за ним и в родное село, название которого Водолаз почему-то хорошо помнил. Узнавал он и свою мать и название улицы и номер родительского дома тоже вспомнил, а вот жену и детишек узнавать не хотел и дом, где был хозяином, не признал. Получив инвалидность, он стал жить в доме матери. Из дома выходил редко, а когда ходил по селу, никого не узнавал и ни с кем не здоровался. Но иногда, видимо в какие-то минуты светлых проблесков ума, Водолаз останавливался вдруг на улице одного из односельчан (а то бывало двух или трех сразу) и начинал говорить о погоде, видах на урожай в полях и огородах, о борьбе со снегом на дорогах района и о том, устоит ли Куба против Америки. Минуты просветления сознания у Водолаза были не долгими, и он прекращал общение с народом

так же резко, как и начинал. К причудам этим бывшего кузнеца в селе постепенно привыкли. Агрессии «больной на голову» (это еще одно прозвище, которое дали острые на словцо сельчане Наташиному родителю) не проявлял, а иногда высказывал очень даже умные суждения. И многие его охотно слушали. Некоторые даже с интересом и вниманием и искренне жалели, что речь Водолаза была недолгой. Раза два-три в год, бывшего кузнеца и неудавшегося сплавщика, возили на обследование в районную или краевую больницы. Иногда оставляли на месяц-другой в лечебнице, но всегда возвращали на малую родину. Несколько раз в числе сопровождающих бывшего мужа в столицу края была Наташина мать. Водолаз её даже стал выделять среди других, но женой не признавал. На собственных детей он по-прежнему не обращал никакого внимания.

Оставшись без мужа, Антонина Кузьминична одну корову продала. И хоть было ей, работающей на ферме по выращиванию телят, тяжело одной с тремя чадами, никаких попыток привести в дом нового кормильца, она не делала. А когда в совхозе предложили отдать дочек в школу-интернат, она долго отказывалась. И лишь когда девочки подросли и стали рассуждать как взрослые (Наташа пошла в пятый класс, а Люба в третий), мать, посоветовавшись с ними, решила перевести детей на учебу в райцентр.

В интернате у девочек во многом похожих по характеру стали проявляться видимые различия. Худенькая, ростом выше некоторых мальчишек Наташа была мало общительна, часто стеснялась даже спросить что-то лишний раз, уроки делала всегда сама, никому не надоедая. Ей не редко поручали выполнять какую-нибудь общественную работу, от которой другие отказывались. Она не отказывалась. Никогда не отказывалась от общественных дел и Люба. У младшей сестры неожиданно проявился организаторский талант, ее выбрали сначала звеньевой в своем классе, потом членом школьной дружины, а когда училась в восьмом, ей, едва приняв в комсомол, доверили место комсорга школы. Уже в те годы, она заметно расцвела и похорошела, и в компании школьного комсомольского секретаря

не редко можно было видеть и молодых учителей-мужчин и инструкторов из райкома. Любе пророчили большое будущее и университет. Но она неожиданно для всех, сразу после школьных экзаменов, вышла замуж за вернувшегося только что из армии совхозного паренька – водителя директорской «Волги». Пошла работать к матери на ферму. Но разбуженную в ней в интернате общественницу было уже не остановить. Через полгода Люба выбилась в заведующие фермой, через год родила сына, но дома не усидела, вышла на работу. Должность заведующей совмещала с работой в профкоме, а еще через год поступила на заочное отделение сельхозинститута и (в двадцать лет!) была избрана депутатом районного совета.

Жизнь же старшей сестры не была такой бурной. После восьми классов Наташа поступила учиться в сельскохозяйственный техникум. Техникум был специфический. Находился он не в краевом центре, как большинство подобных ему учебных заведений, а в небольшом городке и учили там не на агрономов, ветеринаров и животноводов, а выпускали специалистов по переработке зерна. Там, в этом городке, в техникуме, вернее в общежитии техникума и произошла у Наташи первая ее любовь. Произошла – не больше и не меньше. Такой же худой, высокий студент Витя, как и Наташа, не любил физкультуру и, однажды во время урока физвоспитания Наташа с Витей оказались не в спортивном зале, а в скверике возле общежития.

Если говорить откровенно, то этот хилак Витя не был героем Наташиного сердца. Но он был первым, кто обратил на нее внимание и был настойчив в своей цели. Оказавшись рядом на скамеечке, молодые люди разговорились. Вначале их объединила общая нелюбовь к занятиям физической культурой, а потом...

Потом выяснилось, что Витина семья сродни семье Наташи. Разница в том, что там Витина мать-одиночка воспитывает двух старших сыновей и маленькую дочь. Витя в семье старший ребенок, но не главный. Вся инициатива в доме принадлежит его брату-вундеркинду, который хоть и помладше Витька на год и учится только в десятом классе, но уже мнит себя чуть

ли не академиком, а главное, командует всеми и всем. Это по его совету, мать выпросила направление в совхозе и Витю отправили на учебу в техникум. Отправили как в ссылку, против его воли.

— А я зубным врачом хотел стать, — сказал Витя Наташе, едва сдерживая слезу.

— А я воспитателем в детском саду, — призналась ему Наташа. Ведь и она, по настоянию младшей сестры, поступила в техникум. Наташе стало жалко Витю, Витя пожалел Наташу. После откровенных признаний на скамейке общежитского сквера, они подружились. Витя стал даже приходить к Наташе в общежитие (студенческое общежитие состояло из двух отдельных корпусов: для юношей и для девушек), несколько раз приглашал ее в кино и танцевальный клуб. И как-то, ближе к ноябрьскому празднику, он пришел в ее комнату с бутылкой вина, сказав, что у него день рождения и что он прошел мимо вахтерши незамеченным. Перед праздником в общежитии народу было не много. Наташа в комнате скучала одна и обрадовалась гостю. В тот вечер она впервые выпила крепленого красного вина, и голова у нее закружилась...

Первый поцелуй, и первая близость тоже случились тем ноябрьским вечером и не принесли ни радости, ни страсти, ни восторга. Двое молодых неискушенных еще никем человека целовались не умело, не говоря уже о чем-то более серьезном. Разочарование было обоюдным. Когда же после смеха и предвкушения счастья, наступила неловкость и даже раскаяние в содеянном, Витя поспешил уйти, не допив вина, а Наташа проплакала до утра, решив больше никогда не иметь дела с мужчинами.

Утром, встретившись с Витей в коридоре техникума и видя, как он молча кивнув ей, отвел взгляд, Наташа еще больше укрепила себя в принятом решении.

Еще более крепкой стала мысль о неприятии в своем сердце мужчин, после того, как на бедную Наташу напал озабоченный решением полового вопроса тридцатилетний мужик, оказавшийся впоследствии чуть ли не дальним ее родствен-

ником. Наташа проходила практику на мелькомбинате в родном районном центре, жила в Доме колхозника и работала до позднего вечера. Обычно вечернюю смену в период уборочной страды, развозил по домам комбинатовский «пазик», но «пазик» задержался на полевом стане, и студентка-практикантка решила пойти до места своего квартирования пешком. Что уже не раз делала, и короткий путь хорошо знала. Шла через околос – небольшую березовую рощицу и вот там, среди молодых пожелтевших и облетающих листвой березок и подкараулил её этот охотник, повалил на павшую листву...

Хватило тогда у семнадцатилетней девчонки ума-разума, не впала она в панику, а применила разворотливость и открыла в себе умение убеждать. За короткое время словесно-силового единоборства стороны успели выяснить, что их матери являются хорошими знакомыми и чуть ли не родственниками. Детина-охотник вмиг охотку на сближение с родственницей потерял, стал извиняться и даже проводил объект своего недавнего посягательства к месту ее временного жительства.

Наташа о своем вечернем приключении никому не рассказывала, но на мужчин после этого старалась не смотреть совсем. И не смотрела. Почти целый год. А через год после окончания учебы на ее жизненном горизонте возник свободный художник. И вся Наташина неприязнь к мужчинам в один миг пропала.

Они встретились на автовокзале. Свободный живописец не был в то время еще до конца свободным, но уже стремился к этому изо всех сил. Не был он тогда еще и известным на весь район живописцем, а числился штатным художником конторы кинофикации. В рабочее время писал афиши для кинотеатра и Дома культуры, а в не рабочее, оформлял по заказу разных предприятий стенды и рисовал стенные газеты. Ну а творчеством для души, а не для денег: пейзажным и портретным занимался исключительно дома.

Одним осенним ноябрьским угасающим деньком, когда снег уже лег на землю, и на уличной площадке автостанции

стало холодно поджидать автобус до Казанцева, Наташа зашла погреться в здание автовокзала. Народу почти не было: три-четыре человека сидели на жестком диванчике, да какой-то шустрый паренек, взобравшись на стремянку норовился над окошком кассы подцепить на гвозди за петельки расписание движения автотранспорта. Подцеплять одному было неловко: щит размером метр на полтора то и дело качался в руках паренька, он терял равновесие, раскачиваясь на лестнице, и петельки на гвоздики не попадали.

Потом, не один раз вспоминая встречу с будущим мужем, Наташа не могла объяснить ни себе, ни кому другому, почему она, уже имея билет на руках, подошла к окошечку кассы и что самое необъяснимое, сама не ожидая от себя, вдруг предложила парню:

— Может вам помочь?

Он посмотрел на нее с высоты двух ступенек стремянки, улыбнулся и сказал просто:

— Помогите.

Общими усилиями они быстро водрузили вывеску на отведенное для нее место. Паренек поблагодарил помощницу, убрал стремянку в подсобку, а потом подсев рядом с ней на деревянный диванчик, улыбаясь, поблагодарил и спросил:

— А вас как звать?

— Наташа, — сказала она, уставшим голосом, давая понять, что у нее нет никакого желания знакомиться.

— А меня Саша, — сказал паренек, все еще улыбаясь и не давая ей возможности ни что-либо сказать, ни даже подумать, сразу продолжил: — Везет мне на Наташек. У меня жена была Наташа, дочь Наташа, недавно познакомился с одной преподавательницей из училища и ее зовут Наташей. Вот и вы Наташа.

— Ну и что? — спросила она.

— А то, что в этом что-то есть. Саша – Наташа, Саша и Наташа, Саша плюс Наташа. Мне нередко попадались семейные пары с такими именами. А еще Сергей и Лена часто сочетания бывают. У меня и друзья, и родственники есть такие. По моему наблюдению Сергей с Ленами чаще лучше живут, чем Саша с

Наташами. Браки у них крепче. А вот Сашам и Наташам что-то не хватает в отношениях...

Чего не хватило в отношениях с ней художнику Саше, она не поняла ни год спустя, когда они расстались, ни после. Несмотря на такой поворот событий, Наташа осталась в душе благодарна бывшему мужу. За то, что с ним она научилась легче смотреть на жизнь, за то, что он помог ей преодолеть ее закомплексованность, заставил испытать трепетные чувства любовного ожидания и ревности. За то, что подарил ей Настю, и благородно при расставании оставил им с дочерью квартиру...

За год жизни с художником она испытала столько чувств, стрессов, волнений и, в меньшей степени радостей, сколько не испытывала до этого никогда.

Именно тогда на автостанции районного центра, что теперь видна из ее окна, началась новая страница ее жизни. Новая глава или даже новая часть ее жизненной повести. И первый ее настоящий любовный роман.

Но это все произошло позже: быстро и стремительно. А начиналось на закате короткого ноябрьского дня на скамейке автостанции. И начиналось тоже стремительно. За каких-то полчаса, пока они ожидали автобус до Казанцева, художник так заговорил Наташу, что она полностью потеряла ориентир. Он говорил связно, складно, а главное безостановочно. Одновременно исповедовался, философствовал и дарил ей комплименты. Никогда еще в жизни Наташе не встречался человек, так запросто рассказывавший о своих жизненных неудачах, превращающий на глазах свои недостатки в достоинства, а достоинства выдавая за недостатки.

— Конечно же, я любил свою жену, — признавался Саша, — А что ее не любить — она была первая красавица в их задрюпаном поселке. За ней все колхозные кобели табунами ходили. А она им всем улыбалась — глазками стреляла. Может, кого и обнадёживала. Ну и я вначале в хвост хотел пристроиться, а потом думаю, что мне канитель разводить? Времени у меня мало, я к ним приехал клуб оформить. Взял да нарисовал ее портрет от нечего делать. По памяти. Что очень редко, кстати,

делаю. Сходства портрета с оригиналом было мало, но чувств, вложенных в холст и краску, столько! И она это оценила. Поулыбалась еще немного для отвода глаз и со мной уехала. Сначала у матери жили моей и все нормально было. Я в гору пошел. Отработал как надо районную партконференцию, нарисовал им в райкоме, то, что они хотели: плакаты там разные и меня тогда по достоинству оценили. Как только Наташка родилась — сразу районный отдел культуры квартиру дал в новом доме, вот тут недалеко от автостанции. В этой квартире потом и начались выяснения отдельных обстоятельств.

И Саша стал рассказывать об обстоятельствах, которые привели к распаду его семьи. По его словам выходило, что в его жену красавицу влюбились сразу все мужики всех окрестных двухэтажек. «Буквально проходу не давали». Но она держалась стойко. Держалась долго, почти полгода и только тогда, когда он уехал в командировку на целый месяц...

— Она как-то гуляла с дочкой по улице и одноклассника встретила. Он агрономом в сельхозуправлении работал. У них, как потом оказалось, еще со школы любовь была. Ну и не удержалась Натаха, молодость вспомнила. Привела его к себе, то есть к нам в квартиру, и оторвались они там как хотели... Потом я приехал, а у них любовь продолжается — остановиться не может... Наташка сама мне все рассказала. Понимаешь? А мне каково было? Дочку жалко, дочка не причем... Я бы простил ее, раз сама призналась — вину свою чувствовала, значит, совесть ее мучила... Я тоже не святой был. С одной дело аборт закончился. Тоже Наташей звали, позировала мне, когда я «Девушку и море» рисовал. Ну, ладно, сейчас не об этом. Не захотела... Я, говорит, Вовика люблю, всегда любила и прощения твоего мне не надо. Ну не надо, так не надо. Собрала вещи. Вовик за ней на папиных «Жигулях» подкатил, и уехали они в родной колхоз, в ту самую Тьмутаракань, откуда я эту краплю привез. А знаешь, как мне обидно сначала было? Я даже плакал. Никогда со мной так еще женщины не поступали... А потом успокоился, подумал: может это и к лучшему. И для нее и для меня. Кто я? Неизвестный никому живописец. Маляр ри-

сующий афиши и плакаты. Еще неизвестно: способен ли я прокормить семью. А Вовик — главный специалист, перед жизнью ставит реальные цели. Вот живу теперь один, третий год уже пошел... Правда, раз чуть не женился по новой. Продавщицей одной увлёкся. Молодуха одна приехала после училища. В гастрономе у нас работала. Хотел даже ее на квартиру к себе взять. Да вовремя остановился. У нее на уме не понять что. Песенки поёт какие-то детские. Мультики любит смотреть по телевизору. Говорить с ней просто не о чем. Другое поколение уже выросло, пока я картины писал... А может ничего у нас с ней не получилось, потому, что ее не Наташа звали, а Лариса. Лорочка-Лариса.

Художник Саша засмеялся, в лазурных его зрачках отразились веселые огоньки, зажженных на автовокзале лампочек и Наташа, сама того не желая, улыбнулась. Она так и не поняла: правдивую историю рассказал он ей или все придумал на ходу, чтобы обратить на себя внимание. Еще больше растерялась она, когда Саша махнул рукой, и сказав: «Ну да ладно, что было, то было», неожиданно взял ее руку.

— Знаешь, что: пойдём ко мне. Мне сейчас очень нужно, чтобы кто-то рядом был. Ты человек, я вижу добрый. Помочь людям всегда готова. Мне лицо твое понравилось: я хочу портрет твой написать.

И снова не давая ей ни опомниться, ни проронить ни слова, он начал рассказывать ей о художниках, об одиночестве творцов и не легкой, почти человеческой судьбе их творений.

— Знаешь, как важно художнику, чтобы его понимали? Чтобы кто-то мог его оценить, мог ему подсказать: туда ли он идёт, то ли рисует? Верить как это необходимо!..

Наташа ничего не знала из жизни художников, но, слушая сидевшего перед ней творца, уже хотела ему верить и сама того до конца не сознавая, была готова попробовать его понять. Он это заметил и, улучив минутку, коснулся ладонью ее щеки, поправил спадавший на глаза локон волос.

— Пойдем ко мне... — он прошептал это ей тихо, касаясь

губами кончика ее уха. Она не отодвинулась от него и сказала, еще тише, чем он, произнося слова:

— А как же билет? Мне ехать нужно...

Билет он сдал кассирше в два счета. Они вышли с автовокзала, когда подкатил казанцевский «пазик». Постояв положенное время и забрав немногих пассажиров, автобус ушел без Наташи, точно по расписанию, которое висело теперь над окошком кассы.

А дальше...

Дальше попавшая под влияние гипнотических чар художника Наташа вела себя смиренно и послушно. Они пили вино на кухне его квартиры, и он показывал ей свои картины и эскизы. Он целовал ей руки и волосы, гладил колени и говорил, говорил, говорил...

Наташа уже не понимала его слов, сознание отказывалось ей подчиняться. Она плыла по течению жизни навстречу неизбежной судьбе, в объятия мужчины, который должен был стать ее мужем. Она чувствовала, что не уйдет отсюда до тех пор, пока не произойдет что-то важное, а потому, когда он предложил ей принять ванну, покорно взяла из его рук полотенце, а когда молча расстелил постель на двоих в маленькой комнате, не говоря ни слова, разделась и легла.

На другой день они вместе приехали в Казанцево и Александр, в присутствии Антонины Кузьминичны, Любы и ее мужа, сделал официальное предложение Наталье. В первый же будний день молодые люди в сопровождении двух совершеннолетних свидетелей отправились в районный отдел записей актов гражданского состояния, где подали заявление о заключении между ними брачного союза. Художника в загсе хорошо знали, и он договорился, чтобы их расписали не через месяц, как положено, а пораньше. Ему пошли навстречу, и через десять дней, после исторической в жизни жениха и невесты встречи на районном автовокзале, они стали мужем и женой. Свадьбу гуляли три дня: два в райцентре и один в Казанцево. Причем, в деревне народу нашло в дом Антонины Кузьминичны раза в три больше, чем в районном центре. Приходила и

бабушка невесты — мать папы Водолаза. Сам же папа, так и продолжал пребывать в неведении и в день свадьбы дочери никто в поселке не видел, чтобы он выходил из дому.

Отношения между Сашей и Наташей оставались бархатными почти все время их семейной жизни. Художник от природы своей не был грубым человеком, ругаться не умел. Злился тоже не умело, да и не долго. К столовым разносолам, которыми Наташа вначале пыталась его удивить, отнесся спокойно, без эмоций и довольно скоро молодая жена, исчерпав свою кулинарную фантазию, стала ограничивать меню до щей, пельменей и салатов.

Первое и сразу ошутимое покушение на совместную жизнь новобрачных состоялось ровно через две недели после их свадьбы. Около полудня, когда они только позавтракав, стали обклеивать обои в зале, в прихожей раздался звонок. Открывать пошел Саша и, открыв, застыл в нерешительности. Громко играл подаренный к свадьбе молодым магнитофон, но даже музыка и зычный голос певца Рената Ибрагимова, который пел, что будет вечно молодым, не мог заглушить нарастающего из коридора шума. С громкими ругательствами в квартиру ворвалась небольшого роста полненькая дамочка. Она называла художника подонком и мразью, искателем дешёвых девок-колхозниц и без конца повторяла, что она ждет ребенка.

— Я уже три месяца как беременна, а ты себе жену завел! Ты, что совсем без ума. У нас же ребенок будет, а ты расписываешься с этой колхозницей. Ну, нет, я вам жить тут не дам! Воспользовался тем, что я на учебу уезжала, быстренько нашел себе простушку и в загс! Молодец! А я как? Побоку? Только ты, милок мой, просчитался. Я на алименты подам. Посмотрим, когда тебе присудят два по двадцать пять, как ты тогда запоешь? И она от тебя тут же сбежит. Сбежит, дурочка. А отказываться от ребенка начнешь, я на экспертизу подам и свидетели есть, что мы с тобой как муж и жена жили. Найдутся!

Дамочка металась из прихожей в зал и обратно. Толкала бок Наташиного мужа, подбегала к Наташе.

— А ты, кто? Кто ты? — кричала она разъяренно в лицо мо-

лодой жене, — Ты, что не знала, что он уже был женат, что платит элементы одной. Теперь будет платить второй. А на твоих детушек уж денег не останется. Так, что не думай заводить...

Наташа не проронила ни слова. Ее подсознание с первой встречи с художником, слабым импульсом подсказывало ей: что-то откровенный вроде бы Саша, ей недоговаривает, что-то скрывает от нее важное. И вот теперь выяснилось, что.

Сколько бы продолжалась буря в квартире молодоженов, сказать трудно. Но вскоре на шум стали сходитья проводившие дома выходной соседи. Спустилась сверху любительница тишины корреспондентка районной газеты пятидесятилетняя Валентина Петровна, пригрозила вызвать милицию и все сразу утихло. Хлопнув дверь, убежала бывшая подруга художника, разошлись по квартирам соседи. Остались он и она. Она молчала. Стояла у окна, в зале, с клейстером в руке, а сознание ее медленно завоевывала мысль, о том, что счастья ей с художником не видать, что Саша никогда не будет принадлежать только ей. Но сердце было спокойно. Душа не рвалось из груди, слёзы не подступали к глазам. Она по взрослому приняла все как неизбежное и предназначенное ей судьбой.

Первое покушение на совместную жизнь молодоженов, внешне ничего не изменило в жизни молодоженов. Саша попытался было что-то объяснить Наташе, начал было извиняться, но она его перебила, сказав тихо и коротко: «Не надо» и он замолчал. Она его ни о чем не расспрашивала и в дальнейшем. От людей позже узнала, что маленькая дама была та самая подруга, о которой говорил в день знакомства художник, работала она преподавательницей эстетики в местном СПТУ и звали ее, как уже догадался читатель, никак иначе, как только Наташей. Не задавала жена мужу лишних вопросов и потом, когда он уезжал куда-то на сутки, двое, неделю. Она волновалась, бывало не спала ночами переживая за художника, к которому, она не смотря ни на что все же питала свои женские чувства и, когда он возвращался, в душе радовалась и ждала, когда он захочет близости. Через полгода после первого покушения на семейную жизнь художника и его жены, произошла вторая. Насту-

пало время родить преподавательнице СПТУ и перед тем, как уйти в роддом, она за неделю до этого пришла с вещами к ним на квартиру и заявила, что будет жить у них. И жила несколько дней, заняв маленькую комнатку.

Что было дальше, и как складывались отношения двух Наташ и Саша (можно рассказывать несколько часов подряд или даже написать любовный роман страниц на семьсот. Но мы не будем делать этого. Ибо, художник далеко не главный герой нашего произведения. А главный находится еще за тысячу километров от райцентра, где живет теперь Наташа. Он живет пока своей интересной жизнью, не подозревая о нашей героине, не зная и не ведая о районном центре, куда приведет его скоро судьба-судьбинушка. Скажем лишь о том, что через год, когда обе Наташи принесли ему по дочери, рыцарь холста и кисти не вынес такой нагрузки и бежал от обеих женщин. Официально его отъезд побегом не казался. Он уехал якобы учиться в художественное училище. И, говорят, действительно первое время там учился. Но уже через несколько месяцев, все знающие в районном центре люди, в числе которых была корреспондентка районной газеты, поведали обеим Наташкам, что видели Сашу на одной художественной выставке в сопровождении «одной молодой шикарной особы». А еще через некоторое время, когда на свет родилась Настя, Саша прислал Наташе длинное письмо, в котором просил ее дать ему развод в обмен на квартиру и обязанность регулярно выплачивать денежное пособие на содержание дочери. Наташа не стала препятствовать мужу. И тридцатилетний мужчина вскоре оформил третий официальный, не запрещенный законом брак. На этот раз в городе. Его избранницей стала молодая художница, дочь известного в крае культурного деятеля. Как ее звали, думаем, читатель догадался без нашей подсказки.

Вот так Наташа осталась жить одна в квартире в центре районного центра. Работала, воспитывала Настю, ездила в Казанцево к матери и сестре. Набравшее было вес в замужестве и при беременности тело ее, вновь выглядело похудавшим. Вот тогда и загуляла среди местных балагуров ее прозвище – Вобла.

Да, она была худа, со слегка впалыми щёками, с плоской, ребристой, словно лист шифера, грудной клеткой и, наверное, могла бы спрятаться за ручку швабры, но ни разу это сделать не пробовала, хотя имела дело с поломойным орудием труда почти ежедневно, потому работала нянечкой в детском саду.

Вот что пока нужно знать читателю о Наташе. Всё остальное, или, во всяком случае, многое он узнает из нашего дальнейшего повествования.

Кличку Шуруп Андрею дали ещё до службы в армии его друзья из вокально-инструментального ансамбля “Орфей”.

Было это лет семь-восемь назад и далековато от мест, о которых пойдёт наш рассказ, — более суток езды на восток на поезде дальнего следования. В то время Андрей, окончив школу, учился тренькать на гитаре в ДК железнодорожников, но, быстро поняв, что виртуозом ни на шести, ни на семи струнах ему не стать, начал солировать голосом на вечерах молодёжи, ловко перебрасывая микрофон с правой руки в левую и обратно. Здесь он добился больших успехов и вскоре стал любимцем молодёжи. Особенно балдели пятнадцати-семнадцати летние девчонки, когда он пел на танцах:

“А ты опять сегодня не пришла,
а я так ждал, надеялся и верил,
что зазвонят опять колокола-а-а-а
и ты войдёшь в распахнутые двери...”

Или: “Ты придёшь — сядешь в уголке, подберу музыку к тебе...”.

Сделавшись популярным в своем городке, Андрей стал ходить в черном костюме-троечке, с бабочкой и чёрной шляпе. Причем верх шляпы, вбивая вовнутрь, он делал не пирожком, как и положено по моде, а пилоткой и, надевая, надвигал почти на глаза. Так и ходил повседневно, так и пел на эстраде, держась уверенно, без эмоций и модных ныне выкрутасов и дёрганый. Был он небольшого роста. И если во время выступления

кто-нибудь глянул бы сверху на солиста, то сходство с шурупом обнаружить, при определённой фантазии, мог. И обнаружил.

Как известно, правда, весьма узкому кругу личностей, слава девка не только капризная, но иногда и колючая. И вот однажды в самом начале очередного молодёжного вечера в зале кто-то выкрикнул: “Шуруп, давай “Колокола”!” И пошло-поехало.

Как мы знаем, случилось это несколько лет назад в тысяче километрах на восток от описываемого населённого пункта. А в этом населённом пункте, о котором пойдёт речь, о кличке Андрея никто не знал, как не знал никто и его самого.

С того самого дня, когда Андрей однажды вечером получил кличку Шуруп, до другого — когда объявился в районном центре, где проживала Наташа-Вобла, прошло, как мы уже говорили, лет семь, ну от силы восемь. Где только не пришлось побывать за эти годы Андрею!

Во-первых, в армии. А во- вторых...

После того, как не смог он покорить сердца членов приёмной комиссии в театральном училище и Мельпомена отвернулась от него, “загребли” Андриюшеньку в Вооружённые Силы. Служил в музыкальном взводе, выучился играть на баяне и продолжал петь в армейском ансамбле. За два года к боевому оружию — автомату прикасался только один раз, когда принимал воинскую присягу. В общем, как говорил о нём впоследствии отчим, пропел два года. Андриюша о годах, проведённых на службе, не жалел и не считал их потерянными, как некоторые из его однополчан-музыкантов. На мир посмотрел, на людей, жизненный опыт приобрел.

После армии вернулся он в родной свой ДК железнодорожников, поступил заочно в культурно-просветительное училище, сколотил новую музгруппу в основном из молодых ребят, назвав её “Паровоз”, и с головой окунулся в работу. Дав несколько концертов на танцевальных вечерах и в стенах ДК, он вдруг ощутил репертуарный дефицит. Нет, недостатка в песнях, которые он принимал и понимал и которые исполняли известные певцы, у него не было, но хотелось что-то своё, но-

вое, необычное, и он, подключив к работе слепого от рождения музыканта Геру — сорокапятилетнего мужика, работающего в Доме культуры и иногда подыгрывающего “Паровозу” на танцах, принялся творить, выдумывать и пробовать.

Творческий процесс происходил следующим образом: Андрей сочинял стихотворение и пытался его напеть Георгию, тот улавливал мотив, наигрывал мелодию на рояле, и если, по мнению обоих, получалось, Гера дорабатывал, доводил сочинение до ума, и в тот же день музыканты начинали репетировать новую песню. Нередко премьеры проходила уже в ближайший выходной и, как правило, под одобрительные крики кайфующей под музыку молодёжи.

Примерно через год-полтора после прихода Андрея из армии и образования ВИА, состоялся областной конкурс вокально-инструментальных ансамблей, на котором “Паровоз”, управляемый Шурупом, на всех парах подкатил к первой премии и, выпустив пар, вернулся домой с триумфом. Пятеро парней-музыкантов и слепой Гера, переживавший за ребят дома, после успеха стали национальными героями городка. Их групповой портрет напечатала городская газета, фотографии “паровозников” были вывешены в фойе Дома культуры, в их честь устроили прием в городском отделе культуры и горисполкоме. Имел с ними беседу даже первый секретарь партии, который, как бы между прочим, посоветовал название “Паровоз” сменить, по крайней мере, хотя бы на “Локомотив”, на что Андрей заметил, что паровоз — чугунно-стальная машина пролетариата, который они имеют честь представлять на эстраде, и напел:

“Наш паровоз, вперёд лети — в коммуне остановка!”

Было видно, что секретарь несколько смутился в ответ на эту реплику, но ничего не сказал, лишь слегка покашлял, ещё раз поздравил с удачей, пожелал успехов в творчестве и поспешно попрощался.

А “Паровоз” стал готовиться к поездке на зональный российский конкурс ВИА. Андрей был уверен в успехе, он включил в репертуар группы уже забытую песню Валерия Ободзинского “Льёт ли тёплый дождь...”, которая на “ура” прошла

на последнем концерте в ДК. Работа кипела, ребята горели, начальство и власти денег не жалели и пообещали в случае успеха в конкурсе каждому из участников ансамбля, включая слепого Геру, предоставить по трехкомнатной благоустроенной квартире в лучшем районе города, а также обновить музыкальный инструмент на все сто процентов. Группа, а особенно Андрей, жили предвкушением успеха, и чувствовалось, что успех этот неизбежен и “Паровоз” не пройдет мимо станции с названием “Победа”.

Но судьба, как и слава, вещь непредсказуемая и капризная.

Квартиру, которую пообещали Андрею, была бы кстати. Он собирался жениться. Еще до службы в армии он был знаком с Катей — лет на пять помладше его девушкой, дочерью начальника охраны ремонтного завода. Когда Андрей уходил в армию, Катя училась в восьмом классе. Вернувшись, он застал её, белокурую и неотразимую, сочную и живую девушку, студенткой второго курса городского медучилища. Катя постоянно посещала танцы и концерты, на которых играл “Паровоз”. Бывало её приглашали на танец, но чаще она стояла с подругой возле одной и той же колонны в танцевальном зале и слушала, как поёт Андрей. Он это заметил, и чутье ему подсказало, что Катюша отнюдь не равнодушна к нему, и в один из вечеров объявил по микрофону, что новая песня посвящается Кате. В зале захлопали, а Катя смутилась и ушла, не дождавшись конца вечера.

Примерно неделю Катя не показывалась, а затем Андрей подкараулил её возле медучилища и пригласил на репетицию. Катя пришла, потом ещё раз и ещё. Они начали дружить. И подружились. Примерно месяца через три после посещения первой репетиции “Паровоза” Катя объявила Андрею, что она того — залетела и у неё намечается ребёнок. Объяснение молодых произошло сразу после очередного танцевального вечера, и Андрей долго успокаивал Катю, утверждая, что это надо было предвидеть, ничего страшного нет, в ближайший выходной он

отправит мать с визитом к Катиным родителям и та засватает Катю за Андрея, а потом они подадут заявление в ЗАГС.

Однако Катя не успокаивалась, она не знала, как объяснить всё родителям и в училище. Ведь при поступлении в медицинское учебное заведение с неё взяли клятву: не выходить замуж до окончания учебы. Она боялась отца, который нещадно наказывал её с младшей сестрой в детстве за любую провинность, да и теперь спрашивал строго за малейший проступок. Дело усугублялось ещё и тем, что директор училища и Катин отец были приятелями, и от кого-кого, а от дочки приятеля директор училища сюрпризов не ожидал...

В общем, решили так: Катя сообщает новость родителям, они с Андреем переживают “грозовую бурю”, а затем мать Андрея идёт сватать Катю.

В тот вечер Андрей проводил подругу до самой калитки, долго пояснял ей, что, в какой форме и в какое наиболее удобное время выпалить родичам сообщение о том, что у них намечается внук. Они расстались во втором часу ночи, и взволнованный Андрей долго не мог заснуть: ворочался с боку на бок, раздумывая о том, как и где лучше гулять свадьбу. Как оказалось, это была не последняя его беспокойная ночь и на долгое время последняя в родительском доме.

Часов в одиннадцать на другое утро, едва только началась репетиция, в фойе ДК зазвонил телефон, и взявшая трубку техничка подозвала к аппарату Андрея. Звонил директор медучилища. Он сообщил, что Катя находится в тяжёлом состоянии в городской больнице и просит, чтобы к ней позвали Андрея.

— Что с ней? — крикнул в трубку Андрей. — Отец её избил?!

На другом конце провода раздался лишь глубокий тяжёлый вздох. Через полчаса Андрей был уже в хирургическом отделении горбольницы.

В палате, помимо медицинской сестры, находились ещё две женщины с заплаканными глазами. “Наверное, мать и сестра”, — успел он подумать. Катя лежала на кровати с закрытыми глазами. Лицо и лоб её были в синяках, губы припухли,

голова забинтована. Андрей несмело приблизился к ней, женщины, сидевшие на краю кровати, приподнялись.

Катя открыла тяжёлые веки и жестом руки показала на кровать. Он присел, она взяла его руку в свою — холодную и слабую. В глазах её сверкнул на секунду огонёк. “Живи”, — прошептала она и закрыла глаза. Рука её ослабла и, соскользнув с его ладони, упала вдоль кровати.

— Катя-а-а! — закричала одна из находившихся рядом женщин и, оттеснив Андрея, упала на кровать, навалившись телом на дочь.

Дальнейшее Андрей помнил смутно. Из палаты его вывела медсестра, за больничной оградой поджидали ребята из группы на “Жигулях” бас-гитариста Василия. Они посадили его в машину и отвезли домой.

До вечера Андрей лежал на диване, пробовал закурить, но, сделав затяжку, раскашлялся и отшвырнул сигарету, выпил пятидесятиграммовую рюмку коньяка.

Пришла с работы мать, глянув на сына, ничего не сказала и пошла на кухню готовить ужин. Андрей догадался — она в курсе. Мать сварила пельмени и окликнула его к столу. Он сначала отказался, но мать настояла, сказав, что необходимо поесть. За ужином он выпил еще одну рюмку коньяка. Мать покачала головой и сказала, что Катиного отца допросили в милиции и выпустили под расписку, что он себя виновным не признает и грозитя расправиться с Андреем. Андрей на это заявление никак не прореагировал.

После ужина он вышел на улицу, дошёл до городского парка, присел на скамейку. Наступал вечер, и парк был пуст. Он вспомнил, как бродил по этим аллеям с Катей, как сидели они на скамейках. Возможно, даже на этой самой. От воспоминаний перехватило горло, и он с трудом проглотил слюну. Солнце уже клонилось к закату, когда Андрей решил.

Домой он вернулся незаметно от матери, прошел на балкон, отыскал в ящике, что остался от отца, охотничий нож, положил его во внутренний карман пиджака. К дому Катиных родителей он подошёл, когда уже совсем стемнело. В окнах горел

свет, и было видно, как суетились люди. Андрей решительно распахнул калитку, прикрикнул на залаявшего было пса, и направился к входной двери.

Перед тем как войти, он достал нож из кармана, взял за край рукоятки, а лезвие спрятал в рукав пиджака. Катин родитель и ещё несколько человек сидели в зале за столом. Увидев вошедшего Андрея, отец Кати поднялся. “Что надо?!” — крикнул он резко и сквозь зубы, как кричал на тех, кто пытался пройти без пропуска через проходную ремонтного завода. Андрей неторопливо подошёл к нему вплотную, вскинул нож и саданул несостоявшегося тестя в область солнечного сплетения. “Тесть” широко раскрыл рот, закатил глаза, захрипел и рухнул на колени. На мгновение наступила тишина — никто до конца не понял, что же произошло. Андрей повернулся и быстрыми шагами направился к выходу.

Милиционеров он ждал дома. Они приехали часа через полтора. Он был уже готов: собрал рюкзак со сменным бельём, ложкой, кружкой, чашкой. Ничего не подозревающая мать, разбуженная приходом милиции, вначале спросонья лишь крутила головой, а когда поняла, в чём дело, завывала белугой. Андрей молча обнял её, поцеловал и направился впереди сотрудников горотдела к милицейской машине.

Катин отец остался жив. Ему сделали операцию, и всё обошлось. Уголовное дело в отношении него из-за болезни отложили на неопределённый срок, и на суде он ни в чём не обвинял Андрея, на вопросы судьи отвечал рассеянно. Адвокат старался всюю, рассказывая судье и заседателям о том, кто такой Андрей и какой он хороший, что преступление было совершено на нервной почве и подсудимого можно понять. Судья кивала головой, соглашаясь. Однако, зачитывая приговор, сказала, что тяжкие телесные повреждения нанесены потерпевшему были и суд приговаривает обвиняемого к четырём годам лишения свободы.

И покатила для Андрюшеньки другая жизнь. Первое время было трудно, особенно в тюрьме, когда четыре стены ограничивающие физическую свободу, казалось, сдавливали сознание и душу.

В зоне было несколько просторней и в прямом и переносном смысле: там тоже нашлись музыканты и даже инструментальный ансамбль, куда с радостью приняли нового солиста.

Везде привыкает жить человек: на Северном полюсе и в Антарктиде, в тропических джунглях, саваннах и пустыне. Привык к подневольной жизни и Андрей. Он выучился играть на трубе у пожилого, со вставленным глазом еврея-флейтиста, сочинял стихи, теперь, правда, больше лагерного толка, разучил несколько классических лагерных песен.

По большим праздникам в столовой исправительно-трудового учреждения начальство устраивало концерты, на которых разрешалось среди классического песенного репертуара из советской эстрады спеть одну-две “блатные” песни. И Андрей тут уж старался. Кличка Шуруп, казалось, уже начисто забытая за последние годы на воле, каким-то образом преодолела и колючую проволоку, и путанку, и запретную полосу и прочно ввинтилась в Андрея. “Давай, Шуруп!” — кричали зеки, когда он пел “Мурку” или “Гоп-стоп”. “Давай, Свиридов!” — кричал замполит учреждения, когда Андрей затягивал жалобную песню о голубоглазой девушке, которая, проведив возлюбленного в неволю, стала ходить по кабакам. Эта песня вышибала слезу не только у замполита и начальника колонии, но и у старого зама по режиму, повидавшего на своем веку не одно поколение арестантов. Андрей и здесь стал всеобщим любимчиком.

Через полтора года после начала срока Андрея освободили из-под стражи и направили на стройки народного хозяйства. Выражаясь более популярным языком — на химию. Прошло ещё полгода. Андрей работал на стройке каменщиком, жил в общежитии комендатуры, с разрешения начальника посещал репетиции местной музыкальной группы. За хорошее поведение и хорошую работу его дважды отпускали в краткосрочный

отпуск домой и пообещали освободить подчистую досрочно. Но и этому не суждено было сбыться.

Возвращаясь из отпуска, предоставленного ему второй раз за полгода, Андрей познакомился в поезде с пареньком, который, несмотря на свои двадцать лет, прошел в жизни, как говорят, “и Крым, и Рым”. Он поведал Андрею о своей жизни, сказав, что ему тоже приходилось бывать “в химиках”, правда, недолго. Едва его успели выпустить из зоны на “химическую свободу”, как он сделал несколько нарушений и снова попал за колючку.

“Закрыли, падлы!” — сказал зло паренек и добавил: “Смотри, могут и тебя прикрыть перед самым концом срока”. — “Да ну!” — воскликнул Андрей, но червь сомнения уже заточил, заерзал в его душе. На вокзале в областном центре он занервничал. Лето дурило голову: то и дело сновали взад-вперед загорелые девочки в коротеньких платьицах, юбочках, шортиках, рядом била в гранитные плиты ласковой и зовущей волной великая сибирская река, по голубому небу-океану плыли неторопливые белые облака-пароходы — всегда вольные и беззаботные. И всё: эти девочки, эта речная волна, эти облака, эта вольная летняя суета у железнодорожных касс и на автовокзале окончательно растеребили Андрею душу, и он, купив в хозяйственном магазине десятилитровую канистру и, наполнив ее под завязку пивом, направился по адресу, который дал ему один из его товарищей по зоне, освободившийся год назад и проживающий в этом городе.

Было прекрасное воскресное утро, и Валерьян оказался дома. Он смотрел по телевизору “Утреннюю почту” и одновременно стряпал пельмени.

— Заходи, — сказал он Андрею, протянув для пожатия руку повыше кисти, потому как руки его были в муке, — а я один. Жена же, знаешь, сука, не дождалась меня. Сама посадила, сама и не дождалась. Приехал какой-то аспирант и увез ее к себе в деревню. Детей, стерва, моей матери оставила. Ну ладно, девчонке уже семнадцать лет, а пацан-то в шестом только учится. Отправил ребятишек на лето к ней, пусть поживут,

к новому папе попривыкнут. Он помоложе, пускай лиха хлебнёт. Моя-то скоро тоже родит... так что семейство у них будет обширное.

— А тётя Таня где? — спросил Андрей, имея в виду мать Валерьяна, семидесятилетнюю старушку, жившую вместе с сыном и его детьми.

— Вчера на “скорой” увезли. Желтуху признали. Сегодня какие-то жмурики приходили, брызгали тут с краскопульта по углам. До сих пор мутит. Чуешь, запах какой?

Андрей пожал плечами.

— Я уж тут насквозь все окна пооткрывал, балконную дверь, форточки — всё равно воняет. Ну, а ты как? Отмучился?

— Хватит. Хорошего помаленьку, — соврал Андрей.

— Это дело надо вспрыснуть, — улыбнулся Валерьян. — У меня две недели выходных впереди. Мы вахтовым методом работаем. Да и получку я в пятницу получил. Еще непил, с бабкой этой... Так что гони в магазин.

— Да я тут пива привез, — сказал Андрей, ему не хотелось начинать гулянку.

— Да брось ты, пиво... Пусть его алкаши пьют, а мы будем водочку. Слава богу, те времена прошли, когда её штурмом брать надо было. Иди, возьми пару пузырей. А я тут с пельмешками разделаюсь.

Кроме литра водки, Валерьян наказал Андрею купить каретку яиц, два килограмма огурцов и редиски. Когда “горючее” с продуктами питания было доставлено к столу, у Валерьяна уже доваривалась первая порция пельменей.

Три дня прошли как в тумане. Так беспробудно Андрей в своей жизни ещё никогда не пил. В первый день он ещё дважды ходил в магазин за водкой, а на другой, опохмелившись, Валерьян повез его на химзавод, где они купили у охранника трехлитровую банку очищенного спирта и, возвращаясь домой, чуть не подцепили двух каких-то шустрых малолетних девиц. Валерьян приглашал их к себе, но находившийся в более ясном уме Андрей дал им на мороженое и поспешил увести Валеру от греха подальше.

Два дня они из квартиры не выходили и на звонки в дверь не реагировали. Пили спирт, ложились спать, а проспавшись опохмелялись. Покончив с пельменями, запивали спирт сырыми яйцами, выбрасывая скорлупу прямо в форточку — во двор пятиэтажного дома. Банка была какой-то бездонной — спирт не кончался и к концу второго дня уже не лез в рот.

Андрей промучился всю третью ночь на диване, многое передумал и к утру решил податься на запад, правда, запад недалёкий. Часов в шесть утра он растолкал Валерьяна, попрощался с ним, налил с собой пол-литра и отправился на железнодорожный вокзал. Через два часа он был уже в пути, а через двое суток появился к армейскому приятелю Саньке Пяткину, который работал агрономом в совхозе. Соврал, что был, мол, недалеко от их мест на гастролях и решил завернуть на адресок. Пяткины встретили Андрея гостеприимно, особенно рада была гостью Санькина жена — некрасивая Светлана, уроженка волжских берегов: она тосковала в Сибири по родным местам.

— А мы живём одиноко, — говорила она Андрею, — никто к нам не ходит, и мы ни к кому не ходим. Скучно живём: работа — дом, дом — работа.

С Санькой они пили водку, ходили в околки по маслята, окучивали картошку, топили баню и парились. Иногда Андрей играл на гитаре и пел. Через неделю он, почувствовав себя неловко за то, что загостился, хотел было распрощаться с гостеприимными хозяевами, но Светлана попросила его не торопиться:

— Погости ещё. Куда спешишь? Когда с Санькой ещё встретитесь?

Андрей согласился. Пролетела ещё одна неделя. К её исходу Света, очевидно, заподозрившая, что у Андрея не всё так гладко в жизни, как он хочет это показать, вдруг сказала:

— А может, у нас на работу устроишься? В нашем-то клубе музыкантов хватает, но в райцентре, думаю, можно. Попробуй.

И Андрей решил попробовать. На следующий день на совхозном автобусе поехал в райцентр к заведующему отделом культуры — предлагать свою кандидатуру. Он уже обдумал легенду, согласно которой он якобы с отцом приехал в гости к родственникам, ему приглянулись эти места, и он решил остаться, однако отец был против и уехал, прихватив его документы с собой. Если можно, то Андрей поработал бы пока в ДК временно, а потом съездил домой и всё уладил.

В РДК вакансий культработников не оказалось, но заведующая предложила ему обратиться в соседний район, там, как она сказала, местный завкультурой сколачивает агитбригаду на время сенокоса и уборочной. До другого райцентра было километров шестьдесят, и Андрей решил попытаться счастья там. Он прибыл туда уже после обеда и, не застав заведующего отделом культуры, зашел в РДК, где познакомился с директором Степаном Петровичем, здоровым басистым мужиком-хохлою.

— На баяне играть можешь? — спросил директор Андрея и, когда тот ответил, что может, подал ему стоящий на книжном шкафу баян: — Сыграй.

Андрей наиграл “Яблочко”.

— Годится, — сказал директор. — А частушки какие-нибудь знаешь?

Андрей пропел ему пару куплетов из серии “Про милёнка”.

— Да ты, парень, для меня просто находка, ещё и на трубе играешь... Вот что, давай приезжай в начале следующей недели, я поговорю с заведующим насчет тебя и твоих документов. Будь уверен, уговорю и жильё тебе подыщу. Уразумел?

Андрей ответил, что уразумел, с тем и отбыл к Пяткиным за вещами, вернее, за дорожной сумкой, ибо больше ничего у Андрея и не было. Светлана обрадовалась, что Андрей будет жить неподалёку от них, и наказала ему поспешно не жениться, ибо она нашла для него невесту — сельскую учительницу.

— Кого ещё? — спросил её Санька.

— А Зинку Дегтярь. Муж от неё уехал — одна живет с двумя детьми. Чем Андрею не невеста? Баба работающая.

— Нужна ему эта корова Зинка. Зануда та ещё. Думаешь, от хорошей жизни от неё муж убежал? Допекла его, — сказал на это Пяткин.

— А может, и нужна ему именно Зинка? — не сдавалась Света. — Кто знает, где найдёшь, а где потеряешь? А что касается Зины и её мужа, то ещё не ясно, кто кому хребет переел. Ревнивый был Колька до невозможности. На учительский педсовет даже не отпускал. Вот так мужик!

Санька со Светой заспорили, а Андрей улыбнулся. Начинаясь новый этап в его жизни.

Вот таким образом и попал он в районный центр, где проживала бедная Наташа, спокойно и размеренно, не подозревая, что уже в скором времени нарушатся ее спокойствие и одиночество, и ворвется в её жизнь, свалится на её голову певец и музыкант, сочинитель песен Андрей Свиридов по кличке Шуруп.

Андрей поселился на квартиру к бывшей активной участнице художественной самодеятельности района, а ныне техничке Дома культуры бабе Паше. Та выделила Андрею отдельную комнату, строго наказала “не шляться по столовым”, а питаться с её стола.

— Много не возьму, не бойся, — сказала она новому культработнику. — Картошка, солонина есть, хлеб я сама пеку. Презимуюем.

Баба Паша для безденежного Андрея была просто находкой. Она жарила ему кабачки на сале, стряпала блины с творогом и большие мясные манты, не говоря уже о щах, борщах и супах.

У бабы Паши был сын Валентин, который, дослужившись до большого начальника в краевом центре, к старушке-матери навещался один раз в два года, не нуждаясь ни в её овощах, ни в сале-мясе. Старушка была несколько обижена этим, сучала по внукам, которые практически её не знали, и всё, что у неё накипело на этот счёт, высказывала вечерами Андрею во время просмотра телевизора.

Примерно с месяц жил он у бабы Паши. Разъезжал по колхозам и совхозам, по полевым станам в составе агитационной

бригады с популярным по всей России названием “Глобус”, наяривал на баяне и подпевал трём женщинам и самому директору ДК. Женщины, две из которых были молодые, а третья — жена директора, выступали в старинных русских сарафанах, директор и Андрей были в косоворотках, шароварах и подпоясаны красными поясами с тесёмками. В репертуаре “агитчики” использовали в основном частушки прошлых лет, но были и новые, которые директор ДК Степан Петрович сочинял не без помощи Андрея.

Нельзя сказать, что в районном центре совсем не бывало никаких молодёжных мероприятий: по воскресеньям проходили в ДК дискотеки, где молодёжь развлекалась под магнитофон. Но это было совсем не то, что “живая” музыка, по которой скучал Андрей. Это прекрасно понимал Степан Петрович и всячески старался способствовать стремлению Андрея создать вокально-инструментальную группу. Они вместе ездили по сельским клубам, собирали списанные музыкальные инструменты, разговаривали с преподавателями музыкальной школы, с ребятами из СПТУ.

Усилия культработников не пропали даром — им удалось собрать и отремонтировать две электрогитары, ударные инструменты. В комплектовании музыкальными инструментами пообещали содействие заведующий районным отделом культуры и директор крупнейшего совхоза района. В общем, работа шла и вечерами. Андрей подолгу пропадал в ДК, возвращаясь домой уже ближе к полуночи. Баба Паша не ложилась, пока не убеждалась, что Андрей поужинает. Только проконтролировав это мероприятие, она со спокойной душой отходила ко сну.

Время шло, как принято говорить, размеренно, и Андрей уже стал привыкать к этой размеренности, и, наверное, привык бы, если бы однажды в Дом культуры не заглянула пожилая корреспондентка местной газеты Валентина Петровна. Она освещала вопросы культуры и образования в районной прессе и знала всех работников культуры по именам, и, естественно,

инициативный новичок сразу же попал в поле её зрения.

Надо сказать, что Валентина Петровна была своеобразным человеком. В молодые годы жила весело: участвовала во всех комсомольских мероприятиях, учительствовала, дружила с парнями, однако осталась одинокой и теперь, перестроившись, вела непримиримую борьбу с пьянством и алкоголизмом, уважала деловых, увлечённых людей, но среди коллег и знакомых считалась немного странной. Эту странность в её поведении заметил и Андрей: когда Валентина Петровна задавала ему вопросы, а он отвечал ей полушутя, она заливалась таким громким басистым смехом, что окружающие невольно вытягивали лица в удивлении.

После знакомства с Андреем Валентина Петровна зачастила в ДК по вечерам, пыталась вначале вникнуть в творческий процесс, а примерно через неделю запросто заявила Андрею, что он ей нравится, и она хочет познакомить его со своей соседкой. Андрей принял её заявление вначале за шутку, а потому отреагировал соответственно.

— А на каком этаже невеста живёт? Не высоко прыгать будет, когда законный муж заявится? — шутя спросил он.

— На первом. Так что прыгать не придётся, — ответила она серьезно и одобрительно похлопала Андрея по плечу: мол, ценю шутку. — А что? Зима не за горами: у бабушки там дрова готовить нужно, а у Натальи ничего не надо — придёшь с работы, приляжешь на диване и смотри телевизор — плюй в потолок. Наташка девчонка хорошая, но несчастливая, обманул её Сашка и сам в бабах запутался. Сейчас он далеко отсюда. А Настя у неё просто чудный ребёнок. Давай я тебя отведу к ней?

— К кому, к Насте? — попробовал продолжить шутку Андрей, но Валентина Петровна сделала лицо ещё более серьёзным.

— К Наталье.

— А она согласна, чтобы ей постояльца привели?

— Будет согласна. Никуда не денется. Она сейчас в детском саду работает, поэтому зайду к ней вечером — предупреджу, что завтра придём. Понял?

Андрей промолчал, но задумался.

— Чего она от тебя хочет? — спросил его Степан Петрович, когда Валентина Петровна удалилась.

— Сватает.

— За кого?

— Да за какую-то Наталью из детского сада.

— Ты смотри поосторожней с ней, а то найдёт тебе такую же, как сама, — сказал директор ДК и покрутил у виска указательным пальцем.

Тут как тут оказалась баба Паша.

— Наташа хорошая девчонка, — сказала она, — даром что брошенка. Я её знаю. Слышала, о ком Валентина Петровна говорила. Не бойся, я тебе, как сыну, плохого не пожелаю. Она спокойная, ты парень смирный — пойдёт у вас дело. Совместный, глядишь, ребёнок народится.

— Да я разве против того, чтобы Андрей осел у нас? — сказал директор. — Кадр он для нас ценный, а если ещё семьёй обзаведётся и квартирой... Я и мечтать об этом не смею.

Весь вечер, до того как лечь спать, баба Паша без умолку рассказывала Андрею о Наташе, о её сестре, активной в прошлом комсомолке, проживающей в дальнем хозяйстве, о матери-труженице, живущей в двенадцати километрах от райцентра.

Она говорила так, будто вопрос о совместной жизни Андрея и ни разу не виденной им Натальи уже решён, что Андрей поддался её настроению и подумал о том, что, видимо, встречи с этой женщиной ему никак не избежать.

Следующего вечера Андрей ждал с опаской и любопытством. Валентина Петровна зашла за ним ровно в шесть вечера.

— Ну, пошли, жених! Или испугался? — едва войдя, выпалила она.

— Кто? Я? Плохо вы меня знаете.

— Тогда давай побыстрее собирайся. У меня времени мало — дома стирка ждёт, хлеба купить надо. Пошли.

Они вышли из ДК и направились по центральной улице села. По пути Валентина Петровна купила в гастрономе булочек и вермишели. Андрей постоял возле витрины, решая, купить или нет торт к чаю, но Валентина Петровна потянула его за руку:

— Не трать зря деньги, может, ещё тебе невеста не понравится.

Не без волнения подходил Андрей к дому, где жила Наташа.

— Дома ли она на беду на нашу? — сама себя спросила вслух Валентина Петровна и громко засмеялась. — Обещала быть дома. Если не испугалась, конечно. Ты-то как? Коленки не дрожат?

— Ой, и не говорите, — попробовал пошутить Андрей, — сейчас эпилепсия заколотит.

Наташа тоже в этот вечер собиралась затеять стирку — залила на кухне в ведро воды, опустила туда кипятильник. Она также чувствовала какое-то беспокойство в душе и не могла до конца понять: пошутила ли соседка, обещая ей привести жениха, или же говорила обо всем на полном серьёзе. После шести вечера она отправила Настю поиграть к соседям и, готовясь к стирке, то и дело подходила к окну. По улице и на автовокзальной площади сновали по делам и в ожидании транспорта люди. Валентина Петровна не показывалась, и Наташа уже стала подумывать о том, что та всё-таки пошутила. Она налила из-под крана в ковш воды и стала поливать стоявшие на подоконнике цветы.

В дверь позвонили неожиданно. Наташа знала, что это может произойти с минуты на минуту, но в глубине души надеялась, что этого всё же может и не произойти...

Она замерла с ковшом в руке, постояла без движения и даже без дыхания несколько секунд. “Тук-тук-тук”, — учащенно застучало её сердце. Второй звонок — непривычно длинный — вывел её из оцепенения, и она пошла открывать.

На лестничной площадке стояли сияющая Валентина Петровна и молодой человек в чёрной кожаной куртке.

— Можно? — спросила хозяйку Валентина Петровна и, не дожидаясь ответа, проследовала в прихожую, парень тоже несмело переступил порог.

— Это Андрей, — представила Валентина Петровна, — а это Наташа.

— Очень приятно, — сказала Наташа, — проходите в комнату.

— Проходи, Андрей, — потянула за рукав гостя Валентина Петровна, — не стесняйся. Наташа своя девчонка. Правда, Наташа?

Наташа смутилась. Валентина Петровна по-хозяйски села на диван. Наташа присела рядом. Андрею предложили стул у стоявшего возле стенки стола.

— Я вас тут введу немного в курс дела и пойду. Дальше без меня разберётесь. — Валентина Петровна откинулась на спинку дивана и закинула ногу на ногу. — В общем, Наташа, Андрей песни сочиняет и поёт прекрасно. Я слышала. Так что зимой скучать не будешь — ляжете вдвоем на этом вот диване и будете петь. А Наташенька у нас, Андрюша, хорошо готовит. Помню, как она меня булочками угощала.

— Шаньгами, — поправила сваху Наташа.

— Ах, да. Шаньгами. Объедение. Голодным здесь не будешь, Андрюха. Будешь жить не хуже, чем у бабы Паши. Понял?

Андрей глянул на Наталью, та опустила глаза.

— Ну что молчите-то? — продолжала брать на себя инициативу Валентина Петровна, — может, мне уйти?

— Подождите, я чай согрею, — сказала Наташа.

— Некогда мне чаи распивать, — Валентина Петровна подмигнула Андрею, поднимаясь, — я попозже зайду.

Наташа проводила соседку до двери, вернулась в комнату, снова присела на диван.

— А вы заканчивали что-то? — спросила тихо она.

— Культпросветучилище. Хоровой факультет.

— А почему именно хоровой? — улынулась Наташа.

— А потому что, кроме режиссерского и хорового, никаких других факультетов в нашем училище не было. Хоровой ближе к эстраде, чем режиссерский, вот я и пошел на хоровой.

— А я сельхозтехникум закончила. Отделение зернообработки. Три месяца поработала на хлебоприемном пункте, до декретного отпуска, а потом в садик пошла: чтобы ребенка в ясли устроить. И не жалею. На ХПП такая грызня была — бабы друг друга буквально “съедали”, а в садике дружно живём. Дни рождения вместе после работы отмечаем, праздники.

— Не скучаете, в общем? — не то спросил, не то проконстатировал Андрей.

— Да. Некогда скучать. А вам ваша работа нравится? Валентина Петровна говорила: с агитбригадой по полевым станам разъезжаете.

— А-а, — Андрей махнул рукой, — с агитацией этой... Суета всё. Я поп-музыку люблю, эстраду. Глухо здесь насчёт этого.

— Да, у нас дыра настоящая. Никогда ничего путного не было, разве что духовой оркестр. И что вас в наши края занесло?

— Судьба, видимо...

— А вы что, в судьбу верите?

— Верю. От неё, голубушки, никому не суждено уйти. И обмануть её никому не под силу.

— А я не верю. Всё в мире состоит из случайностей. Вот и вы случайно попали в наше село, случайно попались на глаза Валентине Петровне, она случайно привела вас ко мне, я случайно в это время оказалась дома. Хотя хотела к соседке уже уходить.

— А не кажется вам, что сеть случайностей — это уже закономерность?

Наташа пожала плечами.

— Интересная эта корреспондентка, — соседка ваша, — сказал Андрей о Валентине Петровне, — всё у неё запросто.

— И не говорите. Давай, говорит вчера мне, я тебе, Ната-

ля, мужика приведу. Я её спрашиваю: как? А она: да просто, приведу, и всё, жалко парня — у бабушки на квартире живёт, питается, как попало, а талантлив...

— Ну, уж талантлив... — смутился Андрей.

— Она так и сказала: талантлив и менестрель. А вы, правда песни сами сочиняете?

— Да так, — махнул рукой Андрей. — Несерьёзно это. Для того чтобы стать популярным исполнителем или поэтом-песенником, нужно в Москве или Питере жить, а здесь — баловство одно.

— Ну, а если для души? Для души можно хоть где сочинять. Правда, ведь?

— Конечно, только хочется большего. Большого, понимаете? Тем более что знаешь про себя, что способен на большее.

— Ну, какие ваши годы? Еще выйдете с микрофоном на сцену в концертной студии “Останкино” в программе “Песня года”.

Андрей и Наташа засмеялись одновременно.

— Чай пить будем? — спросила хозяйка.

— Да нет, наверное. В другой раз я с тортиком приду. Если можно, конечно. А сейчас пойду, бабушка Паша беспокоиться будет.

Андрей поднялся, Наташа тоже.

— А я люблю торт, — сказала Наташа. — Приходите, будем рады. И гитару приносите. Вы споете, а мы послушаем.

Андрей хотел что-то сказать, но входная дверь с шумом отворилась, и в комнату вбежала девочка лет четырех в голубеньком платьице, с косичкой и большим белым бантом.

— Мама! — крикнула она. — А тётя Оля...

Она осеклась, увидев незнакомого дядю, и замерла на месте.

— Что, Настенька? — улыбнулась Наталья, — испугалась? Не бойся, дядя хороший. Ну, иди ко мне.

Настя подошла к матери и протянула ей маленькую куклу.

— Вот. Тётя Оля подарила, — она прижалась к Наталье и стала внимательно рассматривать гостя.

— Ну, всего хорошего, — сказал Андрей, направляясь к выходу.

— До свидания, — ответила Наташа, и в это время на кухне в ведре закипела вода — хлынула через край и побежала по полу.

— Ну, как? — прямо с порога спросила Андрея баба Паша.

— Да ничего. Только худая уж больно.

— Раньше она такой не была. Роды у ней тяжело проходили, да и переживала. Сашка-то, дурак, этот художник-недоучка, ребёнка никак не хотел поначалу своим признавать. Попил он ей крови... А она понравится тебе. Жизнь спокойная будет: быстро раздобрееет. Ну что, к ней жить пойдёшь? О чём договорились?

— Да пока ни о чём. Не всё сразу же. Надо ещё пару раз в гости сходить, а потом уж решать, — ответил Андрей, снимая куртку в прихожей.

— Чует моё сердце: уйдёшь ты скоро от меня, — вздохнула баба Паша, — и опять я буду одна: ни поговорить не с кем, ни пожаловаться некому... Не везёт мне на квартирантов. До тебя корреспондент один жил, так тот и месяца у меня не простоловался, Валентина Петровна его через две недели после приезда женила на одной учительнице. И вот снова она у меня квартиранта уводит.

— Так, значит, я не первый, кого сватает Петровна?

— Какой первый! — воскликнула баба Паша. — Десятый! У неё это сватовство здорово получается, и всегда она знает, кого с кем свести. Гордится здорово тем, что кого она свела — все живут семьями, ни одного развода. Она и редактора районной газеты в своё время познакомила с женщиной из Дома быта. Теперь у Иваныча уже двое ребятшек. А сюда приехал — хандрил, уезжать хотел. Теперь же, как говорят: “и палкой не выгонишь”. И тебя здесь окрутят. Хотя, как я посмотрю на тебя, ты не такой, как наши мужики. Ты — птица вольная.

Андрей не сомкнул глаз всю ночь. Нельзя было сказать, что Наташа произвела на него впечатление, но в данной ситуации, когда на руках у него не было ни документов, удостоверяющих личность, ни даже трудовой книжки, он понимал, что выбирать ему не приходится. Андрей временами чувствовал себя подлецом: как будто обманывал молодую девчонку — обещал жениться, а сам, что называется, “делал ноги”. Ну а вдруг, несмотря ни на что, Наташа окажется для него той самой единственной, которая нужна ему сейчас и до конца жизни? Вдруг именно она та, которая сможет понять, простить, ждать? Да, ждать. Ибо Андрей был уверен в том, что рано или поздно его бега прекратятся и ему придётся быть либо повязанным где-нибудь милицией или же прийти самому с повинной. Тюремь и зоны ему не избежать. А когда находишься там, сердце согревает мысль о том, что тебя кто-то любит или хотя бы ждёт.

Он встал рано: приготовил себе яичницу, помог бабе Паше по хозяйству — покормил кур и поросёнка.

— Не спал сегодня, — догадалась баба Паша. — Утро вечера, говорят, мудренее. Что решил-то?

— Ой, не знаю, баб Паш. Сегодня, наверное, в гости не пойду, а до завтра решу всё. Завтра у меня день рождения ко всему.

— Ну, как знаешь, — вздохнула баба Паша.

День выдался суетливым. С утра Андрей со Степаном Петровичем ходили к директору совхоза, обещавшему купить им клавишную муз аппаратуру японской фирмы “Ямаха”. Директор обещание подтвердил, сказав, что как только закончится уборочная страда, “Ямаха” в ДК будет. Затем они прослушивали игру на гитарах молодых ребят-пэтэушников, а после обеда директор попросил Андрея помочь ему размолоть мешок зерна. Возвращаясь с мельницы, Петрович купил бутылку водки, и пригласил Андрея в гости. Андрею уже приходилось бывать у директора. По концертам он был знаком с его женой Галиной и уже познакомился с двумя дочерьми — Марьей и Ксюшей. Девчонки учились в школе — Маша в шестом, а Ксюша в третьем классе.

Пока Галина готовила на кухне ужин, Степан Петрович с Андреем затеяли баню: натаскали воды, растопили котел, выпили по стопке в гараже. Вечером мылись, парились, пили водку и домашнее пиво, смотрели по телевизору футбол — разыгрыш европейских кубков, ели плов и жареные кабачки, разговаривали до полуночи.

Когда Петрович узнал, что у Андрея завтра день рождения, он нырнул в погреб и достал бутылку самогона, а затем дал команду жене: расстелить Андрею постель в зале на диване.

— У меня переночуешь. Куда на ночь пойдёшь. Места хватит.

Эту ночь Андрей спал, как младенец, а весь следующий день обдумывал, как поступить вечером, и решил полностью положиться на судьбу.

Прихватив гитару и купив торт, он после шести вечера направился к дому Наташи.

На первый звонок в дверь ответа не последовало, он позвонил ещё раз — тишина. “А может быть, это и к лучшему, — подумал он, — не судьба”. Андрей уже было собрался выйти из подъезда, как услышал сверху:

— Не открывают? — по лестничным ступенькам спускалась Валентина Петровна. Одета была она в спортивный костюм, голова повязана лёгкой косынкой.

— Она, наверное, у соседки. Вчера тебя не было, и бедная женщина подумала, что ты разочаровался в ней. Отвечай: почему так быстро позавчера ушёл? Я через час пришла, а тебя уже и след простыл.

— Ну, так меру надо знать, Валентина Петровна, — нашёл, что ответить на замечание свахи Андрей.

— Да. Ну ладно, помогу тебе сделать ещё один шаг.

Валентина Петровна нажала кнопку звонка соседней квартиры, и когда через несколько секунд, никто не открыл, позвонила нетерпеливо ещё и ещё. Дверь отворилась, и из-за неё показалось испуганное лицо Натальиной соседки Ольги.

— Давай сюда Наталью, — приказала ей, не давая опомниться, Валентина Петровна, — мы знаем: она у тебя.

— Сейчас, — часто заморгала глазами Ольга и закрыла двери.

— А я думала, что вы больше не придёте, — Наташа вышла тут же.

Сегодня она, как и Валентина Петровна, была в спортивных штанах и футболке.

— Да ты что, Наташа, как он не придёт. Ты мужиков, видимо, плохо знаешь: им паузу выдержать нужно, показать свою независимость. Это он с виду невозмутим, а сам, небось целые сутки только и думал, как бы тебя увидеть поскорее. Ты его не обижай, он парень у нас скромный.

Валентина Петровна громко захохотала, и Ольга с любопытством снова выглянула из-за двери.

— Ну, пойдёмте, — пригласила Наталья, открывая ключом замок своей квартиры, — вы, Валентина Петровна, с нами?

— Да нет уж, я думаю, что сегодня разберётесь без меня, правда, Андрей?

Тот пожал плечами и шагнул через порог квартиры вслед за Натальей.

— Счастливо, — бросила им вслед Валентина Петровна.

— Сегодня уж точно без чаю не уйдете, — сказала Наталья, приглашая Андрея на кухню. — Тем более, я вижу, вы с тортиком пришли.

— Да. Сегодня у меня день рождения как раз.

— Серьёзно? А покрепче вы ничего не прихватили?

— Да как-то постеснялся.

— Ну и правильно. Мы лучше чаю попьём, музыку послушаем, правда?

— Правда. А дочка-то где?

— У соседей. Пусть поиграет до передачи “Спокойной ночи, малыши”.

Пока Наташа ставила чайник, Андрей настраивал гитару.

— А может, на “ты” перейдём? — спросил он неожиданно, так что Наташа не сразу нашлась, что сказать.

— Давайте попробуем.

— Давай. Я вообще не люблю церемоний, — сказал Андрей и напел:

Сгорела осень золотая,
Пришла зима, и снегопад
Шёл долго-долго, разделяя
И отдаляя нас. Назад
Ты не смогла уже вернуться,
И эти новые снега
Припорошили память, чувства,
Нас разбросав по берегам.
Остались письма без ответа,
И телефонные звонки
Тебя преследовать по свету
Не успевают и гудки.
Разрежут комнату пустую
И разошьёт мороз окно,
И вновь по памяти рисую,
Я краски взял и полотно...

— Твоя песня? — спросила Наташа, еще неуверенно про-
износя слово “твоя”.

— Моя. Одна из ранних.

— И стихи твои?

— И стихи, и мелодия. Правда, в обработке одного слепо-
го музыканта. От рождения слепого.

— Надо же, — удивилась Наташа. — И почему талантли-
вым людям в жизни не везёт: то рано умирают, то живут кале-
ками...

— Не везёт — это — правда, — согласился Андрей и про-
должил:

Тебя. И имя повторяю —
Плохой художник и поэт,
Но не смогу и кисть роняю —
Вновь не закончен твой портрет.
Потом, всю ночь гляжу на звёзды
Не в силах справиться с тоской,
А утром покупаю розы
И целый день живу тобой.

— А почему песня про художника? — спросила Наталья.

— Сам не знаю. Захотелось, чтобы художник был героем песни, вот и написалось про художника. Может, самому мечтаюсь картину нарисовать, а таланта не хватило.

— А я за художником замужем была, — сказала Наташа и внимательно взглянула Андрею в лицо.

— Я знаю, — спокойно отреагировал тот, продолжая перебирать струны.

— Валентина Петровна сказала?

— Она.

— Ну, всё доложила, — улыбнулась Наташа, — хотя правильно, должен же ты знать, откуда у меня ребёнок.

Наташа разрезала торт, сняла с газовой плиты чайник.

— Кофе будешь пить или чай?

— Все равно.

— Тогда кофе. Иди мой руки.

Андрей отложил гитару, поднялся, прошел в ванную, вымыл руки. Заметил, что кран на кухне не держит воду и она течет тонкой струйкой.

— У тебя резина толстая дома есть? — спросил он хозяйку, снова садясь на табурет возле кухонного стола.

— Была где-то. А зачем?

— Кран починить нужно.

— Потом. Именинников мы работать не заставляем. Завтра придешь и починишь. А сегодня вечер отдыха. Идёт?

— Идёт, но только дело-то это минутное. Можно после кофе и работой заняться.

— После кофе с тортом ты будешь петь, а я оценивать твоё исполнение, ясно?

— По пятибалльной системе? — улыбнулся Андрей.

— Зачем по пяти, по десятибалльной, — Наташа лукаво подмигнула.

“Видимо, здорово соскучилась по мужику, — отметил про себя Андрей, — придется оставаться ночевать”.

— Ну, с днём ангела, — сказала Наталья, разлив кофе по маленьким фарфоровым кружкам и поднимая одну, словно бокал с шампанским.

— Спасибо.

— И сколько стукнуло, если не секрет?

— Ой, не говори. Двадцать пять уже.

— А мне через две недели двадцать три будет. Приглашаю.

— Приду обязательно. Спасибо за приглашение.

Едва они приступили к кофепитию, как в прихожей раздался звонок, и Наташа пошла открывать дверь.

— Кого там ещё принесло?

Зашла соседка.

— Наташа, у тебя черные нитки есть? — задавая вопрос Наталье, Ольга скосила взгляд на Андрея. Вслед за ней вбежала Настя. Сегодня она была в желтом платице и с желтым бантом. Увидев Андрея, она снова замерла, но на сей раз быстро вышла из оцепенения и вприпрыжку проследовала в комнату.

Наташа стала искать нитки, а Ольга остановилась в прихожей и продолжала метать взгляды в сторону Наташиного гостя.

— Может, с нами кофейку с тортиком, — предложил ей Андрей.

— С удовольствием, — сразу согласилась Ольга и крикнула в комнату: — ладно, Наташа, потом найдёшь.

Прихватив из комнаты два стула, Наташа усадила за стол Ольгу с Настей, налила им кофе.

— А мы день рождения отмечаем, — сказала Наташа, как бы между прочим.

— Поздравляю, — отозвалась Ольга мгновенно и улыбнулась Андрею. — У вас что, безалкогольный вечер?

— У нас кофепитие и тортоедение без употребления спиртного, — объяснил ей Андрей, отметив про себя, что Ольга довольно симпатичная, лет двадцати дамочка, чрезмерно любопытная и общительная.

— Вкусный торт? — спросила Наталья дочку.

— Ага, — закивала головой та, — это дядя принёс?

— Дядя Андрей, — пояснила Наталья.

— А он что, моим папой будет? — не долго думая, полюбопытствовала Настя.

На несколько секунд наступила тишина. Наталья слегка

покраснела, Ольга осторожно поставила фарфоровую кружечку на стол, Андрей поднял глаза, и посмотрел в потолок.

Наталья подала дочери большой кусок торта и отправила погулять:

— Иди, поиграй с Галочкой, тортом её угости.

Настя нехотя слезла со стула.

— Можно, тётя Оля, к Галочке? — спросила она Натальину соседку.

— Можно. Иди, там открыто, — разрешила Ольга.

Неловкость не проходила, стоя преградой к дальнейшему общению. Андрей понял, что нужно брать инициативу на себя, и взял гитару.

Я куплю тебе дом
У пруда в Подмосковье,
И тебя приведу в этот собственный дом,
Заведу голубей,
И с тобой, и с любовью
Мы посадим сирень под окном — напел он.
А белый лебедь на пруду
Качает павшую звезду,
На том пруду,
Куда тебя я приведу.

Андрей повторил припев еще раз и посмотрел на слушателей. Наташа сидела, подперев подбородок обеими руками. Ольга же, открыв рот, казалось, ловила каждое слово Андрея.

Когда Андрей закончил и убрал руку со струн гитары, Ольга зааплодировала.

— Это, к сожалению, не моя песня, — сказал исполнитель, — я до таких ещё не дорос.

— Зато исполнение отменное, — оценила Наташа, — правда, Оля?

— Вы настоящий певец. Вам по телевизору петь нужно — ещё более хвалебную оценку дала соседка и попросила: — научите меня на гитаре играть.

— Охотно, — согласился Андрей.

В дверь снова позвонили. Пришёл Ольгин муж, водитель самосвала Коля.

— Николай, — представился он Андрею.

— Андрей.

— Ты что тут расселась? — спросил Коля жену. — Корми мужа, с работы пришёл. Варила что?

— Суп варила. На плите стоит, — ответила Ольга, поднимаясь. — Без меня поесть не можешь? Прямо из дому не выйти, в гости не зайти.

— Ты только и делаешь, что к Наталье в гости ходишь. Целыми днями и вечерами.

Соседская чета, продолжая словесную дуэль, удалилась. Через минуту пришла Настя. Наташа включила телевизор, и они перешли в комнату.

Садись на диван, — предложила хозяйка гостю, уходя мыть посуду. По телевизору шёл какой-то иностранный фильм. Андрей попытался было понять происходящее на экране, но к нему подседа Настя и тихонечко, чтобы не слышала Наталья, спросила:

— Ты будешь моим папой?

— Не знаю, — так же тихо ответил Андрей, — если мама захочет.

— Она захочет, — убедительно сказала Настя.

— А ты хочешь?

— Да, — кивнула девочка и пододвинулась к Андрею поближе.

— Красивое у тебя платье, — сказал ей Андрей, — мама купила?

— Не-а, — замотала головой Настя, — тетя Люба.

— А это кто?

— Мамина сестра. А бантик баба подарила. Она у нас в деревне живет. И тетя Люба в деревне. Только в другой. Хочешь в гости к тете Любе?

— Если мама возьмёт, то погостить можно.

— Она хорошая. У них Антошка есть и Костя. А дядя Паша на машине работает.

— Вы о чем там шепчетесь? — Наташа закончила мытьё посуды и, войдя в комнату, села рядом с Настей.

— Настя про тетю Любу рассказывает, — пояснил Андрей.

— К тётке Любе хочешь? — спросила Наталья дочь.

— Угу, — закачала та головой.

Фильм закончился, и на экране телевизора появились Хрюша со Степашкой — началась передача “Спокойной ночи, малыши”.

— Так, Настя, смотрим мультик, прощаемся с Хрюшей и бай-бай, понятно? — сказала дочери Наташа.

— А вы что делать будете? Тоже спать ляжете? — спросила девочка, опять поставив в неловкое положение маму и её гостя.

— А мы будем кино смотреть для взрослых, — ответила Наташа.

— Я тоже кино хочу смотреть! — закапризничала Настя.

— Никаких кино! Спать! — строго приказала ей мама и пошла разбирать постель в маленькой комнате.

— А ты на диване будешь спать? — опять спросила шепотом Андрея любопытная малышка.

— Я, наверное, домой пойду, — тихо ответил ей Андрей.

— Не ходи, темно уже на улице. Спи у нас, мама разрешит, не бойся.

— Ну, всё. Настя, в кровать! — прервала их доверительную беседу вошедшая Наталья.

После программы “Время” начался ещё один художественный фильм. Теперь Андрей сидел на диване рядом с Натальей.

— Не холодно? — спросила она, — у нас ещё не топят, а уже вторая половина сентября, ночью холодно, и мы включаем электрокамин. Включить?

— Если хочешь. Я не замёрз, — сказал Андрей, хотя давно чувствовал, как холодный воздух стелется по полу.

Наташа принесла электрокамин, включила и снова села рядом с Андреем. Дальше пошёл доверительный разговор. Вернее, Наташа рассказывала о том, как училась в техникуме, как отдыхала, будучи студенткой, на Байкале, как трудно рожала... Андрей слушал рассеянно, кивал головой и думал о том,

стоит ли ему уходить сейчас или же дожждаться, когда Наташа сделает намёк на то, что уже поздно.

“Если она намеknёт на то, что мне пора, значит, быть нам вместе не судьба”, — решил про себя Андрей.

А время потихоньку шло. Закончился фильм, прошла передача о разведчиках времен второй мировой войны, вышел в эфир блок новостей... Вот уже по одной программе передачи подошли к концу, и Наташа переключила телевизор на другой канал. Вскоре и там закончилось время трансляции. Выключив телевизор, Наташа сладко зевнула и потянулась.

— Поздно уже, — сказала она, — наверное, бабушка Паша закрылась, и тебе не достучаться. Могу предложить место на диване.

Андрей пожал плечами.

— Решено, будешь спать на диване. Сейчас постелю.

Наташа расстелила простыню, положила подушку, ватное одеяло.

— Готово. Извини, пойду, спать хочу, — сказала она, — завтра к семи на работу. Ложись и гаси свет.

Андрей выключил свет, разделся и лёг.

“Нормально, — подумал он. — Второй раз в гостях и уже с ночёвкой. Ну, кто мне завтра поверит, что я спал отдельно от хозяйки?”

Он думал в ту ночь о многом: о матери — бедная, как она там, наверное, изошлась слезами? О ребятах из группы “Паровоз” — играют ли они теперь вместе, без него? О себе: неужто у него судьба такая — снова пройти по кругам тюремного и лагерного ада? О Наталье: что принесёт ей эта встреча с ним? Разочарование? Надежду? Любовь?

...Он проснулся оттого, что замёрз, — одеяло упало на пол. За окном уже появились первые проблески рассвета. Часы показывали шесть. Андрей поднялся, закутался в одеяло и прошёл в прихожую, затем открыл дверь в туалет. Выйдя из него, он остановился возле комнаты, где спали Наталья с Настей.

Дверь была приоткрыта, и он увидел, что Натальино одеяло сбилось в сторону, а открытые её колени покрылись от холода пупырышками, словно кожа ошипанной гусыни. Что касается Насти (её кровать стояла в самом углу, перпендикулярно Натальиной), то та вообще отбросила одеяльце на спинку кровати, а сама свернулась в клубок. Андрей осторожно вошёл в комнату, накрыл одеялом ребёнка и подошёл к Наташе.

— Наташа, — тихо позвал он, — Наташ...

Наталья открыла глаза, кивнула головой, прикрыла колени.

— Наташа, давай объединимся против холода, — предложил шёпотом Андрей.

— Каким образом? — спросила она.

— Под одним одеялом. Вот так. — Андрей накрыл её сверху своим одеялом, приподнял край пододеяльника и нырнул в объятия хозяйки.

Была суббота. Андрей, одетый по-домашнему в трико, футболку и тапочки, сидел на диване и смотрел утреннюю телевизионную программу. Наталья стирала в ванной, а Настя играла в спальне: наряжала и укладывала в кровать куклу.

Андрей уже больше недели жил у Наташи и чувствовал себя по-хозяйски. За эту неделю он стал своим для Натальи и Насти, и ему уже начинало казаться, что он живет здесь давно.

— Андрюш, что хорошего кажут? — крикнула из ванной Наталья. — Скоро эстрадный концерт начнется?

— Уже начался, — ответил Андрей, — Валя Толкунова первой поет.

Наташа вышла из ванной комнаты и, вытирая о фартук мокрые руки, подошла к нему и поцеловала в щёку. Ей нравилось, когда Андрей запросто называл артистов по именам: Ира Муравьева, Лёва Лещенко, Саша Збруев. Словно он был лично знаком с каждым из них и состоял с ними в приятельских отношениях. Наташа присела рядом с Андреем, обняла его за шею, прижалась лбом к его щеке.

В комнату вбежала взволнованная Настя.

— Дядя Андрюша, надевай скорее брюки, — крикнула она, — тётя Люба идет.

Она сняла висевшие на спинке стула брюки и свитер и передала их Андрею.

— Быстрее! Быстрее! — подпрыгивала Настя и хлопала при этом в ладоши.

Наташа пошла к входной двери, а Андрей, засуетившись, стал одеваться.

Тетя Люба оказалась живой и не лишенной привлекательности женщиной, на два года помладше Натальи и совсем не похожей на неё. Познакомились. Потом пили чай с малиновым вареньем, которое привезла Люба. Сёстры говорили о родственниках, о брате, к которому нужно было вскоре кому-то из них ехать. Улучив момент, когда Наталья вышла, Люба прямо спросила Андрея:

— У вас это серьёзно?

— Надеюсь, — ответил он.

Не обижай её, ладно? — попросила Люба. — Она у нас невезучая.

Андрей кивнул.

Прощаясь, Люба пригласила их в гости на ноябрьские праздники. Наталья сказала, что они постараются приехать.

Как оказалось, в этот день Натальина сестра была первой, но не последней гостьей. Часам к четырём пришёл двоюродный брат Наташи Сашка с женой Валентиной. Снова знакомились, снова пили чай с малиновым вареньем, ели домашнюю колбасу. Валентина с нескрываемым любопытством рассматривала нового человека, а потом попросила, нет, стала умолять, чтобы Андрей спел. Он взял гитару и наиграл мелодию из кинофильма “Земля Санникова”.

Призрачно всё в этом мире бушующем.

Есть только миг, за него и держись.

Есть только миг между прошлым и будущим,

Именно он называется жизнь.

Андрей еще ни разу в жизни не видел, чтобы так слушали

кого-то, как слушала его Валентина. Она пропускала каждое его слово, каждый звук через себя и непроизвольно подвигаясь к нему ближе и ближе, отчего Андрею становилось не по себе. Однако он допел песню до конца и пододвинул табурет, на котором сидел, поближе к Наталье.

— А ты понравился Валентине, — сказала Наталья, проводив гостей.

— Неужели? А я что-то не заметил.

— Не лукавь. Этого нельзя было не заметить. Наверняка Сашка ей сейчас предупреждение делает по этому поводу.

— Слушай, ну я тут явно не при чем. Я не подавал никакого повода, — начал было Андрей.

— Не оправдывайся! — перебила его Наталья, и он почувствовал, что ее голос срывается. — Скажи лучше честно: ты будешь мне изменять?

— Ты что, Наташа? О чем ты говоришь.

— Да все вы... — На глазах у Наташи выступили слезы, она махнула рукой, и, забежав в спальню, закрыла дверь на защёлку. Андрей попытался достучаться, звал её по имени, но она не отзывалась. Андрей прошел в зал, сел на диван.

“Вот и первая кошка между нами пробежала, — сказал он тихо сам себе, — то ли ещё будет в этом доме?”

Примерно через полчаса Наташа вышла из комнаты, глаза ее немного припухли от слёз.

— Прости меня, ладно, — сказала она, усаживаясь рядом с ним, — и почему они влюбляются в тебя? И соседка, и Валентина, и...

— Да никто не влюбляется. Выдумываешь ты всё. Сама придумываешь, вот тебе и кажется.

Андрей обнял её и поцеловал вначале в щёку, а затем в губы. Наталья взяла его за голову обеими руками, крепко сжала и от души горячо поцеловала.

— Я тебя никому не отдам! Понял? — сказала она с железной уверенностью в голосе. И повторила: — Не отдам. Ты понял?

Андрей, отвечая ей на поцелуй, кивнул головой.

В понедельник утром Петрович вызвал Андрея к себе.

— Слушай, — сказал он, — мне нет разницы, есть у тебя трудовая книжка или нет, но зава нашего военкомат затормошил, требуют чтобы ты встал на воинский учет, ещё и штрафом пугают. Поэтому получи у кассира получку, я тебе дам недельку, а ты смотайся за документами. Годится?

— Годится, — согласился Андрей.

— Недельку хватит обернуться?

— Хватит.

“Видимо, последнее денежное довольствие”, — думал Андрей, получая месячную зарплату и пожимая на прощание руку директору ДК.

— Пока ты катаешься, — говорил Степан Петрович, — я у директора совхоза аппаратуру выбью. Приедешь и начинай играть на танцах. Уборочная страда закончилась, молодёжи вечерами делать нечего — пойдут в ДК.

Андрей кивнул и пошел готовиться к поездке. Он чувствовал, что настало время ехать домой. Нет, он не собирался заявляться с повинной. Пока, во всяком случае. Андрей надеялся, что у матери сохранился военный билет, который почему-то не потребовал следователь, ведший его дело. Забрал паспорт, спросил о билете, но почему-то не забрал воинский документ. Главное, считал Андрей, приехать в родной город ночным поездом, прийти домой незаметно, не встретив знакомых, а под утро сесть на проходящий поезд и вернуться назад.

Так он и сделал, поехав первым утренним автобусом в краевой центр. Наташа проводила его до автостанции, прощаясь, крепко поцеловала.

...Как и рассчитал Андрей, в родной город он приехал около полуночи. Темной холодной октябрьской ночью он пробирався к родному дому через весь город. Не без волнения постучал в двери своей квартиры.

— Кто? — услышал он испуганный и уставший голос матери.

— Я, мама, Андрей...

— Андрюша!.. — едва открыв дверь, мать бросилась на грудь сына. — Что же ты наделал? Зачем? Участковый говорил, что тебя бы через месяц-два совсем отпустили, а теперь ещё два года сидеть придется! Ой, сынок-сынок...

Военного билета дома не оказалось. Мать отдала его участковому, когда тот спросил, есть ли дома документы Андрея.

— Ой, Андрюша, Андрюша, два раза приходили, дома тебя искали, под кровать заглядывали. Потом меня в милицию вызывали, спрашивали, куда поехать мог. Я назвала адрес тети Маши, а больше и не знаю куда. Покорись, Андрюша, всё равно ведь поймают. Милиция везде найдёт.

Андрей не стал есть приготовленный ночной ужин — гороховый суп и котлеты. Попил лишь чаю с малиной, а несколько котлет завернул с собой. Мать отварила ему в дорогу с десятков яиц, положила банку тушенки, сахару, пачку чаю. В шкафу он нашёл старый овечий полушубок, взял с собой зимнюю шапку, перчатки, шарф. Прощаясь поцеловал мать в лоб и только тут заметил, как она постарела: волосы покрылись сединой, лицо морщинами.

— Куда теперь, сынок? — заплакала у двери мать.

— Далеко, мама. Не плачь, как-нибудь переживём.

— Работаешь ли где? Может, денег надо, я пенсию вчера получила.

— Не надо, мама, спасибо. У меня есть, на дорогу хватит, а там заработаю.

— Смотри, не хулигань нигде. Да, забыла тебе сказать: Катин-то отец совсем плохой — из больницы не выходит, почки отнимаются, люди говорят — это наказание ему за дочь. А Тамара, сестра Кати, сейчас на твоём месте — на танцах молодёжи поёт.

— А ребят моих не встречаешь на улице?

— Встречаю. И Геру слепенького — всё с женой под ручку ходят. И Ваську-гитариста. На машине меня несколько раз домой с рынка подвозил, про тебя спрашивал. А что я ему скажу? Сказала, что не знаю где.

На вокзал Андрей пришел около пяти часов утра. У билетных касс никого не было, и он, разбудив в окошечке кассиршу, дремавшую за столом, без лишней суеты приобрёл билет на семь часов. Два часа, дабы не встретить знакомых, он бродил по перрону и изрядно продрог, а потому, когда подошёл поезд, забрался в вагон, купил постельный комплект и, расстелив, завалился спать.

Вернулся он в райцентр вечером следующего дня. Был день рождения Натальи, и у неё в гостях собрались соседи — Николай с Ольгой. Вечеринка уже подходила к концу, но по поводу возвращения Андрея Наташа достала из холодильника новую бутылку. Дружно поздравляли Наталью, потом просили Андрея спеть. Он, наверное, впервые в жизни, отказался, сославшись на усталость. Примерно через час после возвращения Андрея гости ушли, Наташа уложила Настю в постель и достала еще одну бутылку портвейна.

— Ну, как поездка? Удачно? — Наташа погладила Андрея по волосам. — Устал, бедненький...

Андрей взял её за голову, притянул к себе, поцеловал.

— Разговор есть, — сказал шёпотом он.

— На сто рублей? — пошутила Наталья, принимая его поцелуй.

— Серьёзный разговор, Наташа, — Андрей отпрянул чуть в сторону и отвел глаза, — обещаю тебе, что если вдруг после этого разговора ты захочешь чтобы я ушёл, то пусть это будет утром. Позволь мне остаться до утра, я устал с дороги.

Наташа напряглась и тревожно посмотрела на Андрея.

— Ты что, убил человека? — вполне серьёзно спросила она.

— Да нет! — выкрикнул он и, немного успокоившись, добавил: — чуть не убил в своё время, но дело сейчас не в том.

— А в чём?

Андрей встал, прошёлся по комнате.

— Знаешь, я... Можно я начну немного издалека?

Наташа пожала плечами. Она сидела на диване, поддерживая подбородок руками и поставив локти на колени.

И Андрей начал говорить. Он говорил вполголоса, не топясь, словно взвешивал каждое слово. Он говорил о том, как начинал играть на гитаре, как служил в армии, как пел в группе “Паровоз”, рассказал про Катю и Катиного отца, про тюрьму, зону и “химию” и о том, как и при каких обстоятельствах оказался здесь, у неё в доме.

— Вот так, Наташенька, теперь у меня нет документов, меня разыскивает милиция, и я нахожусь в бегах.

Наташа с минуту сидела молча, затем закрыла лицо руками, плечи её задрожали. Андрей подсел к ней, обнял.

— Завтра я уеду, — сказал он.

— Куда? — Наташа оторвала руки от заплаканных глаз. — Куда ты поедешь? Скоро зима. Где тебя ждут?

— Поеду в Кемеровскую область, там ещё один друг армейский живёт. Попробую поискать его.

Наташа снова заплакала:

— Ну почему? Почему мне так не везёт?

— Знаешь, Наташа, пойдём допьём портвейн, и пропади оно всё пропадом, а? — предложил Андрей.

Наташа всхлипнула, утёрла концом халата слёзы и, поднявшись, кивнула Андрею. Они прошли на кухню, где Наташа достала из холодильника тарелку с холодцом, остатки винегрета и недопитую бутылку вина, сама разлила по фарфоровым бокалам. Выпили молча, закусили.

— Что ты скажешь на работе? — спросила Наташа.

— Да найду что сказать, — ответил после паузы Андрей, — скажу, что родители не хотят, чтобы я уезжал из дома, и не отдают документы, а я здесь жить хочу. Петровичу музыканты нужны, он за меня перед заведующим заступится. Зиму прокантуюсь.

— А потом?

— Потом что-нибудь придумаю. Голова на плечах есть.

— Голова-то у тебя есть — правильно говоришь. Наверное, не одной бабёнке мозги запудрил.

— Не успел.

— Что не успел?

— Не успел запудрить. Некогда было. То пел, то сидел. Ты первая, кому запудрить попытался, и то не получилось. Видимо, нет таланта на эти дела.

— Ладно, — сказала Наташа, разливая остатки вина в бокалы, — допьём и пойдём спать, а завтра — будь что будет. У меня ведь сейчас тоже брат в зоне сидит.

Наступал Новый год. Андрей кое-как сколотил группу ребят, желающих играть на гитарах, нашел и девчужку-пианистку, которой поручил “Ямаху”. 27 и 28 декабря с десяти утра и до одиннадцати вечера Андрюшина группа репетировала до изнеможения. Андрей никому спуска не давал и требовал строго. Ребята поначалу ворчали, а потом смирились. Очевидно, их убедил пример самого Андрея, игравшего без усталости и певшего до хрипоты. В репертуар он включил свои старые песни и наскоро сочинённую им накануне. “Зимняя песня” — так назвал ее Андрей. Петрович попросил, чтобы они спели что-то про Новый год.

Не долго думая, Андрей взял песню со словами: “А Новый год, а Новый год несёт нам счастье новое”.

Раза два на репетиции заходила Валентина Петровна, одобрительно кивала Андрею, не отрывая его от работы, и громко хохотала в фойе ДК. Директор Дома культуры хотел было, чтобы ребята играли всю новогоднюю ночь, но дома Наталья закатила Андрею нечто вроде скандала, сказав, что они идут на встречу Нового года к Сашке с Валентиной и что она уже им пообещала. Андрею ничего не оставалось делать, как уговорить Петровича начинать вечер в девять часов, а заканчивать в одиннадцать.

— Все равно все домой Новый год встречать пойдут, — говорил он, — и мы с тобой не проклятые — отметим за семейным столом.

Петрович тяжело вздохнул, но согласился.

— Может, к нам придёте? — спросил он Андрея. — Приходи, Андрюха, посидим, наливочки попьём, пивка домашнего. Галка такой пирог состряпала.

— Не могу, Степан Петрович, сам видишь, человек я теперь подневольный.

...Выступление группы прошло скверно. Нет, ребята старались вовсю, но их почти никто не слушал. Уже в девять вечера добрая половина молодёжи, пришедшая на вечер, едва держалась на ногах.

В зале курили, не стесняясь, пили из горлышка вино и водку, свистели. Когда нужно было танцевать танго, молодые невежды начинали дёргаться, образовывая круг. А один стриженный наголо, очевидно, впал в экстаз: упал на колени, изогнулся и пытался, закинув руки назад, достать ладонями пол. При этом он не забывал извиваться музыке в такт. Примерно к половине одиннадцатого зал изрядно разгрузился.

В десять сорок за Андреем пришла Наташа, и Степан Петрович объявил, что вечер закончен. Он не реализовал и добрую половину из задуманных им аттракционов и, махнув рукой, раздал ребятам гонорар и новогодние подарки. Взял для Насти подарок и Андрей.

Перед тем как им разойтись, Степан Петрович затащил всех в свой кабинет и раскрыл бутылку коньяка и коробку шоколадных конфет. “С наступающим!” — сказал он, обнося единственный стакан по кругу. За компанию пригубила коньячку и Наталья, взяла из коробки несколько конфет, положила в карман — для Насти.

В гости они пришли в половине двенадцатого. Ребятишки — Настя и хозяйские Васька с Надюшкой играли у ёлки, Санька с Валентиной возились на кухне, а в комнате сидел Санькин школьный друг — одинокий мужик тракторист Лёха. На полную катушку орал телевизор — шла праздничная программа. На их приход первыми отреагировали дети — подбежали всей стайкой и, получив от Наташи подарок, пошли делить его снова под ёлку. Санька оторвался от кухонных дел, подошел к ним с блестящими глазами и раскрасневшимся, лоснящимся лицом, помог раздеться.

— Ты где потерялся? — спросил он Андрея, — давай проходи, за старый год выпьем, проводить его нужно. Год-то, в принципе, неплохой был, хотя и олимпийский, високосный. Иди в комнату, а я сейчас пельмени принесу.

— Да они уже в ДК старый год проводили, — подала было голос Наталья.

— А ты дома будешь командовать, — полушутя, полусерьёзно бросил реплику в её сторону хозяин, — а в гостях нечего. В гости ходят, чтобы пить и есть то, что хозяева предлагают.

Наталья махнула рукой: “Ну, вас”, и отправилась на кухню, помогать Валентине.

Андрей подсел к Лёхе:

— С наступающим!

— С наступающим!

Санька принёс пельмени в большой кастрюле.

— А ты что, Андрюха, без гитары? Нечего без неё делать. Давай или ты за инструментом, или Натаху посылай. Петь всё равно заставим.

— Наташ, — крикнул он в сторону кухни, — иди к нам, Валюху зови. За старый год выпьем, да за гитарой сходишь. До Нового года ещё двадцать минут — успеешь.

Валентина с Натальей уселись на диване. Причем Валентина села рядом с Андреем, оттеснив Наташу к краю стола. Санька открыл бутылку “Русской”, разлил по рюмкам.

— Ну, давайте. Вот грибочки, помидоры маринованные, пельмешки. Потом Валя подаст манты, селедочку под шубой, огурчики. Закуски и выпивки до утра хватит.

— Прощай, високосный, — поднял рюмку Санька и поочередно чокнулся со всеми, — что ж год грядущий нам готовит?

Пять рюмок сошлись в центре стола, зазвенели.

— Ладно, я пойду за гитарой, — сказала Наташа, вставая, когда все выпили и закусили, — заодно Настино одеяло принесу. У вас, наверное, ночевать будет?

— Конечно, о чём разговор, — сказал Санька.

— С тобой пойти? — спросил Наташу Андрей.

— Да не надо. Я быстро, — ответила она и пошла в прихожую.

— Давай ещё по одной, — предложил Санька. — А то, что пили, что не пили, и где только Валька такие маленькие рюмахи нашла?

— Не гони, — сказала Валентина, — пятнадцать минут потерпеть не можешь. Сейчас Наташа придёт, послушаем поздравление по телевизору, и тогда пей — сколько влезет.

— Да брось ты, Валюш, мы по пятьдесят грамм ещё прилепим, что от них будет? Не бойся, раньше времени не забалдеем.

— Пошли лучше на кухню, — потянула его за рукав Валентина, — манты неси к столу, салат.

— Может, я сгожусь в помощники? — спросил Андрей.

— Пошли, — сказала Валентина, — пусть этот сидит себе.

— Иди, Андрюха, разомнись, а то, небось, застоялся на сцене с гитарой-то, — одобрил решение жены Санька.

— Хочешь коньяку? — спросила вполголоса Валентина, когда они пришли на кухню, — я от Сашки прячу. Армянский три звёздочки. Андрей пожал плечами.

— Сейчас, — Валентина открыла духовку газовой плиты и достала бутылку. — На, открывай.

Андрей взял нож, срезал пробку. Валентина поставила перед ним две пятидесятиграммовые рюмки. Андрей наполнил их.

— Закусывай мантами. Эти гаврики всё равно там бутылку допивают, — сказала Валентина, кивнув в сторону комнаты, — ну и пусть. Завтра, если болеть сильно с похмелья будешь, приходи, я тебя похмелю, а этого идиота Сашку не буду. Пусть сегодня до упора пьёт, а завтра болеет.

Едва они выпили, как в прихожей раздался звонок, и Валентина пошла открывать двери. Пришла Наталья с гитарой и детским ватным одеялом.

— А вы что не за столом? — спросила она Валентину с Андреем. — Пять минут до Нового года осталось.

— Мы сейчас, — заверила Валентина, — помогай нам.

Бери салат из холодильника, носи к столу. А ты, Андрюша, из мантоварки переложи манты на тарелочку.

В течение двух минут к новогоднему столу было подано всё, что было необходимо, по мнению Валентины. Кроме холодца, который хозяйка решила подать под занавес торжества.

Едва уселись за стол, как в Москве куранты пробили восемь и по местному времени наступила полночь. По телевизору шла запись новогоднего обращения главы государства к народу. Санька дал команду всем встать. Он уже налил женщинам шампанского, а мужикам водки. “Нечего нам эту мочу пить”, — сказал он про шампанское.

И вновь, на этот раз уже двухсотграммовые, фужеры сошлись в центре праздничного стола. Валентина снова присела рядом с Андреем, а Наташа с краю стола. Санька с Лехой расположились напротив них. По телевизору после обращения официального лица к своему народу начался праздничный концерт, и Санька потребовал выпивку повторить. Выпили ещё раз, а затем дружно налегли на манты.

— Андрюха, теперь твоя очередь. Берись за инструмент, — командовал инициативный хозяин квартиры.

Наталья принесла из прихожей гитару, передала Андрею.

Тот взял, перебрал струны.

— “Зимняя песня”. Текст и музыка Андрея Свиридова, — объявил он, — мой ранний шлягер. Стихи сочинил, когда мне было лет шестнадцать, потому прошу строго за текст не судить.

— Не будем судить, — заверил уже захмелевший Санька, — тут прокуроров нет.

— С неба падали снежинки

Белою зимой.

По заснеженной тропинке

Ты ушла домой, — запел Андрей, уверенно перебирая струны.

И напрасно ожидая,
Я смотрел в твое окно
Так прекрасно понимая —

Всё прошло давно.
Пусть вокруг трещит зима
Лютыми морозами —
До весны я сохранию
Тот букетик с розами.

Андрей еще дважды пропел припев, и Валентина ему подпела.

Наташа ревниво глянула в сторону Валентины.

— Ладно, хватит музыки. Давайте лучше за то, чтобы все было хорошо, выпьем, — сказала она, забирая у Андрея гитару.

— Правильно, сестренка, — поддержал ее Санька. — Он потом споет. А сейчас давайте выпьем за вас с Андреем. Чтобы вы в наступившем году стали законными мужем и женой, чтобы родила ты ему, Наталья, сына. Да, да, Андрюха, хватит по белу свету мыкаться. Наташка баба хорошая, добрая. Ты уже сам в этом убедился. Квартира у вас есть, и давайте живите, добро наживайте.

— Споёшь потом? — тихо спросила Валентина Андрея. Тот кивнул.

— Хватит там шептаться, — заметил Санька, — не то ревновать начну. Давайте встанем и выпьем за наших молодых.

Когда поднимались, Валентина незаметно для других тихонько пожала руку Андрея. Он посмотрел на неё, пунцовощековую, с горящими и без смущения смотрящими на него глазами. Снова чокнулись. Выпили и набросились на закуску.

— Так, Валюха, — снова взял на себя инициативу Санька, — тащи сюда магнитофон, ставь кассету с “Миражом” — танцевать будем. На первый танец я приглашаю Наташу.

— А я — Андрея, — сказала Валентина. Она раскрыла дверцу серванта, достала оттуда магнитола “Вега”, поставила кассету. Из колонок полилась красивая музыка, и мягкий нетопливый голос певицы запел:

Встретились мы не случайно,
Знаем мы тайны звёзд,
Но после нашей встречи
Все будет всерьёз.

Санька с Натальей заняли середину свободного пространства между столом и шифоньером, Валентина с Андреем кружились в медленном танце на весьма ограниченном участке — возле двери, ведущей в прихожую. Санька, уже изрядно захмелевший, клал голову Наталье на плечо и закрывал глаза. Видя такое дело, Валентина плотнее и плотнее прижималась к Андрею, обхватив левой рукой партнера за талию и жарко дыша ему в ухо. Леша тоже терял над собой контроль. Пока шли танцы, он пару раз причастился к рюмашке и теперь тщетно пытался зацепить вилкой винегрет.

— Что, Лёха, не получается? — сыронизировал Сашка, когда песня закончилась. — Хорош танцы-манцы, давайте еще по соточке прилепим.

Все прекрасно понимали, что возражать ему не стоит, и покорно расселись вокруг стола.

— Я что-то водку больше не могу, — сказал Андрей, — шампанского бы выпил.

— Сейчас принесу, — сказала с готовностью Валентина и направилась на кухню.

— Эх ты, музыкантишка, интеллигентик, — покачал головой Санька, осушив рюмку, — слабак. Ты водку пей и никогда болеть не будешь. А смешаешь со всякой бурдой, ерша сделаешь, быстрее свалишься и назавтра не поднимешься — стонать будешь.

— Он не будет, — сказала Наташа. — Он никогда не болеет.

— Знаете что? — Валентина принесла бутылку “Советского” шампанского и подала Андрею, чтобы открыл. — Пойдёмте на горку, покатаемся.

— Я сейчас ещё выпью пару соток и спать пойду, — сказал Санька, — а вы идите, если хотите. Пойдём, Лёха, спать?

— Не-а, я на горку пойду кататься, — замотал головой Леша, — я на горку хочу, а потом домой. Матушка дома одна сидит, скучает.

— Вы идите, — сказала Наталья, — а я ребятшек спать уложу, зевают уже, сладенькие, под ёлкой. Убаюкаю и приду.

— Пойдём, — потянула Валентина Андрея за руку. Вслед за ними оторвался от стула Лёха.

На улице шёл снег лёгкий, пушистый. Крупные снежинки медленно кружили и ложились на освещенные фонарями ветки тополей, тропинки, проезжую часть улицы. Было два часа ночи, но народ не торопился смотреть новогодние сны, а спешил в сторону парка или просто гулял по улицам районного центра. Валентина взяла Андрея под руку, Лёха шел сзади, покачиваясь из стороны в сторону.

Парк, расположенный неподалеку от микрорайона двухэтажек, был битком заполнен народом. На деревянной и ледяной горках слышались смех, крики, громкая речь. Сверху вниз катили кто на санках, кто на фанерках, кто на картоне от коробок, а кто на собственном заду. Вокруг плотным кольцом стояли любопытные. Мелькала гирляндами большущая, метров семь высотой ёлка, установленная в центре парка.

Валентина потянула Андрея наверх, попросив у знакомого парнишки санки с кошечкой. Лёха пошёл за ними.

— Давай садись, а я к тебе на колени, — сказала Валентина, когда они забрались на вершину ледяной горы, — Лёшка пусть сзади цепляется, на ногах поедет, вприсядку.

— Ага, — кивнул головой уже совсем пьяный Лёша. — Поехали-и-и!

Он, бедный, не удержался, отцепился от санок где-то по середине спуска и покатился на спине. Падая, он внёс корректировку в движение санок, они слегка развернулись боком и, съехав с горы, помчались не прямо, а несколько в сторону, а когда врезались в сугроб, то седуки не удержались и свалились в мягкий снег. Андрею залепило снегом глаза, но он чувствовал, что лежит на чём-то мягком и лохматом, не сразу сообразив, что это Валина шуба. Он попытался приподняться и протереть глаза, как вдруг ощутил на шее руки Валентины, а затем её поцелуй. Прикосновение Валиных губ было необычно мягким и сладким. От неё слегка пахло вином и ароматом. Запах снега был сравним с запахом разрезанного спелого арбуза. Ничего подобного раньше при встречах и близких отношениях с жен-

щинами Андрей не испытывал. Вкус Валиного поцелуя словно застыл на его губах. Андрей поднялся, протер глаза. Валентина варежкой отряхнула снег с его пальто и попросила сделать то же самое с её шубой. Подошёл заснеженный Лёша. Привели в порядок и его одежду.

— Ребята, проводите меня домой, — попросил он. — Я один боюсь идти, еще не дойду. А меня матушка ждёт, переживает.

— Пошли, проводим. Он недалеко здесь живёт, — сказала Валентина Андрею.

— Давайте все-таки Наталью подождём, — предложил Андрей, — сейчас должна подойти. Не то у меня неприятности будут.

— Да она ещё не скоро подойдёт. Ребятишек не так просто уложить, особенно моих. Так мы сорок раз обернуться успеем, — заверила Валентина.

Вернув санки мальчугану, Валентина взяла под руки обоих мужиков, и повела их через парк. Лёша жил в домах управления районной Сельхозтехникой, база которой была расположена сразу за парком. Миновав проходную и бетонный забор, они свернули в первый же переулок. Третий дом по правую сторону, первая квартира. На кухне горит свет.

— Не спит маманя, сыночка ждёт, — прокомментировала Валентина. — Ну, ты, Лёша, уже не заблудишься — иди прямо на свет, а мы тоже домой двинем.

Лёша молча вошёл в калитку и, не закрывая её, направился к дому. Залаяла собака.

— Пойдём, — сказала Валентина, прикрыв калитку и снова взяв Андрея под руку, — сейчас к тётё Ане зайдём на проходную СХТ, поздравим её с Новым годом.

Вахтёр “Сельхозтехники” тётя Аня была занята чтением книги. На стук в дверь она отреагировала сразу, но, прежде чем открыть, посмотрела в окно и, убедившись, что стучатся к ней люди знакомые, откинула крючок. — С наступившим тебя, Васильевна, — едва переступив порог, сказала Валентина.

— И вас также! — отозвалась вахтёрша. — Сашку где сво-

его потеряла? —спросила она Валентину, усаживаясь на табурет у стола и электрообогревателя.

— А променяла вот на Андрюшу, — засверкала глазами Валентина, сев на старинный диван с валиками, увлекла за собой Андрея, — этот лучше: и моложе, и меньше пьёт.

— Ох, и шустрая ты, Валька. Побьёт ведь тебя опять Сашка.

— Если ты ему не скажешь, то и не побьёт, а побьёт — посажу его на пятнадцать суток — пусть позагорает, о жизни подумает. Да к мужу двоюродной сестры он меня ни в жизнь не приревнует.

— Ну ладно, — махнула рукой тётя Аня, — мне-то какое дело. Чай пить будете?

— Будем, — согласилась Валентина, — только мы его тут сами разогреем, а ты сходи пока своих дома попроведай: может, там дядя Петя уже за столом уснул, на винегрете?

Валентина громко рассмеялась.

— И правда, что-то нет его, — сказала обеспокоенная вахтёрша, — обещал к часу прийти, меня охранять, а не пришел. Ну ладно, вы тут минут пятнадцать-двадцать полюбезничайте, а я до дому добегу.

— Ну, давай, — Валентина проводила её за ворота, закрыла их, потом вернулась на проходную и задвинула занавески на окне.

С минуту они сидели на диване молча.

— Андрюша, я тебе нравлюсь? — спросила Валентина.

— Как человек — да, — ответил Андрей и покашлял в кулак.

— А как женщина? — не унималась она.

— Как женщина? — переспросил Андрей. — Ну, ты симпатичная, общительная...

— Ты что, мне характеристику в партию даёшь, что ли? — перебила его Валентина, — ладно, не говори ничего, лучше потом дома споешь. Ты поешь лучше, чем речи говоришь.

Она снова засмеялась и начала снимать с Андрея шапку, шарф, потом взяла его за вьющиеся кудри и повалила на диван. Андрей не успел ничего сообразить, как губы Валентины вновь

коснулись его губ. Она все крепче и крепче впивалась в его губы, касалась их кончиком языка, накручивала смуглые кудри на свои пальцы. Новый импульс жизненных ощущений, ранее не испытанных, нахлынул на Андрея: внутри его тела что-то заклокотало, сердце забилося учащенно, душа заликовала, и он осторожно погладил Валентину по шелковистым волосам.

— Я выключу свет, — прошептала она.

— А может, не надо? — так же шепотом спросил Андрей.
— Как я потом Наташе в глаза посмотрю?

Валентина резко приподнялась и села.

— Ой, какие мы впечатлительные! — почти крикнула она.
— А как она тебе в глаза посмотрит? Ты знаешь, что азербайджанец Азат к ней на работу приходит и уговаривает, чтобы она его в гости пригласила. Над ней все в детсаду смеются. А спроси, как она с милиционером — капитаном Ломакиным рассчитывалась за то, чтобы он их с матерью пустил на свидание к брату Коле, которого потом на шесть лет посадили за изнасилование. Спроси её, как? Ты думаешь, об этом никто не знает? А знаешь ли ты, как в прошлом году к ней один лысенький приехал на “Ниве”? Чуть стемнеет — он уже у подъезда машину ставит, а чуть рассветет — уезжает. А дома у него жена и две дочери-малютки, между прочим. Спроси ее об этом, пусть тебе свои любовные истории поведаст.

Андрей сел и обхватил голову руками. Валентина взяла его руки в свои, прижала к своей груди, погладила по кудрям.

— Я выключу свет? — тихо спросила она.

Андрей молчал.

— Молчание — знак согласия, — сказала Валентина поднимаясь. Она подошла к столу и щёлкнула выключателем...

Когда они вернулись к месту застолья, то обнаружили там храпящего на всю квартиру Саньку, уснувшего на диване прямо в одежде, и посапывающих в спальне ребятишек.

— Пойдём на кухню, — сказала Валентина, помогая Андрею раздеться, — Наташка всё равно сюда придёт.

Она чмокнула Андрея в щёку и поспешила на кухню. Через полминуты на столе появилась распечатая бутылка коньяка, две маленькие рюмки, тарелка с холодцом, горчица, хлеб.

— Иди сюда, — позвала Валентина, — выпьем и spoёшь. Ты какую-нибудь песню знаешь, чтобы в ней про Валю пелось?

— Знаю, — ответил Андрей, усаживаясь на табурет, — “Валя моя, Валентина” называется.

— Вот и spoёшь, — Валентина залпом выпила содержимое рюмки, подцепила кусочек холодца.

Андрей не торопился с выпивкой. Заметив это, Валентина пересела ему на колени, взяла его руку с рюмкой в свою и поднесла к губам. Когда Андрей выпил, она стала кормить его холодцом, целуя в лоб, глаза, щёки. Звонок в дверь заставил обоих вздрогнуть. Валентина пошла открывать.

— Вы уже здесь, а я вас по парку ищу, — в прихожую вошла Наталья, — а где Лёша? — спросила она осмотревшись.

— Мы его домой проводили, — пояснила Валентина, — он совсем расклеился.

— Так, Сашка спит, дети тоже, а вы чем занимаетесь? — то ли шутя, то ли серьёзно спросила Наташа.

— Коньяк пьём, — быстро отреагировала Валентина, — а теперь вот Андрюша споёт песню про Валентину. Правда, Андрей?

— Неси гитару, спою, да домой, наверное, пойдём, — сказал Андрей, — время уже четвёртый час.

Наташа прошла на кухню, налила себе коньяку, выпила, попробовала на вкус холодец, но есть не стала.

— Давай, запевай, — Валентина подала Андрею гитару и присела на край Наташиного стула.

— Ну, спой, спой, — поддержала Наташа Валентину, отодвигаясь на край стула. Андрей, как всегда перед исполнением песни, привычно перебирал струны гитары.

Валентина замерла в предвкушении, глаза её светились любовью.

Тебя сегодня я случайно встретил,
Как видно, нас с тобой судьба свела.
И в этот миг я даже не заметил,
Когда ко мне моя любовь пришла.
Валя моя, Валентина
Снова шепчу
Я любя. Валя моя, Валентина,
Как же я жил без тебя?
Забыл друзей, живу одной тобою,
Не мог об этом раньше я мечтать.
И выросли вдруг крылья за спиною,
И понял вдруг, что я могу летать.

Пение Андрей заканчивал уже дуэтом с Валентиной, трижды повторив куплет.

— Да вы, ребята, спелись, — покачала головой Наташа, — вот этот товарищ, — кивнула она на Андрея, — живёт у меня уже три месяца и не спел ни одной песни про Наташу, а Валю он знает всего ничего и, пожалуйста, напевает: “Валя, моя Валентина”. Что вы мне прикажете думать?

— Он нам сейчас и про Наташу споёт, правда, Андрюша? — попыталась перехватить ускользающую инициативу Валентина.

— Спою, — согласился Андрей, — я и про Наташу знаю. Просто раньше случая не было исполнить.

— А вот про Валентину быстро случай представился. — Наташа поймала взгляд Андрея и попыталась пристально взглянуть ему в глаза. Ему стало не по себе.

— Знаешь, а мы на санках с горки катались, — сказала Валентина, разливая по рюмочкам остатки коньяка, — а этот дурачок не русский Азат прямо на заднице рассекал.

Андрей заметил, как дрогнули мускулы на лице Наташи, лицо ее заалело, она отвела глаза.

— А ментов там — видимо-невидимо, — продолжала применять запрещённые приёмы Валентина, — машину прямо в парк загнали, и чокнутый Ломакин снова ко всем бабам приставал, а потом зацепил какую-то в дупель пьяную, посадил в машину и повёз в неизвестном направлении.

У Наташи затряслись руки.

— Пора идти домой, поздно уже, — сказала она переменившимся, каким-то жалобным голосом, и Андрей понял, что Валентина была права: Наталья действительно имела какие-то отношения и с Азатом, и с Ломакиным.

— Ты же про Наташку песню хотела послушать и вдруг заторопилась. Ничего не пойму, — сделала удивленное выражение лица Валентина.

— Устала я что-то, — вздохнула Наташа.

— Ладно, давайте допьём, споем и пойдём спать, — Валентина первой взяла рюмку.

Из зала послышались громкие Санькины стоны.

— Начинается! — сказала Валентина, ставя рюмку на стол. — Сейчас только налью ему полстакана водки на похмелку, а остальное спрячу. Пусть, собака, подышает. А утром сами похмелимся. Часиков в десять меня ждите, я ребятишек к вам приведу.

— Давайте допивать коньяк, да идти нужно, — заторопила Наташа.

— Давайте, — Валентина выпила первой и подмигнула Наталье. Та отвернулась и тоже выпила. Потом наступила очередь Андрея. Ему уже не хотелось больше ни пить, ни есть, но нужно было поддержать компанию женщин.

— Ну, Андрюша, повесели нас, женщин, напоследок. Праздник кончается, а завтра уже будет не то, — попросила ещё раз Валентина. Андрей снова перебрал струны и немного устало запел:

Опустел перрон, можно уходить.
Мне теперь цветы некому дарить.
За колонной я так и простоял,
А тебя другой с поезда встречал...
Наташка, Наташка, если бы диво случилось,
И стала б вдруг ты некрасивой.
Быть может, тогда бы могла ты заметить,
Что я с тобой рядом один в целом свете.

— Ну, молодец, Андрюша! — воскликнула Валентина, не дождавшись окончания песни. — Наташа, можно я его поцелую?

Не дожидаясь разрешения, она чмокнула Андрея в щёку.

— Ну ладно, пойдем, — сказала Наташа, — скоро уже пять утра. Хотя немного подремать нужно.

Домой шли молча. Снег хрустел под ногами, чувствовался морозец. Молча открыли входную дверь, молча разделись в прихожей. Андрей умылся в ванной комнате, утёр лицо махровым полотенцем.

— Где спать будем? — спросила Наташа, готовясь расстелить постель, — в зале на диване или в спальне?

— Давай в спальне, — отозвался Андрей, усаживаясь на диван.

— Может, вина еще выпьешь? — снова спросила Наташа. — У меня бутылка припрятана.

— Ой, спасибо, напился уже до отрыжки.

— Ну, тогда давай спать.

— Давай...

— Ты не спишь? — спросила Наташа примерно через полчаса.

— Нет, — отозвался Андрей.

Он лежал с закрытыми глазами на спине и думал о том, что же будет дальше. Валентина, было ясно, теперь не отстанет, и будет добиваться взаимной любви, и рано или поздно об их близких отношениях станет известно всем. Этого он не хотел, как не хотел верить тому, что сказала Валентина о Наталье и её “кавалерах”. Он понимал, что сейчас не совсем трезв, сильно устал, и не хотел говорить ни о чём.

— Что тебе Валентина обо мне говорила? — спросила Наталья, очевидно, не считая, что утро вечера мудренее.

— Ничего, — лениво отозвался Андрей.

— Совсем ничего? Не может быть. Ты меня обманываешь. Я же видела, какими влюбленными глазами она смотрела на тебя.

— Ничего особенного она не сказала.

— Значит, всё-таки сказала кое-что? — не унималась Наташа.

— Да ничего, я тебе говорю, особенного. Давай спать. Завтра будем отношения выяснять, — Андрей повернулся на левый бок, в противоположную от Наташи сторону...

— Вот ты уже и переменялся ко мне, — Наташа повернулась лицом к стенке, — охладел как-то сразу, не обнимешь, не поцелуешь.

— Устал я сильно сегодня. Надо хоть часика три-четыре вздремнуть, — попробовал было оправдаться Андрей.

— Если один человек любит другого, то он никогда от него не устанет, — сказала Наталья.

— А ты не устала, что ли? — спросил Андрей.

— Нет. Я любви хочу, настоящей. А ты не хочешь и при первой же возможности сбежишь от меня.

— Кто это тебе сказал? — Андрей повернулся к Наташе.

— Сама вижу. Чувствую это.

— Надо же, какой индикатор чувствительный, — Андрей сел. — А к этому азербайджанцу, что к тебе в гости набивается, ты что чувствуешь?

Наталья приподняла голову над подушкой:

— Так значит, вот что тебе твоя Валя-Валентина рассказала.

— Во-первых, она не моя, а твоего брата женушка, а во-вторых, ты мне про своего ару сама рассказать могла. Так было бы гораздо честнее.

— Ну, знаешь что? — Наташа встала. — Во-первых, я за свою прошлую жизнь ни перед кем отчитываться не собираюсь, а во-вторых, этот Азат ни разу не перешагнул порог моей квартиры. Ходит, набивается в гости, ну так и что? Если человек не понимает, что я могу сделать?

Минут пять помолчали. Часы показывали начало шестого. Спать расхотелось.

— Конечно, если б я знала, что где-то есть ты, что мы встретимся, я бы вообще ни с кем не связывалась, как бы мне тяжело не было.

— А со многими связывалась? — спросил неожиданно для себя Андрей.

— Связывалась, — бросила ядовито Наташа. — Что, хочешь знать, с кем? Хочешь, чтобы я рассказала. Расскажу всё, не то Валентина опередит, если не опередила. Только одно условие — больше к этому возвращаться не будем, ладно?

— Да я не настаиваю, — проговорил Андрей, — конечно же, ты не святая, и у тебя была своя личная, интимная жизнь. Было бы глупо считать, что это не так.

— Нет уж, пусть новогодняя ночь будет ночью откровений и очищения.

Наташа набросила на себя халат и пошла на кухню, включила свет. Через минуту он услышал, как хлопнула дверца холодильника, зазвенела стеклянная посуда.

— Иди сюда! — позвала его Наталья.

Андрей натянул спортивные штаны, надел футболку, прошёл на кухню. Наташа сидела за столом, перед ней стояли бутылка вина, два стакана, тарелочка с винегретом.

Наташа кивнула на свободную табуретку.

— Налей мне полстакана, а себе, сколько хочешь, — сказала она.

Андрей налил в обе тары до половины.

— Когда мне было пятнадцать лет, меня чуть было один дебил не изнасиловал, — Наташа опустошила содержимое стакана, посмотрела было на винегрет, но махнула рукой, — я тогда перешла в девятый класс, и нас с подругой отправили в пионерский лагерь помощниками воспитателей к младшеклассникам. Лагерь был недалеко от нашего села, и мы иногда, если было очень нужно, отпрашивались на денёк-другой домой. Вот и в тот вечер я шла домой с ночевой. Утром рано должна была поехать с матерью на поле на прополку. И вот уже у самого села, недалеко от автозаправочной станции, подкараулил меня этот подонок. Место-то там тихое, народу никого. Он, гад, вынырнул откуда-то из-за кустов, схватил меня, повалил, лезет слюнявыми губами в рот, а от самого таким перегаром прет... Я испугаться даже не успела — так все неожиданно произошло.

Потом в себя пришла, давай отбиваться, царапать его. Потом вижу, бесполезно всё, начала уговаривать. Сказала, что знаю его, и его мать, и жену.

— Действительно знала? — спросил Андрей.

— Как выяснилось потом, знала, а тогда чисто интуитивно старалась девственность свою сберечь. Он хоть и обкумаренный был, а спросил, как моя фамилия, я ответила. Он назвал имя моей матери, потом сестры и отпустил. Проводил до села, вначале сказал, что пожалел, а когда подходить к окраине стали, заговорил о том, что пошутил, хотя я понимала, что он совсем не шутил. Или побоялся, что я его посажу, или одумался вовремя. Я никому об этом никогда не рассказывала и общения с парнями долго избегала — противно как-то из-за этого гада было на мужиков смотреть.

— Пожалел он, наверное, тебя, — сказал Андрей, выпив вино.

— Наверное, — согласилась Наташа. — А вот моего брата посадили за изнасилование. Хотя эта Вика ждала его с армии и по согласию пошла с ним, а отец её, управляющий отделением, не хотел, чтобы братец мой был ему зятем, и заявил в милицию, после того как Вика ему призналась. Дали бедолаге шесть лет. В апреле на свидание ехать нужно.

Наташа ненадолго замолчала.

— Что-то хмель не берёт совсем, всю ночь пьём, а толку никакого, — сказала она после паузы, — налей ещё. То, о чем я расскажу тебе дальше, будет не совсем приятно.

Андрей налил опять по половине, выпили на этот раз вместе.

— Как-то ездила я с Настей в город, в краевую больницу, назад поехали поездом. До станции доехали, а автобуса нет. Вышли на трассу. Я сроду никогда с незнакомыми мужиками не ездила, а тут “жигуль” остановился, мужик лет под сорок посадил нас. Ну, дорога дальняя — разговорились. Он Насте шоколадку дал, конфет. Сказал, что у него две дочки-двойняшки, по девять лет им. Когда же подъезжать к селу стали, то стал в гости проситься. Уже темнело, я подумала, что никто не уви-

дит, и согласилась. Откуда-то коньяк появился, шампанское. Потом он сказал, что не может ехать дальше выпивши. Ну, я и оставила его ночевать. Не знаю, как получилось, но утром мы проснулись на одной кровати. Потом месяца через полтора он снова приехал с подарками и снова заночевал, потом ещё пару раз приезжал. Может быть, ездил бы до сих пор, но как-то приехал ко мне, а у меня гость. С материной деревни. Когда он поехал в район, мать передала с ним баночку меда, платье для Насти. Гость заехал к нам под вечер. Пока поговорили, пока накормила его, тут и тот “старичок” подкатил. Зашёл, увидел гостя, проходить не стал, поспешно попрощался и был таков. Мне как-то обидно стало, я тогда баночку наливки из подвала достала, угостила гостя и назло всем упоила и ночевать оставила. А он и не возражал. Правда, в отличие от водителя “Жигулей”, ко мне больше не навещался и теперь, как увидит меня в деревне, старается, чтобы наши пути разошлись. Вот такие у меня любовные романы были. Что было, то было. Никуда от этого не деться.

— И всё? — спросил Андрей. В этот час и в эту минуту он ненавидел себя — вынудил женщину излить душу. А дальше что? Но злоба, какая-то непонятная неизвестно на кого обидает так и выходила из него. — Все романы?

— Нет, не все, — Наташа, не мигая, смотрела ему в глаза. — Есть ещё один, о котором я тебе не расскажу, противно больно.

— С капитаном Ломакиным? — Андрей уже не владел собой. Он разлил остатки вина, причем себе налил почти полный стакан.

— О-о! Я недооценила Валечку. Её коварство. А когда же и при каких обстоятельствах успела она поведать вам, сударь, обо мне все-все-все? Я сижу, распинаюсь перед тобой, а ты уже все знаешь. Ну, раз знаешь, так что спрашиваешь?

Наташа залпом выпила вино и закрыла лицо руками.

— А что, что мне оставалось делать? — выкрикнула она неожиданно. — Когда брата посадили, привезли в КПЗ, я пришла, попросила свидания. Дежурил Ломакин. Он сказал, как

бы в шутку, что свидание не положено, но если рассчитаешься, то, мол, сделаю исключение. Я тогда не придавала его словам значения. Он тогда разрешил нам с матерью поговорить с братом, а через неделю примерно приехал ко мне часа в два ночи. За расчётом, сволочь, воспользовался моей слабостью. Знал, что я кричать не буду, когда дочка спит. Залез под одеяло прямо в брюках, в носках, до сих пор запах его потных носок помню. Побыл минут двадцать — и ни до свидания, ни прощай, ушёл, козёл. А через неделю мне кто-то стекло кирпичом вышиб. Я раньше слышала, что он охотник до баб, а когда жена начинает его выгонять, он перед ней исповедуется, а она потом разборки с его любовницами устраивает.

Наташа замолчала. Андрей выпил вино, поднялся, зашёл в спальню, взял подушку, покрывало и молча перенёс их в зал, положил на диван, лёг.

Наташа ещё немного посидела на кухне, потом выключила свет, вошла в зал, присела у его ног.

— Ты ненавидишь меня теперь, Андрюша? — спросила она. — Я знаю, что это так. Тебя менты посадили, а я с одним из них спала. Если бы брат мой узнал, он бы, наверное, от свидания со мной отказался.

— Иди, Наташа, ложись. Давай немного поспим, а завтра всё будет ясно, — сказал Андрей. — Сколько впечатлений за эту ночь, я не могу всё сразу переварить.

— Понятно, — Наташа поднялась, — спокойной ночи. Можно я тебя хоть перед сном поцелую, композитора, пока ещё своего.

Она чмокнула его в переносицу и ушла. Через некоторое время Андрей услышал, как она заплакала. Он хотел было встать и попробовать её успокоить, но это было выше его сил. Примерно через час всхлипывания прекратились, и стало слышно, как по улице пошли первые автобусы. Андрей определил, что время приближается к семи. Он поднялся, прошёл в прихожую, тихонько включил свет. Наташа лежала не шелохнувшись, очевидно, в конце концов сон всё же сморил её. Андрей раскрыл дверцу шкафа, достал свою сумку, сложил в неё

туфли, свитер, ещё кое-что из своих вещей, и стал одеваться. Он уже застёгивал сапоги, когда в спальне загорелся свет и к нему выбежала Наташа.

— Ты куда?

— Пойду к Петровичу, — сказал Андрей, — так будет лучше. Всё равно ведь когда-нибудь это должно закончиться. Или меня посадят, или придётся бежать дальше. В любом случае ты меня ждать не станешь.

— Прекрати, — Наташа вытащила ключ из замка, — ты меня ещё плохо знаешь. Никуда ты не пойдёшь. Понял?

— Пойду, отдай ключ.

— Не дам. Не валяй дурака. Я тебе настойки принесу — напейся и усни. А проспишься, всё на трезвую голову обдумаешь, тогда и решай, слова не скажу. А сейчас нет, не пойдёшь никуда.

— Нет, Наташа. Я лучше сейчас пойду, открой дверь.

— Нет, нет, нет! — закричала Наташа и рванула Андрея за пиджак так, что посыпались пуговицы.

— Ты что делаешь? — вскипел Андрей. — Дай ключ. Он попробовал перехватить Наташину руку, но получил такую затрещину, что невольно отпрянул к стене.

— Сука! — закричала Наташа и ударила его ещё раз. Андрей качнулся в сторону вешалки, не удержался на ногах и, падая, повлёк за собой одежду.

— Гад, ты, гад, такой же, как и все! — кричала Наташа, замахиваясь его же сумкой.

Андрей пытался подняться, но удар за ударом по голове, затылку и плечам не давали ему возможности этого сделать.

Наташа продолжала кричать и наносить удар за ударом. Андрей всё-таки поднялся, но, споткнувшись об обувную полку, снова упал, больно ударившись головой о дверь. А Наташа, впад в истерику, срывала с вешалки оставшуюся одежду и бросалась ею в него. Когда одежда на вешалке кончилась, Наташа стала кидать в Андрея обувь. Туфли, зимние сапоги, тапочки летели над его головой.

Сколько это продолжалось, сказать трудно. Трель дверно-

го звонка заставила прекратить бой. Звонок раздался неожиданно-негаданно, и Наташа замерла с валенком в руке.

— Наталья, что там у вас? — голос Валентины Петровны был явно встревоженным, — может, милицию вызвать?

— Не... не надо, Валентина Петровна, все в порядке, — всхлипывая, сказала через дверь Наташа, — сами разберёмся.

— Ну, смотрите, а то я позвоню сейчас же.

— Не надо.

За дверью покашляли, и вскоре послышался шум удаляющихся шагов.

Андрей поднялся, молча собрал одежду, сложил на стоявшую в прихожей стиральную машину. Подобрал и составил обувь. Наталья стояла у дверей и бесшумно плакала. Она повернулась лицом к двери, и было видно, как вздрагивают её худенькие плечи. Андрей подошел и обнял её за талию. Наталья повернулась к нему, положила голову на плечо и зарыдала. Потом они целовались, просили друг у друга прощения, ходили вместе в подвал за соленьями и настойкой, снова пили и разговаривали. Наташа рассказывала о том, как и почему они разошлись с мужем. Как жил он, её художник, сразу с двумя женщинами: с ней и преподавательницей профтехучилища. Причем, когда они одновременно забеременели, то преподавательница, обидевшись на то, что в квартиру художник привел Наталью, а не её, пришла жить к ним. Причём, пришла в наглую, и выгнать её не было никакой возможности. Она ложилась на диван, и ни в какую не хотела вставать. Пришлось в маленькой комнате врезать замок и вселить её туда.

— Представляешь, я ухожу утром на работу, а они остаются дома вдвоём. Что мне думать было? — говорила Наташа. — Вот так и жили два месяца, а потом мы узнали, что в городе у него есть ещё одна “заряженная” подруга. Был долгий разговор, после которого преподавательница ушла жить к родителям, а он уехал в город.

Настойка дала о себе знать уже после первого причастия. А может быть, они так сильно устали за эту ночь, и потому, как легли в кровать, так сразу же заснули. Они спали эти недолгие

три-четыре часа, как младенцы — беззаботно, сбросив с себя груз недоверия и недовольства друг другом. Очистившись, исповедавшись и раскаявшись, Наташа лежала, положив голову на плечо Андрея и свернувшись калачиком. Андрей спал на спине, обвив правой рукой Наташину шею. Видевший бы их в это время со стороны незнакомый человек ни за что бы не подумал, что ещё час назад эта женщина была готова нанести телесные повреждения этому мужчине, а мужчина хотел уйти из этого дома, и от этой женщины навсегда. Наверняка тот, кто впервые увидел бы их мирно спящих в это время, подумал бы об идеальной семье и уж наверняка бы не смог предположить, что эта пара проводит вместе последние часы в своей жизни, и не пройдет и половины суток после их пробуждения, как Наташа и Андрей: Вобла и Шуруп — расстанутся навсегда.

Разбудила их Валентина в одиннадцатом часу. Она долго звонила и, наконец, добилась своего — Наташа пошла открывать дверь. С Валентиной пришли ребяташки: Настя, Надюшка, Васька.

— Давай опохмеляться, — сказала Валентина, — хорош дрыхнуть. — Она подошла и села на кровать, несколько отгеснив Андрея от края постели к стене. — Прими сто грамм — полегчает.

— Не могу, — пробормотал Андрей, не отрывая головы от подушки, — Столько вчера выпил, что боюсь, печенка лопнет.

— Не лопнет, вставай, — не унималась Валентина. — Наташ, готовь на стол.

— Да съели уже всё! — крикнула из кухни Наталья. — Да и пить не можем больше. Лучше Сашку опохмели.

— Перебьется. Сами выпьем. Неси рюмку сюда, я Андрея тут опохмелю. Выпьет, поднимется, про Наташу споёт. Неси.

— Не надо! Не надо! — запротестовал Андрей. — Мне ещё хуже будет.

— Не будет. Вставай.

Валентина наклонилась к Андрею и коснулась губами его лба. Тот отпрянул:

— Перестань, Наталья увидит.

— Боишься?! — прошептала Валентина и поднялась.

— А вы что, ночью дрались? — спросила она громко, обращаясь больше к Наталье, чем к Андрею.

— Кто тебе сказал? — спросила Наташа.

— Валентина Петровна меня видела сейчас, спросила, правда ли, что у Андрея нет никаких документов. Я ей говорю: есть, почему бы им не быть. Ведь, правда? А она, коммунарка старая, говорит: пойду к участковому — пусть придет, проверит. А она пойдет. Ей всюду враги народа мерещатся, как при Сталине. Смех!

Валентина засмеялась.

— Пусть проверяют, — сказал Андрей, — иди на кухню. Я оденусь. Валя похлопала его нежно по щеке и вышла.

Андрей не стал пить ни водку, ни наливку, попросил чаю. Валентина попробовала было пригласить их к себе домой, но Андрей, сославшись на недомогание, снова лёг в постель. Наталья прилегла на диван. Валентина включила телевизор, но, видя, что компанию никак не сколотить, собралась уходить. Перед уходом она вошла в спальню.

— Слушай, дядька, — сказала она Андрею, — купи дочке велосипед. Соседка моя продает за двадцатку. Новый, двухколесный, “Левушка” называется. Пошли, купишь.

— Ой, правда не могу, Валя, — заворочался на кровати Андрей, — я дам денег, пусть Наташа сходит.

— Мама, мама, купи велосипед! Дядя Андрюша денег дает! — закричала Настя.

— Пойдем, Наташа, — позвала Валентина, — я вечером приду, пусть хозяин ваш отдыхает.

Андрей ненадолго задремал и не слышал, как ушли Наталья с Валентиной и ребяташки. Впрочем, проспал он недолго, минут двадцать, а когда проснулся, сильно захотел пить. Он поднялся, налил себе на кухне из чайника еще не успевшего остыть чая. С бокалом подошел к окну.

На улице по-весеннему сияло солнце. С крыш капало, на дороге появились проталинки. Оттаявшее окно было прозрачно чистым, и ровная дорога, уходившая в даль, казалось, вела в бесконечность. Весной и поздней осенью, когда деревья не были зелёными, глядя вдаль из окна Натальиной квартиры, можно было видеть в хорошую погоду некоторые дома села Гуселетово, расположенного километрах в восьми-десяти от райцентра. Невооружённым глазом, как говорят. А в бинокль и говорить нечего — флаг на здании сельсовета некоторые различали. Вот и сейчас Андрюша ясно видел горбившиеся крыши гуселетовских домов, и душа его затосковала — ему захотелось сейчас же сесть в подъехавший к автостанции автобус, доехать до железнодорожного вокзала, купить билет и...

Андрей присел на диван. Ему вспомнилась Катя, ребята из его группы, мать. Потом мысли перенесли его в армейские годы. “Как вы все там? Как сложилась жизнь ваша? — подумал Андрей, — А что будет со мной? Что мне делать?”

Чувство какой-то безысходности и нехорошее предчувствие овладели Андреем. Он понял, что больше не уснёт, и налил в бокал ещё чая — покрепче. Горестные мысли его несколько развеяли пришедшие Наталья с Настей. Они принесли велосипед, и Настя сразу же стала упражняться в езде из комнаты в прихожую и обратно. Наташа помогала, поддерживала её, и когда у Насти получалось, хлопала в ладоши.

— Дядя Андрюша, спасибо, — сказала Настя, когда они садились обедать, — можно я тебя поцелую?

Андрей показал пальцем на правую щёку, и Настенька приложилась к ней, сегодня ещё не бритой, своими невинными детскими губками.

— Что ты будешь делать, — сказала, улыбаясь, Наталья, — все его целуют-милуют, от детей до пенсионерок. И что ты за человек такой? Всеобщий жизненный любимчик.

— Сам не пойму, почему так, — сказал Андрей, пробуя улыбнуться. Наталья, казалось, забыла напрочь ночной инцидент, и теперь вся искрилась любовью и нежностью в равной степени к ребёнку и к нему. Это несколько успокоило Андрея,

и от души вроде бы отлегло. После обеда он взял в руки гитару и запел песню из кинофильма “Земля Санникова”:

Призрачно все в этом мире бушующем,
Есть только миг, за него и держись.
Есть только миг между прошлым и будущим,
И именно он называется жизнь.

— Дядя Андрюша, а ты от нас не уедешь? — спросила Настя, едва Андрей отложил гитару. — Не уедешь?

Настя села ему на колени и буквально впиалась глазенками в его зрачки.

— Не уеду, если мама не выгонит, — отшутился Андрей.

Мама, ты дядю Андрюшу не выгонишь же? — Настя подбежала к Наталье. — Не выгонишь?

— Выгоню, — засмеялась Наташа, — выгоню, если на тётю Валю смотреть будет и на гитаре ей играть.

— Не будешь на тётю Валю смотреть? — спросила шёпотом Настя.

Андрей замотал головой, улыбнулся и прилёг на диван. Наталья включила телевизор и прилегла рядом. Настя продолжала осваивать велосипед. По телевизору шла передача, посвященная лучшим песням года. Андрей по привычке запросто называл исполнителей Аллами, Софийками, Сашками, Юриками, и Наташа, улыбаясь, была счастлива в этот миг, как, наверное, никогда в жизни. Ей хотелось, чтобы минуты их близости, эта передача и этот день, первый день нового года, длились как можно дольше, но...

Но бдительная Валентина Петровна, познакомившая Андрея и Наталью, уже разлучила их навсегда. Привыкшая докладывать о том, что видела и слышала, ответственным работникам районного Белого дома, она в первый день наступившего года не поленилась сходить на дом к участковому на другой край села и попросила его проверить Андрея и его документы.

И в то время, когда наш музыкант играл на гитаре и пел, старший лейтенант Горный направлялся к дому Натальи, а ког-

да влюбленные смотрели телевизор, лежа на диване, он, выйдя из машины, вошёл в первый подъезд и остановился возле квартиры номер восемь. Через несколько секунд он нажал кнопку звонка, и раздавшаяся трель в Наташиной квартире известила о том, что совместная жизнь хозяйки квартиры и её постояльца закончилась.

Наташа пошла открывать, по пути отодвинув в угол стоящую у дверей Андрееву сумку, собранную им под утро. Андрей слышал, как она открыла замок и стала с кем-то разговаривать на необычно повышенных тонах.

— Вы пропустите меня? — говорил кто-то мужским голосом.

— А почему я должна вас пропускать? Здесь никого нет из посторонних.

— А чья это сумка?

— Моя.

Андрей интуитивно почувствовал опасность и, осторожно пройдя на кухню, попробовал открыть балконную дверь. Она поддавалась, и Андрей в тапочках, футболке и спортивных брюках, выйдя наружу, перевалился через перила и побежал по рыхлому снегу в сторону дома, где жили Санька с Валентиной. Он понимал, что участковый может заглянуть и к Натальиным родственникам, а потому, забежав на второй этаж дома, поднялся по пожарной леснице, отрыл люк, ведущий на чердак, распугав стаю голубей, греющихся у отопительной трубы.

Через слуховое окно хорошо была видна машина Горного. Андрей стал ждать. Было холодно. Особенно мёрзли голова и ноги. Но делать ничего не оставалось, как только терпеть и ждать.

Ждать пришлось долго. Андрей прижимал к тёплой трубе отопления то ноги, то руки, то приседал, то потирал ладони. Короткий зимний день клонился к закату, а участковый как будто застрял в Натальиной квартире. Прошло более часа, прежде чем старший лейтенант вышел из подъезда, сел в “уазик” и уехал. Однако Андрей не торопился возвращаться. Интуиция подсказывала ему, что Горный может вернуться и даже не один,

а с нарядом милиции. К тому же он не знал, что рассказала участковому Наташа, и потому решил вначале послать к ней Валентину. Валя изрядно удивилась, увидев его одетым по-домашнему.

— Вы что, разодрались все-таки с Наташкой? — спросила она, открыв ему дверь.

— Да нет. Горный приезжал, хотел документы проверить, а у меня их как раз сейчас нет, как и нет желания сидеть в милицейской камере до выяснения личности.

— Значит, та шизофреничка всё-таки накапала участковому? Ну и кобыла, — возмутилась Валентина, — проходи, погрейся... Замёрз, как суслик, сейчас стопарик налью для сугрева.

— А Санька где? — спросил Андрей.

— Да дрыхнет всё. Пускай себе. И ребятишки спят. Намутились вчера ночью с Новым годом этим.

Валентина провела Андрея на кухню, налила стопку, поставила перед ним тарелочку с дымящимися пельменями.

— Грейся, — сказала она, обнимая Андрея, — посинел, бедненький.

— Валь, ты сходи до Натальи, узнай, что там ей мент наговорил, — попросил он.

— Схожу. Никуда твоя Наташка не денется. Сама небось прибежит сейчас.

Звонок в дверь заставил Андрея вздрогнуть, и он, залпом опустошив рюмку, замер.

— Тихо, — сказала Валентина, — не робей, сюда я этого ментяру не пушу.

Валентина прикрыла кухонную дверь и пошла открывать. У Андрея учащённо забилося сердце.

Пришла, как и предполагала Валентина, Наташа.

— Заколебал меня Горный этот, — сказала зло она, — как познакомились, спрашивал, сколько живёшь у меня. Я ему говорю: иди в ДК и там спроси. А он всё записал и заставил меня подписать. Я не стала. Сказал, чтобы ты завтра пришёл к девяти часам. Его насторожило то, что ты через балкон убежал.

— Ну ладно, пойдём домой, — Андрей пошёл к выходу.

— Да посидите вы, куда торопитесь? — попросила Валентина.

— Да некогда. За документами ехать нужно, а то, не дай Бог, посадят ни за что, — сказал Андрей.

— Что, сейчас и поедешь? — спросила Валентина.

— Конечно. Утром поздно будет, повяжут.

— Ты что, правда, поедешь сейчас? — спросила Наташа Андрея по пути домой.

— Конечно. Пятичасовым автобусом.

— И куда теперь?

— Найду куда. Если найду квартиру и работу, приедешь ко мне?

— Не знаю. Ты документы себе чистые сделай сначала.

— Попробую.

Наташа молча укладывала в сумку чистое полотенце, зубную пасту, щётку, мыло. Андрей, отсчитав двадцать пять рублей, протянул ей.

— Не надо, — сказала она, — мы переберёмся как-нибудь, а тебя, кто знает, куда занесёт. — Возьми, возьми, я без денег не останусь, — настоял Андрей.

Наташа пошла проводить его до автостанции. Когда подошёл автобус, она заплакала.

— Ты любишь меня хоть немного? — спросила она, уткнувшись в плечо Андрея.

— Люблю, Наташа, люблю. Спасибо тебе за всё. Жди письма. Будешь ждать?

Наташа кивнула. Они поцеловались, и Андрей, сев в автобус с немногочисленными пассажирами, долго махал Наталье, одиноко стоявшей на привокзальной площади, из полузамерзшего окна.

“Прощай, Наташа! Прощай, село, давшее кров и заботу, познакомившее с хорошими людьми. Прощай! Суждено ли снова вернуться сюда?”

Когда автобус покинул пределы районного центра и выехал на трассу, опустившиеся сумерки совсем поглотили село.

Закончился еще один световой земной день, а вместе с ним закончился еще один этап в жизни Андрея и начался новый. Каким он будет? Куда забросит жизнь нашего героя? Что ждет его в ближайшее будущее? Каменные, холодные стены тюрьмы или утопающая в огнях эстрада, поклонницы и успех?

В тот год весна выдалась ранняя. Уже в первых числах марта снег стал чернеть, побежали по улицам весёлые ручьи. К середине месяца наступила такая теплынь и уже не верилось, что еще каких-то три недели назад февраль наметал сугробы чуть ли не до подоконника. До подоконника того самого окна в зале, из которого в хорошую погоду ранней весной или поздней осенью, когда не мешает зелень деревьев, можно увидеть, если всматриваться вдаль, крыши домов села Гуселетово, расположенного километрах в восьми-десяти от районного центра. Весна пробуждала жизнь, заставляла дышать глубже, думать по-новому, и тосковать.

Каждый раз во время обеденного перерыва Наташа, придя домой, первым делом заглядывала в почтовый ящик, потом ставила разогревать борщ или суп и, пока грелся обед, смотрела в сторону села Гуселетово. Иногда на глазах её появлялись слёзы. Она чувствовала на губах их горьковато-соленый вкус, но не торопилась смахнуть слезинки.

“Где ты, любимый мой Андрюша? — думала она в такие минуты, — кому и какие поёшь теперь песни?..

Иногда воспоминания захлестывали ее и по вечерам. Тогда она доставала из тумбочки, где стоял телевизор, подшивку районных газет и открывала те страницы, где было написано про коллектив районного Дома культуры. Газет с материалами Валентины Петровны об агитбригаде и вокально-инструментальном ансамбле было три. Одна из них с фотографией. Наташа смотрела на групповой нечетко отпечатанный, темный снимок работников ДК, отыскивала среди них Андрея и снова плакала. Еще зимой, она нашла в кармане оставленного Андрюшей пиджака записную книжку с адресом его матери,

хотела написать, даже несколько раз брала ручку и тетрадный листок, но почему-то ни как не могла вывести первые буквы. Но наступающая по всем фронтам и уже надёжно захватившая собой райцентр весна не давала ей покоя и Наташа, все-таки решилась: написала скромное письмо, с просьбой, если можно послать весточку об Андрее и отправила его на родину того, кто все больше и больше заполнял ее мысли.

Утром сразу после подъёма Андрея вызвал начальник отряда.

— Ну, что, Свиридов. Домой собрался?

— А что тут собирать, гражданин начальник. Я как сюда попал, сразу готов был. В любой день сказали бы: на выход, пошел бы, в чем был. Хоть из бани.

Капитан засмеялся.

— Везет тебе. Сбежал с химии, а тебе по минимуму дали и отправили опять к нам, где был. А теперь, не смотря ни на что, еще и по указу выходишь. Действительно государство у нас гуманное.

— Я же не один выхожу. Послезавтра аж, сорок с лишним душ на волю отпускают раньше срока.

— И я об этом, — капитан откинулся на спинку стула, потянулся, — Ты думаешь, зачем я в такую рань сюда припёрся?

Он довольно улыбнулся.

— Ни за что, артист, не догадаешься. Ради тебя. Я тебе сюрприз решил сделать. Ты сегодня на волю уйдешь.

— Как сегодня? — Андрей понимал, что капитан не шутит, но поверить еще его словам не мог.

— Вот так сегодня. Один, а не с этой шоблой. Или не хочешь?

— Хочу, но я морально не готов к такому повороту.

— Ха! А говорил: из бани бы в чем мать родила ушел... Иди в спецчасть сейчас, получи бумаги и, чтоб я тебя в обед уже не видел... Понял?

— Понял, гражданин капитан.

— Так вот. Ты еще не всё понял. А поймешь, когда за ворота выйдешь. Благодарить меня будешь за такой сюрприз. Куда поедешь-то?

— К матери, куда еще...

— А говорил: подруга у тебя была... Хорошая мол, баба...

— Баба-то она хорошая, да вот я не совсем... Меня там, как положительного человека знали, музыканта, солиста... А я беглым зеком оказался. Стыдно теперь народу в глаза глядеть будет. Нет, не поеду я больше туда...

— Ну и дурак! – капитан встал, прошелся по комнате, — Извини за прямоту, Свиридов. Химик – какой тебе зек? Если бы ты из зоны дёру дал, тогда мы с тобой здесь не говорили, и сидел бы ты на строгом режиме. В общем, иди и подумай. Это здесь тебе кажется, что хороших женщин на свете пруд пруди, и все они готовы тебя встретить и приветить, а на деле не так. А раз попалась тебе такая как надо, так и стремись сделать все так, чтобы не потерять, то что имел... Поверь мне, я тоже кое что в жизни видел...

— Спасибо, гражданин капитан. Я подумаю над вашими словами.

— Подумай. Иди и глупостей больше не делай. Такие как ты на воле нужны.

... Дверь из заключения на волю раскрылась перед ним около полудня. Проверивший документы Андрея солдат, открыл запоры, и май обрушился на бывшего невольника запахом цветущей черёмухи, ярким подошедшим к зениту солнцем, разноголосьем птиц. Стоя на крыльце контрольно-пропускного пункта исправительной колонии, бывший невольник подумал: «Вот он, короткий миг счастья!». Отобранная у человека свобода была ему возвращена, а что еще надо, чтобы быть счастливым? Андрей прищурился, глядя на солнце, поднял вверх руки и довольно потянулся.

— Жизнь прекрасна, правда, боец? – спросил он провожавшего его солдата-татарина. Тот улыбнулся, кивнул и махнул Андрею рукой.

Андрей шагнул с крыльца и осмотрелся. Метрах в ста от него, в летней беседке сидели какие-то люди, вдали по улице проезжали автомобили. Он остановился и хотел спросить у солдата: куда идти к автобусной остановке, как заметил на другой стороне улицы двух женщин. Они махнули ему, и пошли навстречу. Сердце бывшего невольника зашлось в частом перестуке. В одной из них он узнал мать, а во второй...

«Наташа...» У него перехватило дыхание и первое, что пришло ему на ум, была мысль, о том, кого из них он должен вначале поцеловать, чтобы не обидеть другую.

Он не успел это решить, как увидел выбежавшего на дороге ребенка.

«Настя!...»

— Дядя Андрюша! Дядя Андрюша! – Настя бежала через проезжую часть и радостно кричала ему. А по дороге наперез ей мчалась бежевого цвета «Волга».

До машины было метров пятьдесят, до Насти примерно столько же. Андрей бросился навстречу ребенку, проскочил перед самым носом сбросившей ход автомашины, схватил Настю и поднял над головой. Ребенок смеялся, тянулся к нему руками. Андрей прижал девочку к груди, а она ловко обняла его за шею. Он прижал ее еще крепче и непроизвольно бросил взгляд в сторону КПП. На крыльце стоял начальник отряда. До него было приличное расстояние, но Андрею показалось, что он улыбался.

1995.

(Доработан 2005).

ЗАРЯ-МЕРЦАНА

К вершине взойду звёздной ночью,
Июль не даёт мне уснуть.
Среди огоньков-многоточий
Найду свой единственный путь.
Раздвину созвездья-чертоги,
Мерцаны узнаю маршрут.
Славянские мудрые боги
На встречу со мною придут.
Бог Род даст свои наставленья,
Ума мне добавит и сил,
Откроет и тайну рожденья,
И смерти небесных светил.
А Сварог, сварганивший Небо
И Землю, весь мир и меня,
Отдаст мне свой молот,
даст хлеба
И белого чудо-коня.
Любовь мне подарит Мать-Лада,
Терпенье и мысли полёт,
С Ирийского божьего сада
Плодов мне с собой соберёт.
И конь подо мною взметнётся,
И небо пробьёт и зенит,
К мелькающим звёздочкам-солнцам
И к землям-планетам помчит.
Мелькнут тридевятые земли,
И дальние дали мелькнут.
Столбы верстовые Вселенной
К Мерцане меня приведут.
Мидгарда родная сестрица,
Ярилы любимая дочь,
К тебе моё сердце стремится
В земную бессонную ночь.
В июле недолгие звёзды,
Июльская ночь коротка.
И падают звёздочки-слёзы

В луга, в молодые стога.
Проплачется ночь, растворится,
Румяное утро придёт.
Мелькнёт в синеве, разгорится
Мерцана, затмив небосвод.
Подруга зари и рассвета,
Предвестница нового дня,
Ты удержи это лето,
Продли его для меня!
Ты растяни день до года
И миг растяни на час...
Пусть каждое утро природа
Свиданье с тобою мне даст!

Но подступает Ярила,
Восходит на трон дневной царь.
Последнее в небе светило
Он спрячет в божественный ларь.
Там звёзды лежат — ожерелья,
Жемчужин там много — планет.
Никто без его разрешения
Светила не вынет на свет.
Ярила царит — звёзд не надо,
При солнце не нужен огонь.
Покоится звёздное стадо,
И где-то привязан мой конь.
Но снова июльской ночью
Бессонница входит ко мне.
И к небу вздымаю я очи,
Мечтаю о чудо-коне.
Я в небо гляжу неустанно,
Уносятся мысли вперёд.
Я верю: однажды с Мерцаны
Посланник за мною придёт.

Красноярск, 24–25 декабря 2014

Содержание

С. Коротков.	
Надежда не тщетна, если с ней Вера и Любовь	
О прозе Сергея Кузичкина.....	3
А. Зябрев. Безумие писать всерьёз.....	4
Там, за облаками (эссе).....	5
Позывные Мерцаны (новелла).....	9
Учительница немецкого (новелла).....	22
Философия Любви (эссе).....	31
Философия Надежды (эссе).....	36
В день твоего рождения (новелла).....	41
Три имени любви (новеллы).....	44
Объявление (новелла).....	55
Не судьба (новелла).....	65
Четвёртая встреча (новелла).....	72
В том июне (новелла).....	101
Погружение в листопад (романтическая история).....	118
Сны Пиноккио (повесть).....	145
Шуруп и Вобла (повесть).....	189
Звезда-Мерцана (стихотворение).....	275

АЛЬМАНАХ ПРОЗЫ, ПОЭЗИИ, ПУБЛИЦИСТИКИ

660048, Россия, Красноярск, ул. Калвинна, 12-523,
тел. 8(391)296-38-93,
e - mail: sergkuz58@mail.ru

Сергей КУЗИЧКИН

ПОЗЫВНЫЕ МЕРЦАНЫ

Эссе, новеллы, повести

Библиотека «Нового Енисейского литератора»
Автор проекта и редактор-составитель — Сергей Кузичкин
Литературный редактор — Андрей Леонтьев
Фото на обложке: Сергей Дяденко

Сдано в набор 17.11.2015 года. Подписано в печать 23.11.2015 года.

Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Балтика.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 14.

Тираж 300 экз.